ISSN 2072-8042

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
ВСЕРОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛИ
МИНИСТЕРСТВА ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

РОССИЙСКИЙ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

RUSSIAN FOREIGN ECONOMIC JOURNAL

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

9 - 2025

Журнал учрежден Всероссийской академией внешней торговли
Минэкономразвития России в 1996 году.

РОССИЙСКИЙ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК № 9 - 2025

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
ВСЕРОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛИ
МИНИСТЕРСТВА ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Адрес редакции : 119285, г. Москва, ул. Воробьевское шоссе, 6А
Тел. +7 (499) 143-12-35
Факс +7 (499) 783-02-63
e-mail : info@vavt.ru, Elena_Holodkova@vavt.ru
http://www.rfej.ru

Подписка на 2026 год через каталог

Пресса России
Подписной индекс
87735

ВСЕРОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ
ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛИ

С 1931 года Академия готовит специалистов в сферах мировой экономики, международного права и логистики и играет ключевую роль в формировании кадрового потенциала для внешнеэкономического блока России.

ВАВТ — экспертно-консультационный и аналитический центр в области внешней торговли

• 2 научных института при Академии: Институт международной экономики и финансов, Институт развития интеграционных процессов.

• Международное сотрудничество с зарубежными научно-образовательными организациями.

• 30+ научно-исследовательских работ в интересах Минэкономразвития России.

• 30+ аналитических материалов по внешнеэкономической тематике ежегодно.

• 800+ публикаций в рецензируемых научных изданиях ежегодно.

• Еженедельный мониторинг мировой торгово-экономической повестки и ежемесячная аналитика мировой экономики.

ВАВТ — ведущий образовательный центр подготовки кадров для внешнеэкономической деятельности

• Направления подготовки: Экономика, Менеджмент, Юриспруденция, Государственное и муниципальное управление, Информационные системы и технологии, Таможенное дело.

• Преподаватели — ведущие эксперты-практики с опытом работы в крупных российских и международных компаниях и государственных структурах.

• Языковая подготовка: обучение 13 востребованным иностранным языкам. Студенты бакалавриата изучают по два иностранных языка.

• Современный кампус с технологичными аудиториями, научной библиотекой, коворкингом, спортивно-оздоровительным комплексом с бассейном и тренажерным залом.

• Практикоориентированный подход: студенты проходят стажировки в крупных российских и зарубежных компаниях-партнерах ВАВТ, а также в профильных министерствах и ведомствах.

• Содействие трудоустройству: при поддержке Центра карьеры ВАВТ 100% выпускников трудоустраиваются в течение первого года после окончания обучения.

Контакты:
Сайт: vavt.ru
Телефон: +7 (499) 147-54-54
Почта: info@vavt.ru
Информация о жизни Академии в социальных сетях:

ВСЕРОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ
ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛИ

Решением ВАК журнал «Российский внешнеэкономический вестник» включен в Перечень периодических научных и научно-технических изданий, в которых рекомендуются публикации основных результатов диссертаций на соискание степени доктора наук по экономике.

Журнал является ведущим изданием, специализирующимся на публикации статей по внешнеэкономическим связям России, по развитию экспортной базы, экономическим и правовым проблемам мировой экономики и международной торговли. Предназначен для научных работников, экономистов, работников государственных учреждений и ведомств, сотрудников внешнеторговых компаний и в целом для специалистов в области внешнеэкономической деятельности.

Уникальность издания заключается в широте постоянно поддерживаемых тем, высоком профессиональном уровне и актуальности подготовленных материалов, объективности их изложения. Это позволяет считать журнал источником информации, достаточным для принятия самых серьезных решений.

Журнал «Российский внешнеэкономический вестник» располагает лучшими информационными ресурсами: первоисточниками по проблемам мировой экономики и внешнеэкономических связей. Издание отличается от других российских изданий в области экономики значительным объемом материалов, написанных высококвалифицированными российскими учеными и специалистами.

Журнал принимает к публикации статьи по внешнеэкономической тематике размером от 0,5 до 1 п.л. в электронной форме. Преимуществом при приеме публикаций пользуются авторы, подписавшиеся на наш журнал.

Подписной индекс каталога «Пресса России» - 87735

Приглашаем к сотрудничеству!
Пишите нам по адресу: info@vavf.ru (с обязательной пометкой:
(В редакцию журнала «Российский внешнеэкономический вестник»)

Наш адрес: 119285, Москва, Воробьевское шоссе, 6А
Проезд от станции М. «Киевская» электробусами 17, 34, 119, 266
до остановки «Академия внешней торговли»
а также от М. «Университет» электробусами 34 и 119.

Наши телефоны:

Ректорат: 8 (499) 143-12-35, **Приемная комиссия:** 8 (499) 147-54-54,
Факс: 8 (499) 783-02-63 E-mail: info@vavt.ru

Сайт журнала: https://journal.vavt.ru/rfej

RUSSIAN FOREIGN ECONOMIC JOURNAL

Ежемесячный научно-практический журнал

Учредитель :
Всероссийская академия внешней торговли Минэкономразвития России
Главный редактор :
Д.С. Терновский, д.э.н., доцент
Зам. гл. редактора :
Ю.А. Савинов, д.э.н., проф.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия.

Свидетельство о регистрации СМИ : ПИ № ФС77-21463 от 12 июля 2005 г.

Адрес редакции :
119285, г. Москва, Воробьевское шоссе, 6а

Тел. (499) 143-12-35
Факс (499) 783-02-63
E-mail : Info@vavt.ru; rfej@vavt.ru
http//www.vavt.ru
http://www.rfej.ru

Подписка на 2026 год осуществляется через каталог:

«Пресса России»
Подписной индекс : **87735**

Ответственный секретарь редакции : Холодкова Е.Ф.

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДАКЦИИ

Состав редакционной коллегии журнала 3

Editorial Board 5

С ЮБИЛЕЕМ

Заведующему кафедры «Гуманитарных и социальных наук» профессору Саркисяну Сурену Ашотовичу исполнилось 75 лет! 7

МЕЖДУНАРОДНАЯ ТОРГОВЛЯ

В.В. Французов
Развитие инвестиционного сотрудничества Венесуэлы с зарубежными странами в новых геополитических условиях 8

Э.Э. Гусейнов, Т.М. Исаченко
Защита интеллектуальной собственности в фармацевтической отрасли ЕС и глобальный доступ к лекарствам 25

ВНЕШНЕТОРГОВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

А.С. Фиранчук
Российский импорт фармацевтических товаров в период санкций 42

П.Н. Павлов
Оценка внешнеторговой компоненты темпов роста российской экономики в 2025 году и на период до 2028 года 60

А.Д. Левашенко, И.С. Ермохин, Д.А. Голованова
Поиск баланса регулирования развития ВАТС в России 69

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА

В.А. Еремкин, К.А. Тузов
Детерминанты притока иностранных инвестиций и институциональные ограничения инвестиционной политики России 85

Л.А. Стрижкова, М.В. Селиванова
Сфера услуг и экономическое развитие 108

ИНФОРМАЦИЯ

Список статей, опубликованных в журнале «Российский внешнеэкономический вестник» в 2025 г. 128

RUSSIAN FOREIGN ECONOMIC JOURNAL

Monthly Scientific and Practical Journal

При использовании материалов ссылка на журнал обязательна

Перепечатка материалов (полная или частичная) допускается только с письменного разрешения редакции

Все публикуемые материалы прошли процедуру рецензирования

Редакция журнала оставляет за собой право не вступать в переписку с авторами

Позиция авторов представленных в номере статей не всегда совпадает с позицией издателей журнала

Редакция оставляет за собой право на внесение изменений в представляемые статьи

Отпечатано в типографии ВАВТ Минэкономразвития России
119285, Москва, Воробьевское шоссе, 6А

Компьютерная верстка Холодкова Е.Ф.

Подписано в печать 09.12.2025

Формат 168/248
Бумага офсетная.
Гарнитура "Таймс".
Печать офсетная.
Тираж 100 экз.
Заказ №950
© ВАВТ Минэкономразвития России

CONTENT

FROM THE EDITORIAL OFFICE

Editorial Board of the magazine 3

Editorial Board 5

HAPPY ANNIVERSARY

To the Head of the Department of "Humanities and Social Sciences" Professor Suren Ashotovich Sarkisyan turned 75! 7

INTERNATIONAL TRADE

V.V. Frantsuzov
Venezuela's Investment Cooperation with Foreign Countries in a Changing Geopolitical Environment 8

E.E. Guseinov, T.M. Isachenko
Intellectual Property Protection in the EU Pharmaceutical Industry and Global Access to Medicines 25

FOREIGN TRADE ACTIVITY

A.S. Firanchuk
Russia's Pharmaceutical Imports under Sanctions Period 42

P.N. Pavlov
Evaluating the Foreign Trade Component of Russia's Economic Growth in 2025 and for the period up to 2028 60

A.D. Levashenko, I.S. Ermokhin, D.A. Golovanova
Finding a Regulatory Balance for Highly Automated Vehicles in Russia 69

WORLD ECONOMY

V.A. Eremkin, K.A. Tuzov
Determinants of FDI Inflows and Institutional Constraints of Russia's Investment Policy 85

L.A. Strizhkova, M.V. Selivanova
Service Sector and Economic Development 108

INFORMATION

List of articles published in "Russian Foreign Economic Journal» in 2025 128

Состав редакционной коллегии журнала

Главный редактор - Денис Сергеевич ТЕРНОВСКИЙ, д.э.н., доцент, ведущий научный сотрудник Института международной экономики и финансов Всероссийской академии внешней торговли Минэкономразвития России
(Москва, Россия) d.ternovskiy@vavt.ru

Заместитель главного редактора - Юрий Анатольевич САВИНОВ, д.э.н., проф., профессор кафедры международной торговли и внешней торговли РФ Всероссийской академии внешней торговли Минэкономразвития России (Москва, Россия)
Yuriy_Savinov@vavt.ru

Редакционная коллегия

Александр Иванович БЕЛЬЧУК, д.э.н., проф., профессор кафедры мировой и национальной экономики Всероссийской академии внешней торговли Минэкономразвития России (Москва, Россия)

Нина Григорьевна ВИЛКОВА, д.ю.н., проф., профессор кафедры международного частного права Всероссийской академии внешней торговли Минэкономразвития России (Москва, Россия)

Елена Борисовна ГАФФОРОВА, д.э.н., проф., председатель Ученого совета ШЭМ ДВФУ, действительный член Академии проблем качества, исполнительный директор Приморского отделения АП; член независимой экспертной аттестационной и конфликтной комиссии в администрации Приморского края (Владивосток, Россия)

Раушан Елемесович ЕЛЕМЕСОВ, д.э.н., проф., профессор кафедры международных отношений и мировой экономики КазНУ им. аль-Фараби, заслуженный деятель РК (Алматы, Казахстан)

Павел Анатольевич КАДОЧНИКОВ, д.э.н., заместитель Министра финансов Российской Федерации (Москва, Россия)

Виктор Иванович КОРОЛЕВ, д.э.н., проф., заведующий кафедрой менеджмента и маркетинга Всероссийской академии внешней торговли Минэкономразвития России (Москва, Россия) e-mail: Viktor_Korolyov@vavt.ru

Иван Сергеевич КОРОЛЕВ, д.э.н., проф., член-корреспондент РАН, заместитель директора, заведующий отделом глобальных экономических проблем и внешнеэкономической политики ИМЭМО РАН, заместитель председателя экспертного совета ВАК по экономическим наукам, председатель диссертационного совета ИМЭМО (Москва, Россия)

Александр Сергеевич КОМАРОВ, д.ю.н., проф., кафедра международного частного права Всероссийской академии внешней торговли Минэкономразвития России (Москва, Россия) e-mail: Aleksandr_Komarov@vavt.ru

Леонид Владимирович САБЕЛЬНИКОВ, д.э.н., проф., заслуженный деятель науки РФ, зав. отделом международной торговли и многостороннего экономического сотрудничества Всероссийского научно-исследовательского конъюнктурного института, главный научный сотрудник Института международной экономики и финансов Всероссийской академии внешней торговли Минэкономразвития России (Москва, Россия)

Марат Рашитович САФИУЛЛИН, д.э.н., проф., проректор по экономическому и стратегическому развитию Казанского (Приволжского) федерального университета, директор Центра перспективных экономических исследований Академии наук Республики Татарстан (г. Казань, Республика Татарстан)

Елена Владимировна САПИР, д.э.н., проф., проректор по развитию образования Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова, зав. кафедрой мировой экономики и статистики (Ярославль, Россия)

Андрей Николаевич СПАРТАК, д.э.н., проф., член-корр. РАН, заслуженный деятель науки России, заведующий кафедрой международной торговли и внешней торговли РФ Всероссийской академии внешней торговли Минэкономразвития России, директор Всероссийского научно-исследовательского конъюнктурного института (Москва, Россия)

Виктор Борисович СУПЯН, д.э.н., проф., член-корр. РАН, заслуженный деятель науки России, руководитель научного направления Института США и Канады РАН, профессор кафедры мировой и национальной экономики Всероссийской академии внешней торговли Минэкономразвития России (Москва, Россия)

Владимир Михайлович ШУМИЛОВ, д. ю. н., проф., заслуженный юрист РФ, заведующий кафедрой международного права Всероссийской академии внешней торговли Минэкономразвития России (Москва, Россия)

Антонио САНЧЕС-АНДРЕС, доктор наук, профессор Университета Валенсия (Валенсия, Испания)

Виктория Е. ЭРОЗА, доктор наук (управление), профессор Международного Центра Университета Прикладных наук г. Бремен (Бремен, Германия)

Дж.Ю. ЛИ, Директор департамента Европы, Америки и Евразии Института международной экономической политики Республики Корея (Седжон, Республика Корея)

Гарсия Мигель КАЭТАНО, профессор, Национальный автономный университет Мексики (Мехико, Мексика)

ЛЮ ХУАЦИНЬ, профессор, Академия международной торговли и экономического сотрудничества при Министерстве Коммерции КНР (Китай)

Editorial Board

Denis TERNOVSKY – Editor-in-Chief, D.Sc. (Economics), Associate Professor, Russian Foreign Trade Academy (RFTA) of the Ministry of Economic Development, Senior Researcher at the Institute of International Economics and Finance (Moscow, Russia) d.ternovskiy@vavt.ru

Yuri SAVINOV - Deputy Editor-in-Chief, D.Sc. (Economics), Professor, Russian Foreign Trade Academy (RFTA) of the Ministry of Economic Development, Professor of the Department of International Trade and Foreign Trade of the Russian Federation (Moscow, Russia)
Yuriy_Savinov@vavt.ru

Alexander BELCHUK - D.Sc. (Economics), Professor, Russian Foreign Trade Academy (RFTA) of the Ministry of Economic Development, Professor of the Department of World and National Economy (Moscow, Russia)

Raushan ELEMESOV - D.Sc. (Economics), Professor, Al-Farabi Kazakh National University, Professor of the Department of International Relations and World Economy (Kazakhstan)

Nina VILKOVA - D.Sc. (Jurisprudence), Professor, Russian Foreign Trade Academy (RFTA) of the Ministry of Economic Development, Professor of the Department of Private International Law (Moscow, Russia)

Elena GAFFOROVA - D.Sc. (Economics), Professor, Director of the School of Economics and Management, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia)

Pavel KADOCHNIKOV - D.Sc. (Economics), Deputy Minister of Finance of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Alexander KOMAROV - D.Sc. (Jurisprudence), Professor, Russian Foreign Trade Academy (RFTA) of the Ministry of Economic Development, Department of Private International Law (Moscow, Russia) e-mail: Aleksandr_Komarov@vavt.ru

Ivan KOROLEV - D.Sc. (Economics), Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Science, RAS Consultant, Deputy Chairman of the Expert Council of the Higher Attestation Commission for Economic Sciences, Institute of World Economy and International Relations, RAS (Moscow, Russia)

Victor KOROLEV - D.Sc. (Economics), Professor, Russian Foreign Trade Academy (RFTA) of the Ministry of Economic Development, Head of the Department of Management and Marketing (Moscow, Russia) e-mail: Viktor_Korolyov@vavt.ru

Leonid SABELNIKOV - D.Sc. (Economics), Professor, Honored Scientist of the RF, Head of the Department of International Trade and Multilateral Economic Cooperation, Russian Market Research Institute, Chief Researcher of the Institute of International Economics and Finance of the Russian Foreign Trade Academy (RFTA) of the Ministry of Economic Development (Moscow, Russia)

Marat SAFIULLIN - D.Sc. (Economics), Professor, Vice-Rector for Economic and Strategic Development of Kazan (Volga Region) Federal University, Director of the Center for Advanced Economic Studies of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (Kazan, Republic of Tatarstan)

Elena SAPIR - D.Sc. (Economics), Professor, Vice-Rector for Educational Development, of Yaroslavl State University, Head of the Department of World Economics and Statistics, Yaroslavl State University (Yaroslavl , Russia)

Andrey SPARTAK - D.Sc. (Economics), Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Science, Honored Worker of Science of RF, Director of the Russian Market Research Institute, Russian Foreign Trade Academy, the Head of Department of International Trade and Foreign Trade of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Victor SUPYAN - D.Sc. (Economics), Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Science, Honored Worker of Science of RF, the Head of the Scientific Direction, USA and Canada Institute, RAS, Professor of the Department of World and National Economy, Russian Foreign Trade Academy (RFTA) of the Ministry of Economic Development (Moscow, Russia)

Vladimir SHUMILOV - D.Sc. (Jurisprudence), Professor, Russian Foreign Trade Academy (RFTA) of the Ministry of Economic Developmen, Head of the Department of International Law (Moscow, Russia)

Antonio SANCHEZ-ANDRES - D.Sc. (Economics), Professor, the University of Valencia (Valencia, Spain)

Victoria E. EROSA - D.Sc. (Administration), Guest Professor of the International graduate Centre of the City University of Applied Sciences (Hochshule), (Bremen, Germany)

J.Y. LEE - Cand. Sc. (Economics), Honorary Professor of the RSA Institute of Far Eastern Studies, Director of Department of European, American and Eurasian Institute for International Economic Policy of the Republic of Korea (Sejong, Republic of Korea)

Garcia Miguel CAYETANO - Professor, La Universidad Nacional Autonoma de Mexico (Mexico, Mexico)

LYU HUATSIN - Professor, Academy of International Trade and Economic Cooperation under the Ministry of Commerce of the PRC (China)

ЗАВЕДУЮЩЕМУ КАФЕДРЫ «ГУМАНИТАРНЫХ И СОЦИАЛЬНЫХ НАУК» ПРОФЕССОРУ САРКИСЯНУ СУРЕНУ АШОТОВИЧУ ИСПОЛНИЛОСЬ 75 ЛЕТ!

Дорогой Сурен Ашотович!

В день Вашего юбилея примите наши сердечные поздравления! Вы трудитесь в высшей школе уже пятьдесят лет. В Академию Вы пришли в 1986 году. За годы работы на кафедре Вами был разработан и оформлен в виде дисциплин по выбору целый ряд новых оригинальных программ, в том числе были поставлены авторские учебные курсы, такие как «История», «Политология».

В 1989 году по Вашему предложению кафедра «Политэкономии» была преобразована в кафедру «Политологии и экономической культуры», что соответствовало новым реалиям и новым задачам, стоящим перед Академией. С развитием кафедры и увеличением преподаваемых дисциплин кафедра в 2002 году получила свое современное название – кафедра «Гуманитарных и социальных наук».

Все эти годы и до сегодняшнего дня кафедра возглавляется Вами. Главным и основополагающим в концепции кафедры была и остается гуманитарная компонента образования будущих специалистов внешней торговли, ее государственные и гражданские ориентиры. Ваш высокий творческий потенциал, профессиональные знания и опыт педагогической деятельности получили высокую оценку в научном сообществе, что нашло свое выражение в присвоении Вам почетного звания «Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации».

Вами была разработана одна из первых в стране вузовских программ дисциплин «Геополитика», по которым читались лекции на бакалаврских и магистратских программах Академии. Кроме того, Вами разработаны оригинальные авторские курсы «Социокультурные основы хозяйственной деятельности», «Трудовая этика мировых религий», «Россия в современной мировой политике», «Геополитика мирохозяйственных связей», «Этика поведения», «Политические и экономические элиты в современном мире», «Мировая политика и российско-китайские отношения на современном этапе». Мы знаем, что все читаемые Вами курсы, на протяжении всей Вашей педагогической деятельности в Академии, пользуются неизменным успехом у студентов и магистрантов нашего вуза.

Вы – соредактор и один из авторов учебника «Истории России», который вышел в Издательство ЮРАЙТ, и выдержал уже 5 переизданий. В 2024 г. этот учебник получил диплом Лауреата в номинации «Исторические науки» ежегодной национальной премии «Выборы вузов России». Соавтор и автор концепции коллективной монографии «А.И. Микоян и внешняя торговля СССР в годы Великой Отечественной войны». Презентация книги успешно прошла дважды: 1 сентября в здании Академии в присутствии министра Минэкономразвития М.Д. Решетников и 13 ноября 2025 года в лектории Минэкономразвития России (URL: https://vk.com/club65825881).

Дорогой Сурен Ашотович, Вы встречаете свой Юбилей с новыми творческими планами. Мы знаем, что Вы пользуетесь заслуженным авторитетом среди студентов, слушателей, преподавателей и сотрудников ВАВТ. Мы ценим Вашу верность Академии, Ваши знания и опыт. Вы вносите в наш коллектив атмосферу взаимного уважения и стремления постоянного совершенствования нашей профессиональной деятельности. Желаем Вам здоровья, счастья, новых творческих свершений!

Развитие инвестиционного сотрудничества Венесуэлы с зарубежными странами в новых геополитических условиях

Виталий Витальевич ФРАНЦУЗОВ,
Всероссийская академия внешней торговли (119285, Москва, Воробьевское шоссе, 6А), Институт международной экономики и финансов – старший научный сотрудник,
E-mail: vniki2010@gmail.com

УДК: 339.9(87); ББК:65.5; Jel:F5
DOI: 10.64545/2072-8042-2025-9-8-24

Аннотация

В статье рассматривается состояние инвестиционного климата Венесуэлы в условиях жесткого санкционного давления США и других стран Запада, представлены законодательные инициативы правительства в сфере иностранных инвестиций, выделены перспективные отрасли венесуэльской экономики для вложений зарубежных инвесторов. Приведена характеристика страновых приоритетов международного инвестиционного сотрудничества Венесуэлы, процесса переориентации на расширение взаимодействия с дружественными странами. Особое внимание уделено реализации ключевых российско-венесуэльских кооперационных проектов и перспективам развития двустороннего сотрудничества в данной сфере.

Ключевые слова: Боливарианская Республика Венесуэла, инвестиционный климат, иностранные инвестиции, геополитика, санкции, сотрудничество, дружественные государства, Российская Федерация.

Venezuela's Investment Cooperation with Foreign Countries in a Changing Geopolitical Environment

Vitalij Vital'evich FRANTSUZOV,
Russian Foreign Trade Academy (119285, Moscow, Vorob`evskoe shosse, 6A),
Institute of International Economics and Finance - Senior Researcher,
E-mail: vniki2010@gmail.com

Abstract

The article examines the state of Venezuela's investment climate under the harsh sanction pressure from the United States and other Western countries. It presents the government's legislative initiatives in the field of foreign investments and highlights promising sectors of the Venezuelan economy for foreign investors. The article outlines the country's priorities in international investment cooperation and the process of shifting focus towards expanding

cooperation with friendly countries. Particular attention is paid to the implementation of key Russian-Venezuelan joint projects and prospects for bilateral cooperation in this area.

Keywords: Bolivarian Republic of Venezuela, investment climate, foreign investments, geopolitics, sanctions, cooperation, friendly states, Russian Federation.

ТЕКУЩАЯ СИТУАЦИЯ С ИНОСТРАННЫМИ ИНВЕСТИЦИЯМИ В ВЕНЕСУЭЛЕ

Руководство Боливарианской Республики Венесуэла предпринимает усилия, чтобы преодолеть затяжной политический и социально-экономический кризис, вызванный в значительный степени сохраняющимся жестким санкционным давлением со стороны США и других стран Запада. Под воздействием принимаемых правительством мер и поддержки дружественных стран экономическая ситуация в Венесуэле в последнее время приобрела в целом положительную динамику, но по-прежнему крайне далека от нормализации: инфляция измеряется двузначными числами, высокие валютные риски сохраняются, а реальный сектор национальной экономики переживает лишь умеренное послекризисное восстановление.

Помимо этого, в последние годы продолжала ухудшаться ситуация с венесуэльским государственным долгом и платежеспособностью: накоплены крупные долги перед международными кредиторами (в частности, Китаем и Россией), имеются просроченные выплаты по арбитражным решениям за экспроприации, долги государственных банков. Совокупный внешний долг Венесуэлы (включая обязательства государственного сектора) по состоянию на конец 2024 г. оценивался примерно в 164,3% ВВП, при этом международные резервы Венесуэлы истощены (в июле 2025 г. они были равны 11,4 млрд долл.)[1], а доступ к международному финансированию отрезан санкциями и отсутствием отношений с МВФ/Всемирным банком.

Для зарубежных инвесторов долговой кризис Венесуэлы означает как риски невыполнения государственных обязательств, так и сложность ведения бизнеса без доступа к внешнему финансированию. Огромный государственный долг также ограничивает возможности фискального стимулирования экономики – бюджет остается зависимым от денежной эмиссии и нефтяных доходов, что добавляет макроэкономической нестабильности.

На сегодняшний момент одна из ключевых проблем венесуэльской экономики состоит в том, что она по-прежнему в крайне высокой степени зависит от нефтяного сектора. Нефть обеспечивает львиную долю валютных поступлений и доходов бюджета – по оценкам, около 58% бюджета в 2024 г. было профинансировано за счет нефтяного экспорта. В 2023-2024 гг. году благодаря временному ослаблению санкций и ряду технических мер экспорт нефти Венесуэлы несколько вырос, однако оставался существенно ниже имеющегося потенциала. Восстановлению от-

расли препятствует, в частности, ограниченный доступ к технологиям и капиталу вследствие западных санкций и сохраняющихся долговых проблем.

Венесуэла продолжает также переживать сложную внутриполитическую ситуацию. Недовольство части населения действующей властью высоко, уровень эмиграционных настроений не снижается, а конструктивный диалог между властью и оппозицией по-прежнему отсутствует. Помимо внутренней нестабильности, в последнее время нарастает внешнее давление, включая угрозы со стороны США под предлогом борьбы с венесуэльским наркотрафиком, что негативно отражается на настроениях зарубежных инвесторов.

Нестабильное состояние экономики и политической среды значительно затрудняет прогнозирование и планирование долгосрочных инвестиционных проектов. Их реализация требует готовности к риску, долгосрочной неопределенности и надежной политической поддержки. В настоящее время инвестиционный климат Венесуэлы остается весьма рискованным: для международного инвестора риски доминируют над потенциальной выгодой.

Справедливости ради необходимо отметить, что правительство Венесуэлы в целях создания привлекательного климата для зарубежных капиталовложений в течение последнего десятилетия последовательно принимало меры в плане совершенствования правового режима деятельности иностранных инвесторов.

ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ ИНИЦИАТИВЫ ПРАВИТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ ИНОСТРАННЫХ ИНВЕСТИЦИЙ

В декабре 2017 г. в Венесуэле был принят Конституционный закон об иностранных инвестициях в сфере производственной деятельности (Ley Constitucional de Inversión Extranjera Productiva), который предусматривает ряд благоприятных условий для зарубежных инвесторов. Основными целями этого Закона являются, в частности укрепление и диверсификация национальной экономики, обеспечение передачи технологий, наращивание добавленной стоимости, диверсификация производственной базы, импортозамещение и стимулирование экспорта, улучшение доступа к внешнему финансированию и новым рынкам, др. Документ, вместе с тем, призван также гарантировать, чтобы производственные иностранные инвестиции не ущемляли независимость, национальный суверенитет и способствовали защите окружающей среды.

Новый закон предусматривает особые льготы для «приоритетных инвестиций» в сектора, важные для развития страны, включая налоговые каникулы, ускоренную амортизацию или возврат импортных пошлин для проектов в оговоренных сферах (например, сельское хозяйство, легкая промышленность). Однако стабильность таких льгот в долгосрочном плане не гарантирована. При этом участие иностранного капитала по-прежнему ограничено в ряде стратегических отраслей: Конституция Венесуэлы требует контрольный пакет государства в нефтяных проектах,

действуют ограничения и особые режимы в горнодобывающей отрасли, телекоммуникациях и финансовом секторе.[2]

Венесуэльское законодательство исторически предусматривало жёсткий валютный контроль и лимиты на репатриацию прибыли, однако в 2021 г. правительство Венесуэлы перешло к политике либерализации, импортозамещения и совершенствования юридической базы для привлечения иностранных инвестиций. Были официально разрешены операции в долларах США, что привело к некоторому росту предложения товаров и услуг, снижению инфляции и частичному восстановлению доверия населения и инвесторов (хотя уровень инфляции остается крайне высоким).

Репатриация прибыли для иностранных компаний официально допускается, однако на практике может быть затруднена формальными процедурами и дефицитом свободно конвертируемой валюты в стране. Доверие к национальной валюте (суверенный боливар) остается низким – большинство сбережений и крупных сделок осуществляются в долларах или евро. Таким образом, валютный режим Венесуэлы сейчас можно охарактеризовать как двойственный: с одной стороны, формально отменены самые жесткие ограничения и разрешено свободное хождение валют, с другой – сохраняются значительные валютные риски (к ним можно отнести потенциальную сильную девальвацию боливара и возможность возврата к жесткому контролю при ухудшении ситуации). Инвесторы должны учитывать, что конвертация и вывод капитала из Венесуэлы все еще несут высокую регуляторную неопределенность.

В июле 2022 г. важным шагом правительства Венесуэлы стало принятие Закона об особых экономических зонах (Ley Orgánica de las Zonas Económicas Especiales). Закон предусматривает введение трех общих типов особых экономических зон (ОЭЗ):

- ОЭЗ для продвижения экспорта;
- ОЭЗ для реализации проектов импортозамещения;
- ОЭЗ для осуществление технико-внедренческой деятельности.

Среди прочего, закон предусматривает налоговые, финансовые и другие льготы посредством набора гарантий и льгот, предлагаемых правительством Венесуэлы государственным и частным инвесторам в ОЭЗ.

Гарантии и льготы предоставляются как национальным, так и иностранным инвесторам, которые обязаны подписать инвестиционное соглашение с Международным центром производственных инвестиций, в котором указаны льготы, доступные для конкретного проекта.

Среди них, в частности, возврат импортных пошлин (режим *drawback*) на ввоз сырья, материалов и оборудования для проектов в зоне, освобождение от экспортных пошлин и НДС на товары, произведённые в ОЭЗ и идущие на экспорт,

ускоренное таможенное оформление и единое окно для всех разрешительных процедур в зоне. Предприятиям-резидентам гарантируется режим свободной конвертируемости валюты – они могут свободно оперировать иностранной валютой для расчетов и репатриации доходов, минуя прежние валютные ограничения.[3]

В совокупности, правительство Венесуэлы позиционирует особые экономические зоны как «локомотив» восстановления экономики за счёт притока прямых инвестиций, предлагая компаниям привлекательные условия в обмен на обязательства по развитию экспортно-ориентированных производств. Согласно целевым ориентирам мастер-плана, общая сумма инвестиций в ОЭЗ Венесуэлы должна составить 10 млрд долл.[4] (по оценкам, на сегодняшний день объем заявленных вложений, однако, значительно ниже). Инвестиции должны быть направлены на развитие промышленности, инфраструктуры и туристической сферы в пяти приоритетных ОЭЗ: Ла-Гуайра, Парагуана, Пуэрто-Кабельо-Морон, остров Ла-Тортуга и остров Маргарита. Активный интерес к инвестированию в венесуэльские ОЭЗ, в частности, в производство технологического оборудования и создание инфраструктуры в нефтегазовом секторе, проявляют китайские компании.

В венесуэльском Законе о борьбе с блокадой (anti-blokade law), принятым в октябре 2020 г. для противодействия экономической блокаде и санкциям, существуют положения, обеспечивающие конфиденциальность и защиту информации о иностранных инвестициях. Закон направлен на защиту суверенитета страны и национальных активов от санкционного давления и предусматривает, что данные, связанные с иностранными инвестициями, не подлежат раскрытию в полном объёме. Он устанавливает специальные механизмы для ускорения бизнес-процессов и защиты инвесторов от возможных внешних репрессий, включая предоставление юридической поддержки партнёрам, работающим в условиях санкций.[5]

По данным ЮНКТАД, в 20-х гг. текущего столетия динамика притока ПИИ в Венесуэлу была в целом неровной и в период 2020-2024 гг. их среднегодовой объем был равен 1,32 млрд долл. (в 2024 г. – 1,63 млрд долл.).

Таблица 1

Накопленные прямые иностранные инвестиции в Венесуэле в период 2020-2024 гг.

	2020 г.	2023 г.	2022 г.	2023 г.	2024 г.
Объем, млн долл.	25 602	26 795	29 100	28 827	30 460
% к ВВП	59,8	47,3	32,7	28,2	25,4

Источник: UNCTAD, World Investment Report 2025. – URL: https://unctad.org/system/files/non-official-document/wir_fs_ve_en.pdf

Основной объем иностранных инвестиций вложен в проекты по добыче, транспортировке, переработке и продаже углеводородного сырья. В Венесуэле работают, в частности, американская Shevron, китайская CNPC, российская «Росзарубежнефть», испанская Repsol, итальянская Eni, французская Maurel & Prom,

индийские ONGC, India Oil, Reliance Industries. В последние годы на венесуэльский рынок пришли новые игроки. Так, в начале 2024 г. индийская компания Jindal Steel & Power взяла на себя управление крупнейшим железорудным комплексом Венесуэлы с целью расширения производства и экспорта железорудных окатышей и брикетов.

ПЕРСПЕКТИВНЫЕ ОТРАСЛИ ВЕНЕСУЭЛЬСКОЙ ЭКОНОМИКИ ДЛЯ ЗАРУБЕЖНЫХ ИНВЕСТИЦИЙ

Стратегические приоритеты развития Венесуэлы определены в Национальном плане 2019–2025 (Plan de la Patria 2019 – 2025) и ряде отраслевых программ, направленных на диверсификацию экономики, модернизацию инфраструктуры и повышение уровня жизни населения. Ключевыми направлениями государственной политики являются, в частности, развитие несырьевого сектора, восстановление энергетической отрасли, улучшение транспортной инфраструктуры и обеспечение продовольственной безопасности.[6]

Вместе с тем, несмотря на амбициозные цели, заложенные в Национальном плане 2019-2025, Венесуэла продолжает сталкиваться с серьёзными социально-экономическими и инфраструктурными проблемами. Реализация стратегических приоритетов осложняется западными санкциями, нехваткой инвестиций, гиперинфляцией и структурными дисбалансами. В результате значительная часть целевых показателей остаётся недостижимой.

В настоящее время Венесуэла сталкивается с серьезными проблемами нехватки инвестиций и технологий, что негативно влияет на ее экономическое развитие и экспортные возможности. Энергетический сектор является критическим звеном, где дефицит инвестиций и технологий вызывает системные сбои и снижает производственные возможности.

Сегодня на венесуэльских предприятиях в скромных объемах выпускаются сельскохозяйственная техника, инвентарь, оборудование для строительной отрасли, инструменты. Есть предприятия, занимающиеся изготовлением небольших партий бытовых электроприборов.

В этих условиях национальное хозяйство Венесуэлы практически целиком зависит от зарубежных поставок современных машин, оборудования и транспортных средств, а руководство страны, находящейся под прессом западных санкционных ограничений и внутренних социально-экономических проблем, нацелено на всемерное расширение торгового и инвестиционного сотрудничества.

С учетом перечисленных выше обстоятельств руководство Венесуэлы в последние годы вносило коррективы в приоритеты экономического развития страны.

Так, в 2024 г. в стране было объявлено о подготовке проекта Плана семи преобразований (The Seven Transformations Plan – The 7T Plan) на период до 2030 г. Первое из намеченных преобразований – экономическая трансформация страны –

нацеливает на «комплексную модернизацию методов и технологий производства национального богатства, ведущую к укреплению диверсификации экономики с целью создания новой экспортной модели.

В январе 2025 г. президент Н. Мадуро в своем ежегодном послании к нации объявил о пересмотре системы отраслевых приоритетов развития, в частности, число т.н. «драйверов» роста национальной экономики (Motores Económicos de Venezuela) снижено с 18-ти до 13-ти, и теперь они определяются следующим образом:

Таблица 2

Драйверы роста экономики Венесуэлы в кратко- и среднесрочной перспективе

1. Развитие углеводородной энергетики	2. Агропромышленный комплекс (включая рыболовство и аквакультуру)	3. Развитие ненефтяного экспорта
4. Горнодобывающая и другие базовые отрасли промышленности	5. Гражданские отрасли промышленности и ВПК	6. Въездной и выездной туризм
7. Строительная индустрия	8. Фармацевтика	9. Национальная цифровая валюта
10. Банковская и финансовая инфраструктура	11. Развитие предпринимательства	12. Инфраструктура коммунального хозяйства
13. Телекоммуникации и новые технологии		

Источник: Составлено автором на основе официальных данных правительства Венесуэлы. – URL: https://www.industrias.gob.ve/2025/01/aprobada-reorganizacion-de-motores-productivos-para-dirigir-politicas-sectoriales-mas-efectivas/

Реализация изложенных выше целей и задач требует существенного увеличения притока инвестиций в страну, что, однако, крайне затруднено вследствие нарастания в мире сложных геополитических проблем и не ослабевающих попыток Запада остановить процесс суверенизации Венесуэлы.

СТРАНОВЫЕ ПРИОРИТЕТЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ИНВЕСТИЦИОННОГО СОТРУДНИЧЕСТВА ВЕНЕСУЭЛЫ

В современных геополитических условиях Венесуэла вынуждена развивать экономическое взаимодействие преимущественно с дружественными для нее странами, включая Россию, Китай, Белоруссию, Иран, Турцию и др.

Так, в последние годы Венесуэла активно проводит курс на расширение торгово-инвестиционного сотрудничества и промышленной кооперации с **Китаем**. В отсутствии поддержки международных финансовых организаций Китай стал одним из основных кредиторов Венесуэлы. За последние полтора десятилетия Китай

предоставил Венесуэле свыше 60 млрд долл. кредитов и инвестиций в рамках нефтяных соглашений (механизм «нефть в обмен на кредиты»). Китайские государственные корпорации CNPC и Sinopec также имеют доли в нескольких венесуэльских нефтяных месторождениях (особенно в поясе Ориноко), хотя после 2019 г. их активность снизилась из-за роста санкционных рисков.

Китайские компании активны в сфере телекоммуникаций и электроники: Huawei и ZTE участвуют в модернизации связи и проектах «умных» удостоверений личности, Haier вложился в создание сборочного производства бытовой техники (в рамках соглашений «китайско-венесуэльского фонда»).

В сентябре 2023 г. Китай и Венесуэла в ходе встречи лидеров двух стран объявили о переходе двусторонних отношений на уровень «всепогодного стратегического партнерства» («all-weather strategic partnership»). Был подписан ряд крупных кооперационных соглашений, включающих, в частности, поддержку Китаем строительства особых экономических зон Венесуэлы, укрепление ее национальной электросети, которая значительно деградировала из-за многолетнего отсутствия инвестиций. Китайская фармацевтическая компания Mehecо заключила соглашение о передаче Венесуэле технологий и ноу-хау для обслуживания медицинского оборудования, строительстве и реконструкции больничных объектов, а также поставке медикаментов и материалов.

Большой международный резонанс получило сообщение о том, что в 2023 г. Венесуэла стала первой латиноамериканской страной, которая подписала соглашение об участии в проекте Международной научной лунной станции (МНЛС), создаваемой Китаем совместно с Россией.

В ноябре 2024 г. был подписан и в январе 2025 г. ратифицирован двусторонний китайско-венесуэльский инвестиционный договор, что открывает возможности для углубления совместной работы Венесуэлы и Китая в различных областях.

В целом успешно развиваются торгово-экономические отношения Венесуэлы и **Белоруссии.** С середины 2010-х гг. в Венесуэле действует совместное предприятие (СП) «ВенеМинск Тракторес» выпускающее различные виды сельхозтехники. Тогда же введен в действие завод «Амкодор» по сборке белорусской дорожно-строительной техники. К настоящему времени товаропроводящая сеть белорусских предприятий на территории Венесуэлы представлена также СП «МАЗ-ВЕН»; «БМЕ-Дизель»; СП «ВЕН-БЕЛАЗ КАМЬОНЕС» (это предприятия по сборке-обслуживанию белорусских грузовых авто, пассажирских автобусов и карьерной техники). Работает белорусско-венесуэльский Торговый Дом в Каракасе.

Белоруссией запланировано в 2025-27 гг. создать в Венесуэле около 10 СП в области фармацевтики, нефтегазохимии, железнодорожного машиностроения, промышленного и жилищного строительства, создания предприятий по переработке морепродуктов, овощей и фруктов.

В настоящее время Белоруссия и Венесуэла ведут подготовку стратегического плана развития двусторонних отношений на предстоящие 10 лет. План будет включать как новые совместные проекты, так и проекты, которые предстоит перезапустить (в последние годы они были поставлены на паузу в силу комплекса причин).

В последние годы активизировалось торгово-экономическое сотрудничество между Венесуэлой и **Ираном**. В июне 2022 г. страны заключили соглашение о всестороннем стратегическом сотрудничестве сроком на 20 лет. Соглашение предусматривает взаимодействие в политической, нефтяной, нефтехимической, сельскохозяйственной, туристической и др. сферах.

В энергетике новые соглашения охватывают нефть, газ, нефтехимию и нефтеперерабатывающие заводы. Так, немногим ранее, в мае 2022 г. был заключен контракт, предусматривающий модернизацию и расширение при финансовой и технической поддержке Ирана нефтеперерабатывающего завода государственной компании PDVSA в Эль-Палито мощностью 146 тыс. барр. в сутки.

Возобновляется взаимодействие в сфере поставок иранских легковых автомобилей и сборочного производства в Венесуэле. В частности, в июне 2023 г. иранским автопроизводителем Saipa был подписан контракт на поставку в Венесуэлу 200 тыс. автомобилей в течение пяти лет, а также достигнуты договоренности о восстановлении сборочного производства иранских автомобилей на мощностях завода венесуэльского государственного автоконцерна Venezuela Venirauto, которые простаивали с 2015 г.

В ноябре 2024 г. Венесуэла и Иран подписали соглашения о строительстве первого в Венесуэле завода по производству оптоволокна. Предполагается, что новые мощности будут размещены в ОЭЗ штата Ла-Гуайра.

Венесуэла и **Турция** сотрудничают в инвестиционной сфере на основе соглашения о поощрении и взаимной защите инвестиций, подписанного в 2023 г. В рамках сотрудничества Турция инвестирует в продовольственную сферу, транспорт и производство удобрений в Венесуэле, а также развивает совместные проекты в энергетике, сельском хозяйстве, туризме и культуре.

В середине 2024 г. Венесуэла и Турция подписали соглашения о сотрудничестве в нефтехимической, золотодобывающей и нефтегазовой промышленности. Турция уже инвестировала в разработку золота на месторождении в районе горнорудной дуги Ориноко.

КЛЮЧЕВЫЕ РОССИЙСКО-ВЕНЕСУЭЛЬСКИЕ КООПЕРАЦИОННЫЕ ПРОЕКТЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ДВУСТОРОННЕГО ИНВЕСТИЦИОННОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

Боливарианская Республика Венесуэла является традиционно дружественным партнёром и политическим союзником России в регионе ЛАКБ и мире в целом. Новой вехой в двусторонних отношениях стало подписание 7 мая 2025 г. Договора

о стратегическом партнерстве и сотрудничестве между двумя странами. Документ нацелен на долгосрочную перспективу и охватывает практически все ключевые темы повестки дня двусторонних отношений.

Как следует из текста договора, Россия и Венесуэла будут расширять кооперацию в области разведки и разработки новых месторождений нефти и природного газа, взаимодействовать в сфере электроэнергетики путем реализации совместных проектов по модернизации и расширению электрогенерирующих мощностей и инфраструктуры передачи и распределения электроэнергии. Предусмотрено также развитие сотрудничества по линии промышленных предприятий, реализации совместных инвестиционных проектов, в частности, в сфере добычи полезных ископаемых, металлургии, телекоммуникаций, железнодорожной инфраструктуры, фармацевтики и эпидемиологии посредством поставок профессионального оборудования, внедрения передовых разработок, передачи технологий и оказания соответствующих услуг.[9]

Подписанию договора о стратегическом партнерстве и сотрудничестве предшествовало проведение в ноябре 2024 г. в Каракасе 18-го заседания Межправительственной Российско-Венесуэльской комиссии высокого уровня, в рамках которого было заключено 16 двусторонних документов. В целях дальнейшей активизации проектной деятельности был подписан План развития ключевых направлений российско-венесуэльского сотрудничества до 2030 года, в который вошло 65 проектов в 20 различных сферах. Документ был разработан Минэкономразвития России совместно с отраслевыми российскими ведомствами.[10]

Основу двухсторонних экономических связей составляют инвестиционные проекты в *энергетическом секторе* Венесуэлы.

Нефть. В настоящее время в Венесуэле действуют пять нефтедобывающих совместных предприятий Росзарубежнефти и PDVSA, а также два СП, которые предоставляют нефтесервисные услуги. Венесуэльская сторона отмечает, что западные санкции сильно сократили добычу нефти (в последние годы она упала до 120–150 тыс. барр./сутки на совместных предприятиях с Россией), поэтому первоочередная задача – восстановить объемы, которые были еще несколько лет назад при участии «Роснефти». Совместная цель – вернуть уровень нефтедобычи к прежним значениям и даже удвоить их в перспективе, в том числе за счет повышения эффективности нефтесервисных компаний.

Природный газ. В число приоритетных проектов двустороннего сотрудничества на обозримую перспективу входит проект модернизация газотранспортной и энергетической инфраструктуры Венесуэлы и энергетического оборудования нефтяной компании PDVSA при сотрудничестве с российской компанией **«ОДК Инжиниринг»** (входит в «Объединённую двигателестроительную корпорацию» ГК «Ростех»). **Российский партнер** предлагает своим венесуэльским партнерам современное газоперекачивающее и энергетическое оборудование для обеспече-

ния электроэнергией нефтегазовых месторождений в рамках строительства новых объектов и реконструкции устаревшего и выходящего из строя оборудования европейских и американских производителей.

Электроэнергетика. Электроэнергетическая инфраструктура в Венесуэле сильно изношена и нуждается в серьезной модернизации. Регулярные и все более продолжительные веерные отключения электричества блокируют экономический рост и серьезно снижают качество жизни населения.

Энергохозяйство Венесуэлы находится под контролем государственной компании Corporacion Electrica Nacional (CORPOELEC). Российским партнером в совместных проектах могла бы стать компания («Интер РАО – Экспорт»), имеющая опыт поставок энергетического оборудования и инжиниринга, включая строительство, реконструкцию и ремонт энергообъектов за рубежом, в том числе в Венесуэле, на Кубе, в Эквадоре и других регионах мира. Другим участником совместных проектов может стать российская компания «Россети»: её опыт и наличие соответствующих компетенций позволят участвовать в перспективных проектах в Венесуэле и предоставлять заказчикам широкий комплекс услуг.

Возобновляемая энергетика. Россия обладает технологиями и оборудованием в области солнечной и ветровой энергетики. Венесуэла, располагающая огромными территориями с высоким уровнем солнечной инсоляции, могла бы привлечь российские компании для строительства солнечных электростанций. Так, российская госкорпорация «Росатом» уже реализует подобные проекты в Боливии и готова расширять своё присутствие на латиноамериканском континенте.

К перспективным направлениям двустороннего сотрудничества в сфере солнечной энергетики можно, в частности, отнести: развитие распределенной солнечной электрогенерации для обеспечения удаленных районов Венесуэлы, не подключенных к энергосети; создание российско-венесуэльского СП по выпуску солнечных панелей и аккумуляторов на территории Венесуэлы с последующим экспортом продукции в соседние страны Латинской Америки.

Минеральные удобрения. В сельскохозяйственном ведомстве Венесуэлы признают высокую степень зависимости страны от ввоза иностранных минеральных удобрений и их компонентов, в том числе и из России, также отмечая важность задачи наращивания выпуска аграрной продукции для обеспечения продовольственной безопасности, в частности, за счёт развёртывания внутреннего выпуска некоторых видов удобрений.

Между тем, как известно, в стране имеются значимые месторождения фосфоритов. Венесуэльское фосфатное сырье может использоваться для выпуска в стране фосфорных удобрений; однако для производства более сложных, многокомпонентных, удобрений (таких как, например, NPK, то есть азотно-фосфорно-калиевых удобрений) необходим ввоз из-за рубежа части составляющих их химических элементов и соединений (например, на основе калия). К потенциальным

российским участникам СП в данном секторе можно отнести группу «ФосАгро», АО «МХК «ЕвроХим», группу «Уралхим», ПАО «Уралкалий». Партнерами могут стать также белорусские компании, имеющие опыт работы в стране (ОАО «Беларуськалий», госконцерн «Белнефтехим»).

Автомобилестроение. Национальная машиностроительная отрасль Венесуэлы остро нуждается в возрождении и коренной модернизации, особенно автосборочная промышленность, которая к настоящему времени фактически прекратила существование.

Справочно: в автосборочном производстве Венесуэлы в XX – начале XXI вв. доминировали производители из США, Германии, Японии и Италии. Пик производства пришелся на 2007 год, когда на венесуэльских предприятиях было собрано свыше 170 тыс. автомобилей (при этом часть выпуска шла на экспорт: например, в 2006 г. в страны Андского сообщества было поставлено из Венесуэлы 24 тыс. ед.).[11]

Достигнутые российско-венесуэльские договоренности и потенциальные проекты в рассматриваемой сфере, в частности, включают:

❑ Сотрудничество между ПАО «КАМАЗ» и венесуэльской компанией J.C. Internacional 2004 C.A. Стороны заинтересованы в запуске в Венесуэле проекта сборочного производства специальной автомобильной техники и автобусов на шасси КАМАЗ из сборочных комплектов автомобилей. Речь идёт о поставке в Венесуэлу шасси для изготовления автобусов средней пассажировместимости, автомобилей-самосвалов грузоподъёмностью 20 т и автомобилей-шасси для изготовления коммунальной техники. Объёмы поставок находятся в стадии обсуждения.

❑ Расширение поставок на венесуэльский рынок широкого модельного ряда автомобилей УАЗ различных модификаций (в том числе автомобилей скорой медицинской помощи и автомобилей для служб безопасности), а также предложение российской стороны для возможной будущей организации и крупноузловой сборки автомобилей УАЗ в Венесуэле.

ИКТ и цифровое развитие.

В своем стремлении проводить диверсификацию экономики Венесуэла, опираясь преимущественно на опыт и финансовую поддержку дружественных государств, осуществляет меры по технологическому и цифровому развитию важнейших сфер социально-экономической жизни страны. Вместе с тем, уровень развития ИКТ и цифровой экономики в Венесуэле остается крайне невысоким – значительно ниже по сравнению с ведущими государствами Латинской Америки. Об этом свидетельствуют, в частности, опирающиеся на подтвержденные данные авторитетные международные рейтинги, характеризующие положение дел в соответствующей области.

Венесуэла занимает 132-е место в рейтинге стран мира 2025 года по индексу развития информационно-коммуникационных технологий (всего в рейтинге уча-

ствовали 164 страны). Индекс развития ИКТ у Венесуэлы – 58,6 (max=100). Лучший показатель среди стран Латинской Америки – у Чили (28-е место, индекс – 93,4).[12]

В рейтинге стран мира 2024 года по степени готовности правительств к внедрению искусственного интеллекта Венесуэла занимает 164-е место (всего в рейтинге участвовали 188 стран). Индекс развития ИКТ у Венесуэлы – 29,21 (max=100). Лучший показатель среди стран Латинской Америки – у Бразилии (36-е место, индекс – 65,89).[13]

Перспективные направления сотрудничества России и Венесуэлы в сфере ИКТ и цифрового развития можно оценить следующим образом:

- обеспечение кибербезопасности, защита критической инфраструктуры, мониторинг угроз в нефтяной промышленности и банковской сфере, обеспечение безопасности финансовых расчётов и др.;
- реализация проектов «умных городов», направленных на создание интеллектуальной и устойчивой городской среды (в рамках этих проектов внедряются интеллектуальные системы управления транспортными потоками, освещение с использованием LED-технологий для повышения энергоэффективности, создаются цифровые платформы для предоставления городских услуг и др.);
- модернизация на основе внедрения передовых цифровых технологий информационных систем управления в энергетическом хозяйстве, туристическом бизнесе и банковском секторе;
- развитие сотрудничества в сфере подготовки высококвалифицированных кадров для ИКТ-сектора Венесуэлы (в т.ч. на базе Санкт-Петербургского государственного университета телекоммуникаций им. проф. М.А. Бонч-Бруевича).

Исследование космоса. Сфера мирного космоса входит в число приоритетных направлений российско-венесуэльского сотрудничества в области технологий и инноваций.

В рамках заключенного в июне 2022 г. между Россией и Венесуэлой Договора о сотрудничестве в использовании и исследовании космоса в мирных целях стартовал проект по размещению в Венесуэле наземной станции ГЛОНАСС, «которая позволит потребителям использовать на территории страны высокоточную навигацию на транспорте, в сельском хозяйстве, при строительстве критичных и сложных промышленных и нефтедобывающих объектов». Сотрудничество в области спутниковой навигации предусматривает размещение и использование на территории Венесуэлы российской наземной станции сбора измерений ГЛОНАСС. Проект успешно реализуется: станция начала работу в апреле 2025 г. с тестового режима, а полностью введена в эксплуатацию в июле с.г.

Запланировано также размещение и использование до конца 2026 г. на территории Венесуэлы российского комплекса мониторинга космического пространства для обнаружения космического мусора, прогнозирования астероидно-кометной опасности.

Фармацевтика и здравоохранение.

В рамках соглашения о стратегическом сотрудничестве между российской компанией ООО «Герофарм» и госпредприятием Венесуэлы ESPROMED BIO параллельно с поставками готовых препаратов был осуществлен трансфер технологии производства генно-инженерных инсулинов человека на мощности венесуэльского завода в Каракасе. На завод было завезено новое оборудование и российские специалисты обучили венесуэльских коллег.

В ноябре 2024 г. на заводе в Каракасе был официально дан старт финальному этапу работ перед масштабным производством инсулинов, которое начнется в 2025 г., а уже в 2026 г. препараты станут доступны венесуэльским пациентам. После выхода на полную мощность объем производимой продукции составит более 3 млн флаконов инсулина ежегодно, что позволит обеспечить независимость Венесуэлы от импортных поставок.

В рамках российско-венесуэльского сотрудничества в сфере здравоохранения ведется работа также по другим направлениям.

Так, по линии Роспотребнадзора проводятся исследования в созданном в декабре 2022 г. российско-венесуэльском центре по изучению и профилактике инфекционных болезней. Стороны намерены развивать сотрудничество в сфере обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения и борьбы с инфекционными болезнями, в т.ч. путем проведения совместных исследований и подготовки кадров.

В области ядерной медицины госкорпорация «Росатом» в настоящее время ведет обсуждение дорожной карты сотрудничества с профильными организациями Венесуэлы. По мнению сторон, перспективными векторами взаимодействия могут стать проведение совместных исследований с целью создания и внедрения инновационных радиофармпрепаратов, а также организация и проведение обучающих курсов для венесуэльских специалистов.

Госкорпорация «Росатом» ведет обсуждение дорожной карты сотрудничества с профильными организациями Венесуэлы, помимо ядерной медицины, также в области энергетики и сельского хозяйства.

Туризм. Туристическая отрасль в Венесуэле входит в число ведущих стратегических направлений, разработанных президентом Н. Мадуро для проведения экономических и социальных преобразований (в значительной степени как важный источник доходов и занятости).

В последние годы популярность Венесуэлы как туристического направления значительно возросла. Нескольких десятков тысяч российских туристов стали ежегодно посещать эту латиноамериканскую страну, и Россия занимает одно из ведущих мест по количеству граждан, приезжающих в Венесуэлу. В августе 2025 г. были возобновлены регулярные прямые рейсы венесуэльской авиакомпании Conviasa из Москвы (Внуково) на остров Маргарита (главный туристический центр страны – «жемчужина Карибского моря»). Безвизовый режим, прямое ави-

асообщение, работа российской платежной системы «Мир» являются привлекательными стимулами для отдыха. Совместное развитие гостиничной и другой туристической инфраструктуры на венесуэльских курортах могло бы стимулировать приток российских туристов.

Развитие российско-венесуэльского экономического сотрудничества проходит в сложных геополитических условиях, при этом остается высоко приоритетным для обеих стран. Несмотря на санкционное давление со стороны Запада, Россия и Венесуэла углубляют взаимодействие и расширяют двусторонние связи в торгово-экономической, инвестиционной и стратегической сферах. Сотрудничество с Россией позволяет Венесуэле укреплять суверенитет и противостоять внешнему давлению, одновременно создавая условия для устойчивого развития и модернизации страны.

В связи с недавней мобилизацией военных кораблей США в Карибском море и их размещением у берегов Венесуэлы МИД России выразил солидарность с народом и правительством Венесуэлы, подчеркнув её неотъемлемое право мирно и свободно определять свой политический, экономический и социальный путь без давления извне.

ПРИМЕЧАНИЯ:

[1] Портал Trading Economics со ссылкой на Banco Central De Venezuela. - URL: https://tradingeconomics.com/country-list/foreign-exchange-reserves (дата обращения: 22.08.2025).

[2] Сайт международной юридической компании Norton Rose Fulbright, January 2018. – URL: https://www.nortonrosefulbright.com/en-419/knowledge/publications/2bad56c6/venezuela-issues-new-constitutional-law-for-foreign-productive-investments (дата обращения: 21.07.2025).

[3] Сайт международной аудиторской и консалтинговой компании PwC, июль 2022 г. – URL: https://www.pwc.com/ve/es/publicaciones/assets/PublicacionesNew/Boletines/NAC-%20Ley%20Org%C3%A1nica%20de%20las%20Zonas%20Econ%C3%B3micas%20Especiales_Julio2022%20(Rev%20AAP).pdf (дата обращения: 21.07.2025).

[4] Taking a close look at Venezuela's special economic zones, 16.12.2024 // Венесуэльская исследовательская компания Orinoco Research: [сайт]. – URL: https://www.orinocoresearch.com/orinocoinisghts/3rha3zjjbdyltlzk5gnp3p2wpiy6og (дата обращения: 28.07.2025).

[5] Venezuela: National Constituent Assembly Passes Contentious 'Anti-Blockade' Law, 10.10.2020. // Venezuela Analysis: [сайт]. – URL: https://venezuelanalysis.com/news/15020/ (дата обращения: 18.08.2025).

[6] Венесуэла - Национальный план 2019–2025 (Plan de la Patria 2019 – 2025). – URL: https://observatorioplanificacion.cepal.org/sites/default/files/plan/files/Venezuela_Plan%20de%20la%20Patria%202019-2025%20%282019%29.pdf. (дата обращения: 18.08.2025).

[7] Venezuela Analysis, 15.09.2023: [сайт]. – China and Venezuela to Establish 'All-Weather Strategic Partnership', Sign 31 Cooperation Agreements - Venezuelanalysis. URL: https://venezuelanalysis.com/news/china-and-venezuela-to-establish-all-weather-strategic-partnership-sign-31-cooperation-agreements/ (дата обращения: 19.08.2025).

[8] Информационное агентство News Front, 17.01.2025. – URL: https://news-front.su/2025/01/17/venesuela-rossiya-belorussiya-obshhee-ekonomicheskoe-prostranstvo/ (дата обращения: 19.08.2025).

[9] Договор между Российской Федерацией и Боливарианской Республикой Венесуэла о стратегическом партнёрстве и сотрудничестве. 7 мая 2025 года. . – URL:. http://www.kremlin.ru/supplement/6305 (дата обращения: 20.08.2025).

[10] Минэкономразвития РФ: в 2024 году объемы торговли между Россией и Венесуэлой выросли на 70% | Министерство экономического развития Российской Федерации. / Официальный сайт Минэкономразвития России. 14.11.2024. - URL:. https://www.economy.gov.ru/material/news/minekonomrazvitiya_rf_v_2024_godu_obemy_torgovli_mezhdu_rossiey_i_venesueloy_vyrosli_na_70.html. (дата обращения: 21.08.2025).

[11] Caracas Chronicles, 02.07.2023. – URL: https://www.caracaschronicles.com/2023/07/02/making-cars-in-venezuela-from-172000-annual-units-to-one/

[12] Индекс развития информационно-коммуникационных технологий (ICT Development Index) – это комбинированный показатель, характеризующий достижения стран мира с точки зрения развития ИКТ. Рассчитывается по методике Международного союза электросвязи (International Telecommunication Union), специализированного подразделения ООН, определяющего мировые стандарты в области ИКТ.

[13] Индекс готовности правительств к внедрению искусственного интеллекта (Government AI Readiness Index) разрабатывается ежегодно британской консалтинговой компанией Oxford Insights. В его основе около 40 индикаторов, которые сгруппированы по трем основным направлениям, включая правительственный сектор, технологический сектор и сектор инфраструктуры.

[14] Информационное агентство РИА Новости, 14.03.2025 г. – URL: https://ria.ru/20250314/diplomatiya-2004515269.html (дата обращения: 29.08.2025).

[15] «Российская газета», 30.08.2025. – URL: https://rg.ru/2025/08/30/mid-venesuely-vyrazil-priznatelnost-rf-za-podderzhku-suvereniteta-respubliki.html (дата обращения: 31.08.2025).

БИБЛИОГРАФИЯ:

Economic Report 2024/2025 Venezuela. August 1, 2025 // Embassy of Switzerland in Venezuela. – URL: Wirtschaftsbericht%20_Venezuela_2025%20extern%20(9).pdf (дата обращения: 20.08.2025).

LLOYDS BANK. Foreign direct investment (FDI) in Venezuela. Latest Update: May 2025. – URL: https://www.lloydsbanktrade.com/en/market-potential/venezuela/investment (дата обращения: 21.07.2025).

UNCTAD, World Investment Report 2025. International investment in the digital economy – URL: https://unctad.org/system/files/official-document/wir2025_annex-tables_en.pdf (дата обращения: 30.07.2025).

Venezuela's Geopolitical Position in 2025: Between Crisis Management and Strategic Realignment // The Source, 29.08.2025 // . – URL: https://www.thesourcenews.org/post/venezuela-s-geopolitical-position-in-2025-between-crisis-management-and-strategic-realignment (дата обращения: 31.08.2025).

Иваев, М. И. Анализ и оценка перспектив развития экономической системы Венесуэлы в контексте глобальных экономических и политических потрясений / М. И. Иваев, Н. В. Никульников, Е. Г. Сафронов // Экономические отношения. – 2025. – Т. 15, № 3.@@ Ivaev, A.M. Analiz i otsenka perspektiv razvitiya ekonomicheskoy sistemy Venesuely v kontekste global'nykh ekonomicheskikh i politicheskikh potryasenij/ M. I. Ivaev, N. V. Nikulnikov, E. G. Safronov // Ekonomicheskie otnosheniya. – 2025. – T. 15, № 3.

Кряжев И. Венесуэльский кризис 2.0. // Российский совет по международным делам. - 30.09.2024. @@ Kryazhev I. Venesuelskiy krizis 2.0. // Rossiyskiy sovet po mezhdunarodnym delam. - 30.09.2024. – URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/venesuelskiy-krizis-2-0/?sphrase_id=178273914 (дата обращения: 29.07.2025).

Россия – Венесуэла 2025, Международные отношения, обновление // «Поворот России в Азию», 17 марта 2025 г. @@ Rossiya – Venesuela 2025, Mezhdunarodnye otnosheniya, obnovlenie // «Povorot Rossii v Aziyu», 17 marta 2025 g. – URL: https://russiaspivottoasia.com/russian/rossiya-venesuela-2025-mezhdunarodnye-otnosheniya-obnovlenie/ (дата обращения: 21.08.2025).

Защита интеллектуальной собственности в фармацевтической отрасли ЕС и глобальный доступ к лекарствам*

УДК:339.5; ББК:65.428; Jel:F10
DOI: 10.64545/2072-8042-2025-9-25-41

Элсун Элварович ГУСЕЙНОВ,
МГИМО МИД России
(119454, Москва, проспект Вернадского, 76),
аспирант, кафедра международных экономических отношений и внешнеэкономических связей им. Н. Н. Ливенцева;
Объединённая металлургическая компания (АО «ОМК»), специалист внешнеэкономической деятельности, ORCID ID: 0009-0002-0139-0365
e-mail: elsun.gusejnov@list.ru

Татьяна Михайловна ИСАЧЕНКО,
доктор экономических наук, МГИМО МИД России
(119454, Москва, проспект Вернадского, 76)
профессор кафедры международных экономических отношений и внешнеэкономических связей им. Н. Н. Ливенцева;
Всероссийская академия внешней торговли
(119285, Москва, Воробьевское шоссе, 6А),
Центр торгово-политических исследований – Директор, ORCID ID: 0000-0001-5051-6249
e-mail: isachenko_tatiana@mail.ru

Аннотация

В статье проводится комплексный анализ торговой политики Европейского Союза в сфере фармацевтики, исследуется ее двойственное влияние на глобальный рынок. Рассматривается диалектическое противоречие между целями стимулирования фармацевтических инноваций посредством усиленной защиты интеллектуальной собственности (ИС) и задачей обеспечения глобального доступа к лекарственным средствам. На основе анализа Соглашения ТРИПС и регуляторных инструментов ЕС, включая положения «ТРИПС-плюс», выявляется стратегия экспорта нормативной модели ЕС. Количественный анализ торговых потоков и исследование казуса торговых отношений ЕС и Индии демонстрируют практические последствия этой политики.

Ключевые слова: торговая политика, Европейский Союз, интеллектуальная собственность, фармацевтика, Соглашение ТРИПС, доступ к лекарствам, международная торговля, ВТО, развивающиеся страны.

*Подготовлено в рамках выполнения государственного задания ВАВТ Минэкономразвития России

Intellectual Property Protection in the EU Pharmaceutical Industry and Global Access to Medicines

Elsun Elvarovich GUSEINOV,
MGIMO University (76, Prospect Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454)
Department of International Economic Relations and Foreign Economic Affairs
named after N.N. Liventsev – Postgraduate student, Foreign Economic Activity Specialist
United Metallurgical Company (JSC "OMK") ORCID ID: 0009-0002-0139-0365
e-mail: elsun.gusejnov@list.ru

Tatiana Mikhailovna ISACHENKO,
Doctor of Sciences in Economics, MGIMO University
(76, Prospect Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454),
Professor, Department of International Economic Relations and Foreign Economic Affairs
named after N.N. Liventsev - Professor; Russian Foreign Trade Academy
(119285, Moscow, Vorob'evskoe shosse, 6A), Director, Center for Trade Policy Studies,
ORCID ID: 0000-0001-5051-6249 e-mail: Isachenko_tatiana@mail.ru

Abstract

The article provides a comprehensive analysis of the European Union's trade policy in the pharmaceutical sector, exploring its dual impact on the global market. It examines the dialectical contradiction between the objectives of stimulating pharmaceutical innovation through enhanced intellectual property (IP) protection and ensuring global access to medicines. Based on an analysis of the TRIPS Agreement and EU regulatory instruments, including "TRIPS-plus" provisions, the EU's strategy of exporting its normative model is identified. A quantitative analysis of trade flows and a case study of EU-India trade relations demonstrate the practical consequences of this policy.

Keywords: trade policy, European Union, intellectual property, pharmaceuticals, TRIPS Agreement, access to medicines, international trade, WTO, developing countries.

ВВЕДЕНИЕ

Глобальный фармацевтический рынок, объем которого в 2023 г. превысил 1,6 трлн долл. США[1], представляет собой арену, где сталкиваются мощные коммерческие интересы, гуманитарные императивы и стратегические цели государств. Европейский Союз занимает на этой арене центральное место, выступая ведущим мировым экспортером фармацевтической продукции и одним из ключевых центров инноваций. В 2023 г. экспортные поставки фармацевтики из ЕС достигли 278 млрд евро[2], что свидетельствует об огромной экономической значимости отрасли для самого Союза. Однако эта экономическая мощь сопряжена с нормативным влиянием: посредством своей торговой политики ЕС активно формирует глобальные правила игры, особенно в сфере регулирования интеллектуальной собственности (ИС).

Именно ИС, и в первую очередь патенты, является «сердцем» фармацевтической отрасли. Предоставляя исключительное право на производство и продажу новых лекарств на определенный срок, патентная система призвана компенсировать огромные затраты фармацевтических и биотехнологических компаний на исследования и разработки (НИР) и мотивировать их на создание новых препаратов. Вместе с тем эта же система порождает фундаментальное противоречие между правом на защиту изобретений и правом на охрану здоровья, включающем в себя доступность лекарственных средств. Указанное противоречие выходит далеко за рамки теоретических дискуссий, напрямую влияя на жизни миллионов людей, особенно в странах с низким и средним уровнем дохода (СНСД).

Данная статья посвящена исследованию отмеченного выше противоречия в контексте торговой политики ЕС. Автор ставит перед собой цель проанализировать, как Европейский Союз, с одной стороны, выстраивает одну из самых строгих в мире систем защиты ИС для поддержания конкурентоспособности своей фармацевтической промышленности, а с другой, пытается позиционировать себя как ответственного глобального актора, содействующего решению мировых проблем в области здравоохранения. В работе будет исследована многоуровневая система регулирования, проанализировано ее влияние на торговые потоки и рассмотрены практические последствия для ключевых торговых партнеров ЕС и системы глобального здравоохранения в целом.

1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Современная система защиты прав ИС базируется на идеях, восходящих к концепции Й.Шумпетера, рассматривавшему инновации как двигатель экономического развития, а временную монопольную власть – как необходимую награду для «созидательного разрушителя»[3]. В фармацевтике, где процесс разработки от молекулы до готового препарата может занимать 10-15 лет и стоить более 2 млрд долл.[4], проблема «безбилетника» стоит особенно остро. Без обеспечения защиты любая компания могла бы скопировать химическую формулу и вывести на рынок дженерик без колоссальных расходов на исследования и клинические испытания. Это бы подорвало стимулы к инновациям и, в конечном счете, привело бы к снижению инновационной активности и разработки новых препаратов. Таким образом, инструменты защиты ИС в данной сфере[5] позволяют компаниям извлекать гарантированную прибыль из своих инвестиций в НИР. В то же время строгая система защиты создает и определенные проблемы. Исключительное право позволяет разработчику и патентообладателю устанавливать цену, значительно превышающую предельные издержки производства, что ограничивает масштабный доступ к препарату. Возникает необходимость поиска компромисса между динамической

эффективностью (стимулирование инноваций в долгосрочной перспективе) и статической эффективностью (обеспечение максимального доступа к существующим благам по минимальной цене).

2. ЗНАЧЕНИЕ СОГЛАШЕНИЯ ТРИПС ДЛЯ ЗАЩИТЫ ИС

Принятие в рамках ВТО **Соглашения по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (ТРИПС)** в 1994 г. стало поворотным моментом, сделавшим стандарты защиты ИС глобальными. По сути, ТРИПС представляет собой «большую сделку», в рамках которой развивающиеся страны согласились усилить защиту ИС, (что соответствовало интересам развитых стран, экспортирующих технологии), в обмен на более широкий доступ на рынки развитых стран для своих товаров, в первую очередь сельскохозяйственных и текстильных.

Статья 27 ТРИПС предусматривает возможность исключений из общих правил охраны прав на интеллектуальную собственность и определяет условия, при которых такие исключения могут быть применены. Таким образом, предвидя возможные негативные последствия, «дизайнеры» данной системы включили в нее ряд «гибких механизмов», подтвержденных и разъясненных в **Дохийской декларации о ТРИПС и общественном здравоохранении (2001 г.)**. Ключевыми из них являются:

- **Принудительное лицензирование:** право правительства разрешить производство запатентованного лекарства третьей стороне без согласия патентообладателя. Подобная мера применяется в различных юрисдикциях для обеспечения доступа к важным лекарственным средствам, медицинским технологиям или другим объектам интеллектуальной собственности в случаях, когда это необходимо для защиты общественных интересов.
- **Параллельный импорт:** импорт оригинального препарата из страны, где производитель продает его по более низкой цене или по причине невозможности прямых продаж. Данный механизм должен быть основан на принципе исчерпания прав: если товар был законно введен в оборот в одной стране, патентообладатель не может контролировать его дальнейшее перемещение.
- **Исключение «Болар» (Bolar exception):** право производителей дженериков использовать запатентованное изобретение в целях проведения исследований и клинических испытаний, необходимых для получения регуляторного одобрения, еще до истечения срока действия патента. Это позволяет вывести дженерик на рынок сразу после окончания патентной защиты.

Подобная гибкость системы регулирования позволяет странам адаптировать систему ИС к решению наиболее насущных задач в сфере здравоохранения, однако на практике их применение часто наталкивается на политическое и экономическое давление со стороны развитых стран и фармацевтических корпораций.

3. ЭМПИРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ: ТОРГОВЫЕ ПОТОКИ И КЛЮЧЕВЫЕ ДИЛЕММЫ

Приведенные свежие статистические данные указывают на существенную роль Европейского Союза для глобального фармацевтического сектора. По данным на 2024 г., экспорт из ЕС лекарственных средств и фармацевтической продукции составил 313,4 млрд евро, увеличившись на 13,5% по сравнению с предыдущим годом. За десятилетие 2015-2024 гг. объем экспорта фармацевтической продукции за пределы Евросоюза увеличился более чем вдвое (+109%), что продемонстрировано на рисунке 1. Результатом подобного стремительного роста стал существенный и сохраняющийся торговый профицит в отрасли, подчеркивающий как конкурентные преимущества ЕС, так и высокий глобальный спрос на европейские лекарственные средства.

В тот же период импорт фармацевтической продукции в ЕС (за исключением торговли внутри Союза) также демонстрировал устойчивый рост, увеличившись с 67,2 млрд евро в 2015 г. до пикового значения в 105 млрд евро в 2023 г., после чего в 2024 г. наблюдалось небольшое снижение. В числе крупнейших импортеров стабильно лидировали Бельгия, Германия, Нидерланды и Ирландия, а Словения и Австрия продемонстрировали особенно ускоренный рост после 2020 г. Такая динамика может свидетельствовать как об усилении зависимости от внешних поставок, так и о реструктуризации цепочек создания стоимости в фармацевтическом секторе. Тенденции, наблюдаемые в совокупности, подчеркивают стратегическое значение и усиление глобальной интеграции европейской фармацевтической отрасли.

Рис. 1. – Динамика экспорта и импорта фармацевтической продукции ЕС (за исключением внутригрупповой торговли), доли фармпродукции в общем экспорте ЕС за 2015–2024 гг., млрд евро, %

Fig. 1 – Dynamics of EU pharmaceutical exports and imports (excluding intra-group trade), shares of pharmaceutical products in total EU exports, 2015–2024, € billion, %

Источник: составлено авторами на основе данных Eurostat, EU trade since 1988 by HS2-4-6 and CN8 URL: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/bookmark/0def1a8a-12f2-4395-9cab-03347ac2a80f?lang=en, https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/bookmark/d54607d0-ca4c-4ad4-bb6f-1769de52aec4?lang=en (дата обращения 15.04.2025)

Европейские фармацевтические корпорации активно представлены во всех странах мира, занимая довольно сильные позиции в Северной Америке и расширяя свое присутствие на азиатских и других развивающихся рынках. Соединенные Штаты остаются крупнейшим внешним рынком: в 2023 г. на них приходилась примерно треть фармацевтического экспорта ЕС (33,2% поставок за пределы ЕС, что соответствует примерно 92 млрд евро). Швейцария, сама по себе являющаяся ключевым фармацевтическим центром, заняла второе место по величине экспорта (15,5%, 43 млрд евро). Экспорт в страны Азии, хотя и сравнительно меньше, также остается на высоком уровне: в 2023 г. на Китай приходилось 7,7% экспорта из ЕС, что отражает более глубокое проникновение на рынки Восточной Азии. Напротив, Латинская Америка, Африка и Ближний Восток по-прежнему занимают лишь незначительную долю, хотя европейские компании активно ищут возможности для роста в указанных регионах посредством развития партнерских связей с местными производителями и взаимодействия в области клинических исследований.

Что касается импорта, следует отметить, что ЕС закупает активные фармацевтические ингредиенты (АФИ) и готовые лекарственные средства преимущественно в США и Швейцарии: в 2023 г. 39,5% и 32,3% соответственно. В целом, европейские фармацевтические транснациональные компании работают в рамках глобально распределенных производственных и дистрибьюторских сетей: они имеют дочерние компании и производственные предприятия в США, расширяют свое коммерческое присутствие в этих регионах и осуществляют значительный экспорт в Латинскую Америку. По данным ведущих европейских компаний, таких как Novartis, Sanofi, Roche и GlaxoSmithKline, от 20% до 30% их доходов уже генерируется в странах с развивающейся экономикой в Азиатско-Тихоокеанском регионе, Латинской Америке и на Ближнем Востоке, что подчеркивает их стратегический выход за пределы европейского рынка[6].

Рис. 2 – Основные торговые партнеры ЕС в сфере фармацевтической продукции, 2024 год (% от стоимости торговли)

Fig. 2 – Main EU trading partners in pharmaceutical products, 2024 (% of trade value)

Источник: составлено автором на основе данных Eurostat, International trade of EU and non-EU countries since 2002 by HS2-4-6 URL: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/bookmark/8b350e88-8e72-4a4a-a06e-dbb1b6737d7e?lang=en (дата обращения 01.05.2025)

Таким образом, географическая структура торговли отчетливо демонстрирует, что основными рынками сбыта и источниками импортных поставок для ЕС являются другие развитые страны с сопоставимым уровнем защиты ИС и высокими ценами на лекарства. Данная структура отражает доминирование торговли патентованными, высокомаржинальными препаратами между странами «глобального Севера», что означает крайне низкую степень вовлеченности.

4. ОСОБЕННОСТИ ТОРГОВОЙ ПОЛИТИКИ ЕС В СФЕРЕ ФАРМАЦЕВТИКИ ПО СРАВНЕНИЮ С КЛЮЧЕВЫМИ ПАРТНЕРАМИ

Политика ЕС в области ИС выходит далеко за рамки минимальных стандартов ТРИПС, формируя то, что принято называть режимом **«ТРИПС-плюс»**. Эта система направлена на максимальное усиление защиты прав инновационных компаний.

Внутренний рынок ЕС характеризуется одной из самых строгих систем защиты ИС в мире. К ключевым элементам, оказывающим прямое влияние на международную торговлю, относятся:

- **Сертификаты дополнительной охраны (Supplementary Protection Certificates, SPC):** Понимая, что значительная часть 20-летнего срока патента приходится на длительный процесс клинических испытаний и получения разрешения на маркетинг, ЕС ввел SPC. Этот инструмент позволяет продлить монопольные права на срок до 5 лет, фактически продлевая срок рыночной эксклюзивности препарата.
- **Эксклюзивность данных (Data Exclusivity):** правовая защита, которая запрещает конкурентам использовать определенные данные клинических исследований, предоставленные регулирующим органам, в течение определенного периода времени. Регуляторные органы ЕС предоставляют 8-летний период эксклюзивности для доклинических и клинических испытаний, необходимых для регистрации нового препарата. В течение этого срока производители дженериков не могут ссылаться на эти данные для регистрации своих аналогов. За этим следует 2-летний период рыночной эксклюзивности. Эта система «8+2+1»[7] создает дополнительный, административный, не связанный напрямую с патентом барьер для вывода дженериков на рынок.
- **Единый патентный суд (Unified Patent Court, UPC):** Запущенный в 2023 г., UPC представляет собой наднациональную судебную систему, решения которой действуют на территории всех стран-участниц, что упрощает и удешевляет защиту патентов для правообладателей, но также создает риски, поскольку один судебный иск может привести к аннулированию патента сразу в нескольких странах.

Отмеченные выше внутренние правила ЕС являются инструментом торговой политики и, как следствие, предметом переговоров с основным торговыми партнерами.

Исследование законодательства в странах с высоким уровнем защиты прав интеллектуальной собственности свидетельствует о том, что в США и ЕС существует значительная разница в подходах к соблюдению норм защиты ИС.

Критериями патентоспособности в США являются новизна, неочевидность и полезность, которые схожи, но не идентичны европейским критериям.[8] Регулирующий орган, Бюро по патентам и товарным знакам США (USPTO), занимает более либеральную позицию в отношении патентования вторичных инноваций. Такая среда в сочетании с высокими затратами на судебные разбирательства способствует созданию «патентных зарослей» – плотных, пересекающихся сетей вторичных

патентов, не охватывающие основное активное вещество, но защищающие периферийные, «инкрементальные» (поддерживающие, дополняющие) инновации, тем самым продлевая монополию.[9]

Еще одним важным партнером и конкурентом является Китай. После присоединения к ВТО Китай в значительной степени гармонизировал свое законодательство в области ИС с мировыми стандартами. Законы Китая в этой сфере «практически не отличаются от законов ЕС», при использовании принципа первенства подачи и 20-летним сроком действия патента на изобретение[10]. Однако существуют и различия, такие как отсутствие экспертизы для «полезных моделей», что делает их более распространенными. Несмотря на сходство законодательства, проблемы с обеспечением соблюдения и защитой коммерческой тайны для иностранных компаний сохраняются[11].

Таблица 1

Сравнительная характеристика систем регулирования ИС в ЕС, США и Китае

Характеристика	ЕС	США	Китай
Основа патентной системы	Европейская патентная конвенция (EPC) и директивы ЕС.	Законы, судебные решения, и политика Управления по патентам и товарным знакам США (USPTO).	Законы, гармонизированные с соглашением ВТО по ТРИПС.
Критерии патентоспособности	Новизна, изобретательский шаг, промышленная применимость. Более строгие этические соображения для биотехнологий.	Новизна, неочевидность, полезность. Более разрешительное патентование вторичных патентов.	Принцип «первого заявителя», абсолютная новизна. Отсутствие проверки по существу для «моделей полезности».
Длительность основной патентной защиты	20 лет с момента подачи заявки.	20 лет с момента подачи заявки.	20 лет с момента подачи заявки.
Механизмы продления	Сертификаты дополнительной охраны (SPC) на срок до 5 лет, плюс 6 месяцев за педиатрические исследования.	Нет официальных SPC; могут использоваться другие правовые механизмы для продления монополии.	Нет официальных SPC, но существуют другие механизмы продления.

Характеристика	ЕС	США	Китай
«Патентные заросли»	Менее распространены, чем в США. Биосимиляры Humira вышли на рынок сразу после истечения основного патента.	Широко распространены и агрессивны. Задерживают выход биосимиляров на 5 лет и обходятся системе здравоохранения в миллиарды долларов.	Законодательство схоже с ЕС, но правоприменение для иностранных компаний может быть проблемой.
Правоприменение	Национальные суды. В ЕС отсутствует единый механизм оспаривания.	Высокие издержки судебных разбирательств. Суды играют ведущую роль в толковании и применении антимонопольных законов.	Административные органы играют ведущую роль в правоприменении. Иностранные компании могут столкнуться с трудностями.

Источник: составлено авторами.

Анализ показывает, что эффективность регулирования интеллектуальной собственности зависит не только от самого законодательства, но и от его исполнения. Яркой иллюстрацией этого могут служить обвинения в адрес американской фармкомпании AbbVie в использовании антиконкурентных стратегий для задержки выхода на рынок более дешевых биоподобных версий препарата Humira, что позволяло компании завышать цены в США и сохранять монопольное положение на рынке. Хотя основной патент на Humira истек в США в 2016 г., а в Европе – в 2018 г., «патентная стена» в США успешно блокировала конкуренцию со стороны биосимиляров до 2023 г. – на 5 лет дольше, чем в Европе. Вышеописанный случай демонстрирует, что «сила» режима защиты ИС зависит от обеспечения его соблюдения и что «более слабый» (с точки зрения компании) режим ЕС может обеспечить более быстрый доступ и сэкономить деньги налогоплательщиков, в то время как «более сильный» режим США, хотя и может стимулировать постепенные инновации, приводит к многомиллиардным затратам и задержкам.

ЕС систематически включает **главы по ИС в свои соглашения о свободной торговле (ССТ)**, стремясь обязать торговых партнеров принять стандарты, аналогичные европейским, что представляет собой реализацию подхода «ТРИПС-плюс», выходящему за рамки минимальных стандартов, установленных Соглашением ТРИПС. Такие положения, как дополнительные сертификаты защиты (SPC) и эксклюзивность данных, рассматриваются не только как внутренняя политика ЕС, но и как модель регулирования, активно и решительно экспортируемая посредством двусторонних и региональных соглашений о свободной торговле (ССТ).

Типичные требования ЕС к партнерам по ССТ включают:

- ❑ Продление сроков патентной защиты;
- ❑ Введение эксклюзивности данных по образцу ЕС;
- ❑ Ужесточение правоприменительных мер на границе (border enforcement measures) для борьбы с контрафактом.

Ярким примером является **ССТ между ЕС и Вьетнамом (EVFTA)**, вступившее в силу в 2020 г., согласно которому Вьетнам обязался ввести эксклюзивность данных и обеспечить возможность продления патентного срока, что было расценено многими НПО, такими как Oxfam, как серьезная угроза доступу к лекарствам в стране[12]. В ЕС утверждают, что такие меры стимулируют инновации и иностранные инвестиции, однако критики указывают на неизбежный рост цен на лекарства и ослабление местной фармацевтической промышленности.

В российских научных работах частым предметом анализа является практика ЕС в области регулирования ИС. Так, в работе В. А. Лихачева подчеркивается, что в рамках ЕС защита интеллектуальной собственности превратилась из простого правового инструмента в стратегический инструмент, направленный на укрепление внутренней научно-технической базы в государствах-членах. По мнению автора, усовершенствованные таможенные правила – начиная с Регламента Совета № 1383/2003, замененного всеобъемлющим Регламентом о применении 2013 г., – наряду с созданием Европейской обсерватории по борьбе с контрафакцией и пиратством составляют комплексную систему защиты ЕС от ввоза контрафактной продукции, особенно из Китая, на долю которого приходится до двух третей контрафактной продукции, поступающей в ЕС[13].

Кроме того, Европейская комиссия на практике подтверждает приверженность целям устойчивого развития. Данное стремление выражается в попытках совместить защиту интересов европейских правообладателей с поддержкой развития институтов интеллектуальной собственности за пределами ЕС. Подобный баланс рассматривается как важная предпосылка инклюзивного и долгосрочного экономического роста. Указанная концепция прослеживается в широком спектре инициатив: от программ технической помощи, направленных на сближение национальных систем регулирования и процедур в сфере интеллектуальной собственности, до образовательных и просветительских проектов, ориентированных на формирование правовой культуры и повышение уровня компетенций в данной области.

Однако, даже несмотря на эти усилия, ЕС продолжает сталкиваться с устойчивым ростом объёмов контрафактной продукции, поступающей на его внутренний рынок, что свидетельствует о наличии уязвимостей в действующих механизмах охраны интеллектуальной собственности. Среди причин данной ситуации в научной литературе выделяется относительно мягкий характер внешнеполитической линии ЕС в отношении ИС и сдержанное использование инструментов жёсткого правоприменения, включая санкционные меры. Вероятно, в среднесрочной перспективе Союз сохранит приверженность многосторонней модели регулирования, опирающейся на комплексное взаимодействие: сочетание двусторонних инициатив с ключевыми торговыми партнёрами и активное участие в институтах глобального управления – ВТО и ВОИС. При этом важное значение будет иметь дальнейшее совершенствование стратегических направлений сотрудничества за счёт формирования более устойчивой институциональной архитектуры и внедрения модернизированных регуляторных инструментов, способных повысить уровень координации, усилить эффективность правоприменения и укрепить позиции ЕС в международной системе защиты интеллектуальной собственности. Для успешной реализации вышеописанной стратегии потребуется усилить согласованность позиций всех государств-членов, активно внедрять наднациональное регулирование в сфере интеллектуальной собственности и ускорить ратификацию ключевых международных договоров[14].

5. ДИЛЕММА «ДВОЙНОГО МАНДАТА» В ТОРГОВОЙ ПОЛИТИКЕ ЕС

Анализ торговой политики ЕС в фармацевтике выявляет глубокое внутреннее противоречие, или «дилемму двойного мандата». С одной стороны, Генеральный директорат по торговле (DG TRADE) Еврокомиссии преследует цель повышения конкурентоспособности европейской промышленности и защиты интересов экспортеров. С настоящей точки зрения, усиление стандартов ИС по всему миру является логичной и последовательной политикой.[15]

С другой стороны, ЕС как глобальный актор декларирует приверженность Целям устойчивого развития ООН, включая ЦУР 3 «Хорошее здоровье и благополучие». Генеральный директорат по международному партнерству (DG INTPA) и гуманитарные программы ЕС тратят миллиарды евро на улучшение систем здравоохранения в развивающихся странах. Однако указанные усилия могут быть подорваны торговой политикой, приводящие к удорожанию лекарств. Исследование, опубликованное в The Lancet, приходит к выводу, что политика ЕС в области ИС может негативно влиять на доступ к лекарствам в СНСД[16].

Таким образом, различные подразделения ЕС фактически действуют несогласованно (policy incoherence), что подрывает эффективность ЕС как глобального актора и ставит под сомнение его приверженность развитию. Пока торговые интересы систематически превалируют над целями развития в формировании внешнеторговой политики, эта дилемма будет сохраняться.

6. ИС И ГОТОВНОСТЬ К ПАНДЕМИЯМ: ВСЕМИРНОЕ СОГЛАШЕНИЕ ВОЗ

Последствия пандемии COVID-19 выявили ряд серьезных проблем с доступом к вакцинам и лекарствам, что привело к переговорам по Всемирному соглашению ВОЗ о пандемиях[17]. Центральным в этих переговорах является вопрос о том, как обеспечить справедливый и своевременный доступ к медицинским контрмерам во время чрезвычайных ситуаций.

Позиция ЕС состоит в том, чтобы защитить права ИС своих фармацевтических компаний, предлагая механизмы «добровольного и взаимно согласованного» обмена технологиями посредством контрактов и соглашений. С другой стороны, «Группа за равенство», коалиция из 33 развивающихся стран «Глобального Юга», требует обязательных неисключительных лицензий, которые могут быть переданы производителям в указанных странах[18], а также предоставления технического ноу-хау.[19]

Таблица 2

Ключевые положения Всемирного соглашения ВОЗ по пандемиям: Сравнение позиций ЕС и развивающихся стран

Характеристика	Позиция ЕС (и развитых стран)	Позиция «Группы за равенство» (развивающихся стран)
Передача технологий и ноу-хау	Должна осуществляться на «добровольных и взаимно согласованных условиях» через контракты с производителями. Защита ИС является приоритетом.	Требуют, чтобы производители предоставляли ВОЗ неисключительные лицензии, которые могут быть сублицензированы производителям в развивающихся странах. Лицензии должны включать техническое ноу-хау и регуляторные досье.
Юридический характер	Предлагают добровольные соглашения с компаниями. Оставляют за собой право использовать национальные меры, такие как принудительное лицензирование.	Требуют, чтобы механизмы были обязательными и включены в соглашение, чтобы избежать давления и обеспечить быстрый доступ в случае чрезвычайной ситуации.
Роль ВОЗ	Координирующая роль, но без обязательных полномочий по лицензированию.	ВОЗ должна быть уполномочена на выдачу сублицензий.
Цель	Обеспечить широкий доступ при сохранении стимулов для инноваций в частном секторе.	Устранить неравенство, наблюдавшееся во время пандемии COVID-19, и обеспечить быстрый и справедливый доступ для всех стран, особенно для СНСД.

Источник: составлено авторами.

Несмотря на глобальную позицию ЕС, некоторые его государства-члены, такие как Франция, Бельгия и Германия, уже давно имплементировали в свое внутреннее законодательство нормы, позволяющие прибегать к принудительному лицензированию в чрезвычайных ситуациях[20]. Это демонстрирует многоуровневую стратегию: ЕС стремится защитить интересы своих «технологичных гигантов», в том числе крупных фармпроизводителей, на международном уровне, но оставляет за собой право использовать «гибкие меры ТРИПС» на национальном уровне, когда речь идет о внутреннем кризисе. Это подчеркивает, что обязательства, закрепленные в международных соглашениях, могут вступать в противоречие с внутренними суверенными интересами государств в области здравоохранения.

ВЫВОДЫ

Торговая политика ЕС в фармацевтической отрасли является мощным инструментом продвижения его экономических интересов и регуляторной модели. Основанная на строгих стандартах защиты интеллектуальной собственности, выходящих за рамки Соглашения ТРИПС, настоящая политика успешно способствует доминированию ЕС на мировом рынке инновационных лекарственных средств, что подтверждается стабильно растущим торговым профицитом.

Однако данный успех имеет высокую цену. Экспортируя свою модель регулирования ИС посредством торговых соглашений, ЕС ограничивает пространство для маневра для развивающихся стран, затрудняя производство и импорт более доступных дженериковых препаратов. Конфликт интересов в торговых переговорах свидетельствует о том, что коммерческие интересы «Большой Фармы» вступают в прямое противоречие с потребностями глобального здравоохранения. Внутренняя несогласованность торговой политики и регулирования в области устойчивого развития ставит под сомнение целостность ЕС как глобального нормативного лидера.

Для разрешения вышеописанного глубинного противоречия требуется переосмысление подхода ЕС. Вместо универсального навязывания стандартов «ТРИПС-плюс» целесообразным представляется более дифференцированный подход, учитывающий уровень развития и потребности стран-партнеров. Активная поддержка передачи технологий, отказ от включения наиболее спорных положений об ИС в торговые соглашения с «беднейшими» странами и поощрение использования гибкостей ТРИПС могли бы стать шагами к достижению более справедливого баланса между стимулированием инноваций и обеспечением инклюзивного права на здоровье для всех. Без таких изменений торговая политика ЕС рискует и дальше восприниматься не как инструмент совместного процветания, а как проводник узких коммерческих интересов в ущерб глобальному общественному благу.

ПРИМЕЧАНИЯ:

[1] Global Pharmaceuticals Market Report 2024 // The Business Research Company. – January 2024.

[2] EU trade in pharmaceutical products - recent developments // Eurostat. – April 2024.

[3] Шумпетер Й. А. Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия. – М.: Эксмо, 2007. – С. 132.

[4] Wouters O. J., McKee M., Luyten J. Estimated Research and Development Investment to Bring a New Medicine to Market, 2009-2018 // JAMA. – 2020. – Vol. 323, No. 9. – P. 844.

[5] Главным образом патенты.

[6] Eurostat. Medicinal and pharmaceutical products: Exports down in 2023

[7] Дополнительный год может быть предоставлен для нового терапевтического показания

[8] 10 Key Differences Between U.S. and European Patent Systems [Электронный ресурс] // PatentPC. URL: https://patentpc.com/blog/10-key-differences-between-u-s-and-european-patent-systems (дата обращения: 02.09.2025)

[9] The Global Patent Thicket: A Comparative Analysis of Pharmaceutical Monopoly Strategies in the U.S., Europe, and Emerging Markets [Электронный ресурс] // DrugPatentWatch. URL: https://www.drugpatentwatch.com/blog/how-do-patent-thickets-vary-across-different-countries/ (дата обращения: 02.09.2025)

[10] Differences between Intellectual Property Protection in China and the EU // Ecovis Focus China. URL: https://www.ecovis.com/focus-china/differences-intellectual-property-protection-china-eu/ (дата обращения: 02.09.2025)

[11] Biotech Patent Protection: US vs Europe vs Asia Key Differences // Patsnap Synapse. URL: https://synapse.patsnap.com/article/biotech-patent-protection-us-vs-europe-vs-asia-key-differences (дата обращения: 02.09.2025)

[12] Trading away health: How the EU-Vietnam trade deal threatens access to medicines // Oxfam International. – January 2019.

[13] Лихачёв В. А. Современное состояние защиты прав интеллектуальной собственности в ЕС // Российский внешнеэкономический вестник. 2024. № 5. С. 80–88.

[14] Шугуров М. В. Европейский союз и защита прав интеллектуальной собственности в третьих странах // Современная Европа. – 2022. – № 1. – С. 125-138. – DOI: 10.31857/S0201708322010107

[15] Indian Generic Medicines: The ‘Pharmacy of the Developing World’ // The India Brand Equity Foundation (IBEF). – May 2024.

[16] Perehudoff, K., et al. Impact of the European Union on access to medicines in low- and middle-income countries: A scoping review // The Lancet Regional Health – Europe. – 2021. – Vol. 9.

[17] An international agreement on pandemic prevention, preparedness and response // Public Health – European Commission. URL: https://health.ec.europa.eu/internationalcooperation/global-health/international-agreement-pandemic-prevention-preparedness-and-response_en (дата обращения: 02.09.2025)

[18] Механизм сублицензирования.

[19] Submission by the Group for Equity: Outline & key elements for annex on WHO pathogen access and benefit sharing system (PABS System) / Group for Equity. – Geneva: World

Health Organization, [2025]. – 8 p. URL: https://apps.who.int/gb/igwg/pdf_files/IGWG2-initial-text-proposals/Group_for_Equity.pdf (дата обращения: 02.09.2025)

[20] Compulsory Licensing of Patented Pharmaceutical Inventions: Evaluating the Options // Duke Law Scholarship Repository. URL: https://scholarship.law.duke.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=2747&context=faculty_scholarship (дата обращения: 02.09.2025).

БИБЛИОГРАФИЯ:

Лихачёв В. А. Современное состояние защиты прав интеллектуальной собственности в ЕС // Российский внешнеэкономический вестник. 2024. № 5. С. 80–88 @@ Lixachyov V. A. Sovremennoe sostoyanie zashhity` prav intellektual`noj sobstvennosti v ES // Rossijskij vneshnee`konomicheskij vestnik. 2024. № 5. S. 80–88. URL: https://journal.vavt.ru/rfej/article/view/1116/1035 (дата обращения: 02.07.2025).

Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (ТРИПС) // Официальный сайт ВТО @@ Soglashenie po torgovy`m aspektam prav intellektual`noj sobstvennosti (TRIPS) // Oficial`ny`j sajt VTO. URL: https://www.wto.org/english/docs_e/legal_e/27-trips.pdf (дата обращения: 02.07.2025).

Шугуров М. В. Европейский союз и защита прав интеллектуальной собственности в третьих странах // Современная Европа. – 2022. – № 1. – С. 125–138 @@ Shugurov M. V. Evropejskij soyuz i zashhita prav intellektual`noj sobstvennosti v tret`ix stranax // Sovremennaya Evropa. – 2022. – № 1. – S. 125–138. – DOI: 10.31857/S0201708322010107 URL: http://www.sov-europe.ru/images/pdf/2022/1-2022/Shugurov-1-22.pdf (дата обращения: 02.07.2025).

Шумпетер Й. А. Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия. – М.: Эксмо, 2007. – 864 с.@@ Shumpeter J. A. Teoriya e`konomicheskogo razvitiya. Kapitalizm, socializm i demokratiya. – M.: E`ksmo, 2007. – 864 s.

10 Key Differences Between U.S. and European Patent Systems - PatentPC URL: https://patentpc.com/blog/10-key-differences-between-u-s-and-european-patent-systems (дата обращения 02.09.2025)

An international agreement on pandemic prevention, preparedness and response - Public Health - European Commission. URL: https://health.ec.europa.eu/internationalcooperation/global-health/international-agreement-pandemic-prevention-preparedness-and-response_en (дата обращения 02.09.2025)

Biotech Patent Protection: US vs Europe vs Asia Key Differences - Patsnap Synapse, URL: https://synapse.patsnap.com/article/biotech-patent-protection-us-vs-europe-vs-asia-key-differences (дата обращения 02.09.2025)

Compulsory Licensing of Patented Pharmaceutical Inventions: Evaluating the Options - Duke Law Scholarship Repository. URL: https://scholarship.law.duke.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=2747&context=faculty_scholarship (дата обращения 02.09.2025)

Differences between Intellectual Property Protection in China and the EU. URL: https://www.ecovis.com/focus-china/differences-intellectual-property-protection-china-eu/ (дата обращения 02.09.2025)

EU trade in pharmaceutical products - recent developments // Eurostat. – April 2024. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=EU_trade_in_pharmaceutical_products_-_recent_developments (дата обращения: 02.07.2025).

Eurostat. Medicinal and pharmaceutical products: Exports down in 2023. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/web/products-eurostat-news/w/ddn-20240426-3 (дата обращения 01.05.2025)

Global Pharmaceuticals Market Report 2024 // The Business Research Company. – January 2024. URL: https://www.thebusinessresearchcompany.com/report/pharmaceuticals-global-market-report (дата обращения: 02.07.2025).

Indian Generic Medicines: The 'Pharmacy of the Developing World' // The India Brand Equity Foundation (IBEF). – May 2024. URL: https://www.ibef.org/blogs/indian-generic-medicines-the-pharmacy-of-the-developing-world (дата обращения: 02.07.2025).

Perehudoff, K., et al. Impact of the European Union on access to medicines in low- and middle-income countries: A scoping review // The Lancet Regional Health – Europe. – 2021. – Vol. 9. – 100219.

Submission by the Group for Equity: Outline & key elements for annex on WHO pathogen access and benefit sharing system (PABS System) / Group for Equity. – Geneva: World Health Organization, [2025]. – 8 p. URL: https://apps.who.int/gb/igwg/pdf_files/IGWG2-initial-text-proposals/Group_for_Equity.pdf (дата обращения 02.09.2025)

The Global Patent Thicket: A Comparative Analysis of Pharmaceutical Monopoly Strategies in the U.S., Europe, and Emerging Markets. URL: https://www.drugpatentwatch.com/blog/how-do-patent-thickets-vary-across-different-countries/ (дата обращения 02.09.2025)

Trading away health: How the EU-Vietnam trade deal threatens access to medicines // Oxfam International. – January 2019. URL: https://www.oxfam.org/en/research/trading-away-health (дата обращения: 02.07.2025).

Wouters O. J., McKee M., Luyten J. Estimated Research and Development Investment to Bring a New Medicine to Market, 2009-2018 // JAMA. – 2020. – Vol. 323, No. 9. – P. 844–853.

Российский импорт фармацевтических товаров в период санкций

Александр Сергеевич ФИРАНЧУК,
кандидат экономических наук,
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при президенте (РАНХиГС)
(119571, Москва, пр-кт. Вернадского, д. 82, стр. 1),
ведущий научный сотрудник Лаборатории исследований внешней торговли Института прикладных экономических исследований,
e-mail: firanchuk@ranepa.ru;
https://orcid.org/0000-0002-7679-5810

УДК: 339.5; ББК:65.428; Jel: F10
DOI: 10.64545/2072-8042-2025-9-42-59

Аннотация

Статья анализирует динамику импорта фармацевтической продукции в 2018–2024 гг., на который приходится около половины потребления лекарств в России. На основе данных UN Comtrade, Eurostat и GACC сформирована панель из 83 стран-экспортёров, обеспечивавших 96% импорта в досанкционный период. В 2022–2024 гг. доля импорта в потреблении фармацевтической продукции изменилась незначительно при сохранении доминирования поставок из «недружественных» стран. Эмпирический анализ с использованием гравитационной модели, оценённой методом PPML, подтверждает устойчивость импорта из «недружественных» стран и фиксирует сокращение ввоза медикаментов при росте поставок субстанций из нейтральных государств.

Ключевые слова: российский импорт, санкции, импорт медикаментов, импортозамещение

Благодарность

Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания РАНХиГС

Russia's Pharmaceutical Imports under Sanctions Period

Alexander Sergeevich FIRANCHUK,
Candidate of Sciences in Economics, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, RANEPA (119571, 82 Vernadskogo Avenue, bldg. 1)
Leading Research Fellow at the Laboratory for International Trade Research of the Institute of Applied Economic Research, e-mail: firanchuk@ranepa.ru;
https://orcid.org/0000-0002-7679-5810

Abstract

The article analyzes the changes in pharmaceutical imports to Russia during 2018-2024, which account for about half of the country's pharmaceutical consumption. Based on data from UN Comtrade, Eurostat, and GACC, a panel of 83 exporting countries was compiled, covering 96% of

Russia's pre-sanction imports. In 2022–2024, the share of imports in pharmaceutical consumption remained largely unchanged, with supplies from "unfriendly" countries continued to dominate. An empirical analysis using a gravity model estimated with PPML method confirms the resilience of imports from the "unfriendly" countries and indicates a decline in medicines alongside an increase in substances supplied from neutral countries.

Keywords: Russian imports, sanctions, imports of pharmaceuticals, import substitution

Acknowledgments

This research was carried out within the RANEPA state assignment research programme.

ВВЕДЕНИЕ

В России поставлена задача наращивания внутреннего производства лекарственных средств, предполагающая курс на импортозамещение (Постановление Правительства РФ №1289, 2015) (Постановление Правительства РФ № 744, 2016). Этот приоритет был подтверждён после начала санкционного противостояния в «Стратегии развития фармацевтической промышленности до 2030 года» (Распоряжение Правительства РФ № 1495-р, 2023). Однако, несмотря на предпринимаемые меры, фармацевтический рынок России остаётся в значительной степени зависимым от внешних поставок: доля импортных препаратов в стоимостном выражении в 2024 г. составила 55% (DSM Group, 2025), не изменившись относительно досанкционного уровня 2021 г. (DSM Group, 2022). Однако в предшествующее десятилетие − с 2011 года, когда была запущена программа «Фарма 2020» − отмечается существенный прогресс в расширении доли отечественных препаратов (Гришина, Бельчук, & Сабельников, 2021).

Цель данного исследования состоит в анализе динамики поставок фармацевтической продукции в Россию из «недружественных» и нейтральных стран в санкционный период. Выдвигаемая гипотеза заключается в том, что *импорт фармацевтической продукции, в том числе из «недружественных» стран, оказался устойчив к шоку торговли, вызванному санкционным противостоянием*.

Исследования показывают, что уровень импортозависимости российской фармацевтической промышленности остаётся существенным, несмотря на реализуемые меры государственной политики. Более половины потребляемых лекарственных средств приходится на импорт, при этом значительная часть поставок идёт из европейских стран и США (Доржиева, 2022). Импортные готовые формы и субстанции также занимают преобладающую долю в сегменте биотехнологических препаратов, включённых в перечень стратегически значимых лекарственных средств (Халимова, Орлов, & Таубэ, 2024). Более того, отрасль характеризуется устойчивой зависимостью от зарубежных субстанций и оборудования (Орлова &

Зобов, 2023), (Пахомович, Чепинога, & Солодков, 2024). Это затрудняет достижения заявленных целей долгосрочного развития по снижению импортозависимости, в том числе от поставок из «недружественных» стран.

Доля импорта в потреблении фармацевтической продукции в России сопоставима со средним уровнем, характерным для крупнейших экономик мира − стран «Большой двадцатки» (OECD, 2025). Даже развитые государства, обладающие мощной производственной базой и широким спектром выпускаемых лекарственных средств, в значительной степени опираются на импорт (Kersan-Škabić & Belullo, 2021). Так, в США свыше 80% активных фармацевтических ингредиентов импортируется (Hyer, и др., 2024) и значительная часть представленных дженериков зависят от зарубежных поставок (Shivdasani, Kaygisiz, Berndt, & Conti, 2021). В этом контексте уровень импортозависимости российского фармацевтического рынка нельзя считать аномальным. Однако уязвимость проявляется в том, что значительная часть поставок поступает из «недружественных» стран, и такой импорт потенциально подвержен риску транзакционных и логистических сбоев, обусловленных санкционным противостоянием.

В данной работе на основе данных UN Comtrade, Eurostat и GACC собрана панель по 83 странам-экспортёрам, из которых 40 относятся к «недружественным» и 43 − к нейтральным. Эти страны обеспечивали практически весь российский импорт фармацевтики (96%) в период до введения полномасштабных санкций, т.е. практически полностью покрывали рассматриваемый импорт. Несмотря на санкции, с 2022 года поставки фармацевтической продукции из «недружественных» стран выросли, тогда как из нейтральных стран наблюдалась разнонаправленная динамика. В результате доминирование «недружественных» стран в российском импорте сохранилось, а его доля в конечном потреблении не изменилась.

Эмпирическая оценка динамики импорта в санкционный период проводится на основе регрессии модели двунаправленных фиксированных эффектов гравитационного типа, оценённой методом PPML (Silva & Tenreyro, 2006). Модель построена по принципу разностей в разностях, где поставки на прочие рынки служат контрольной группой. Выявленное влияния стандартных макроэкономических показателей – ВВП импортёра, реального курса, экспорта на прочие рынки – согласуется с теоретическим. В санкционный период не обнаружено статистически значимого снижения поставок из «недружественных» стран, но выявляется перераспределение потоков из нейтральных стран от медикаментов в пользу субстанций.

Статья организована следующим образом. Сначала представлен обзор литературы. Затем описываются источники данных и общая статистика поставок фармацевтической продукции и доли импорта в потреблении в России. Далее излагаются результаты оценки регрессионного уравнения гравитационного типа. Заключение содержит основные выводы.

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

Литература по международной торговле фармацевтической продукцией показывает, что спрос на лекарства отличается крайне низкой ценовой эластичностью и ограниченной заменяемостью. В одном из крупнейших исследований, основанном на рандомизированном эксперименте по оплате лечения и лекарств[1], установлено, что средняя эластичность спроса на медицинские услуги и препараты составляет около $-0{,}2$, а для большинства рецептурных лекарственных средств она ещё ниже по модулю (Manning, и др., 1987). Эластичность Армингтона, отражающая степень взаимозаменяемости импортных и отечественных товаров, по оценкам на американских данных также оказалась крайне низкой для фармацевтической продукции (Gallaway, McDaniel, & Rivera, 2003). Это согласуется с высокой дифференциацией лекарственных средств и подтверждает ограниченные возможности замещения импортных препаратов отечественными аналогами даже в случае наличия развитой фармацевтической промышленности.

Транспортные расходы занимают незначительную долю себестоимости, поэтому размещение производства определяется эффектами масштаба, агломерации и регуляторной политикой в большей степени, чем географической близостью; вследствие этого рост торговых издержек оказывает слабое влияние на распределение поставок, но усиливает риски перебоев (Shivdasani, Kaygisiz, Berndt, & Conti, 2021). Показательно, что в США − одном из лидеров фармацевтической отрасли − подавляющая часть используемых фармацевтических ингредиентов поставляется из Индии и Китая, а производство готовых форм также постепенно смещается за рубеж (Shivdasani, Kaygisiz, Berndt, & Conti, 2021).

В целом общемировая тенденция заключается в усложнении производственных цепочек и расширении международной торговли лекарственными препаратами и фармацевтическими субстанциями. Объём мировой торговли в этом сегменте к 2022 году превысил 900 млрд долл., тогда как в конце 1990-х годов он составлял порядка 100 млрд долл., в результате доля фармацевтической продукции и сырья в глобальной торговле товарами возросла с 1,5% в 1990-х до более 4% в 2020-е. Во всех крупнейших экономиках − США, Европейском союзе, Китае и Японии − наблюдается рост доли импорта в структуре потребления фармацевтической продукции (OECD Health Policy Studies, 2024).

В этом контексте отмечаемый в российских исследованиях высокий уровень импорта как готовых лекарств (Доржиева, 2022), (Халимова, Орлов, & Таубэ, 2024), так и субстанций для их производства (Орлова & Зобов, 2023), (Пахомович, Чепинога, & Солодков, 2024) согласуется с общемировым трендом на усложнение глобальных цепочек добавленной стоимости в фармацевтической отрасли. В стоимостном выражении крупнейшими мировыми экспортёрами фармацевтической

продукции являются Германия, Швейцария и США, тогда как в весовом выражении лидируют Китай, Германия и Индия (OECD Health Policy Studies, 2024). Это отражает специфику отрасли: большинство стран закупают промежуточные субстанции преимущественно в Китае и Индии.

Сочетание низкой ценовой эластичности спроса, слабой взаимозаменяемости продукции и незначительной доли транспортных издержек в её стоимости приводит к устойчивости поставок даже в условиях значительных торговых шоков. Например, поставки лекарств из стран ЕС в Россию после начала санкционного противостояния не сократились (Фиранчук & Кнобель, 2024), (Фиранчук & Кнобель, 2025). Аналогично импорт лекарств Ираном демонстрирует крайне слабую реакцию на существенные изменения обменного курса национальной валюты (Motlagh, et al., 2018).

Изложенные результаты позволяют сформулировать гипотезу: *импорт фармацевтической продукции, в том числе из «недружественных» стран, оказался устойчив к шоку торговли, вызванному санкционным противостоянием, так как обладают низкой чувствительностью к росту издержек торговли*. Следовательно, в условиях санкционного противостояния ожидается умеренная реакция потоков фармацевтической продукции, в том числе из недружественных стран.

ДАННЫЕ И ОПИСАТЕЛЬНАЯ СТАТИСТИКА

Внешняя торговля

Для анализа экспорта и импорта медикаментов и фармацевтических субстанций используются данные стран-партнёров, поскольку публикация детализированной статистики российской внешней торговли ФТС была прекращена в 2022 году. Используются следующие базы данных: Comtrade − база ООН, содержащая сведения о внешней торговле более чем ста стран (UN, 2025); Eurostat − статистическая база Европейского союза (Eurostat, 2025); GACC − национальная внешнеторговая статистика Китая (GACC, 2025). Все перечисленные источники предоставляют данные на уровне шестизначных кодов Гармонизированной системы, что позволяет выделять поставки готовых лекарственных препаратов и субстанций для их производства на основе соответствующих ключей перехода (OECD - HS to ISIC).

Итоговая объединённая база по торговле включает только тех партнёров, для которых статистика доступна за весь рассматриваемый период. В результате в анализ вошли 40 «недружественных» [2] и 43 нейтральные[3] страны, на которые приходилось 96% российского импорта медикаментов и субстанций для их производства в 2018-2021 гг. по данным Федеральной таможенной службы (ФТС) России, см. таблицу 1. Корреляция динамики объёмов импорта по данным ФТС и зеркальной статистики оказалась высокой для рассматриваемых стран − как нейтральных, так и недружественных − и составила 0,89 и 0,98 соответственно.

Таблица 1

Российский импорт и экспорт медикаментов и субстанций в 2018-2024 гг.

Направление торговли	*Источник*	*Стоимостные объемы поставок в млрд долл.*						
		2018	*2019*	*2020*	*2021*	*2022*	*2023*	*2024*
Импорт в Россию, в т.ч.:	ФТС	10.94	14.53	11.32	14.33	-	-	-
из 40 «недружественных» стран	ФТС	9.44	12.64	9.54	12.15	-	-	-
	Статистика партнеров*	9.16	12.11	9.49	11.94	13.15	11.89	11.67
из 43 нейтральных стран	ФТС	1.08	1.31	1.33	1.43	-	-	-
	Статистка партнеров*	0.90	1.06	1.04	1.31	1.20	1.03	1.16
из прочих стран (вне объединенной базы)	ФТС	0.43	0.58	0.45	0.74	-	-	-
Экспорт из России	ФТС	0.79	0.85	1.03	2.53	-	-	-
	Статистка партнеров*	1.39	1.40	1.93	2.64	2.31	2.27	2.68

Примечание к таблице: *поставки в Россию (импорт) указаны в ценах FOB, из России (экспорт) в CIF.

Источник: расчеты автора на основе данных UN Comtrade, Eurostat, GACC, ФТС России.

Практически полная степень покрытия и высокая согласованность данных торговых партнёров с российской статистикой в досанкционный период позволяют далее использовать их отчётность без применения каких-либо корректировок[4]. Среднегодовые стоимостные объёмы поставок из «недружественных» стран в 2022-2024 гг. превысили досанкционный уровень (2018-2021 гг.) как по медикаментам (+11%), так и по субстанциям для их производства (+23%). В то же время в поставках из нейтральных стран наблюдалась разнонаправленная динамика: снижение стоимостных объёмов медикаментов (–17%) и рост поставок субстанций (+46%). В результате доминирование «недружественных» стран в импорте лекарств сохранилось, составив 88% (против 90% в досанкционный период), см. рисунок 1.

Рис. 1. Стоимостные объемы поставок в Россию упакованных медикаментов и субстанций для их производства из рассматриваемых стран в 2018-2024 гг.

Fig. 1. Value of supplies of packaged medicines and pharmaceutical substances for their production to Russia from the considered countries in 2018-2024

Источник: расчеты автора на основе данных UN Comtrade, Eurostat, GACC.

В постковидный период международная торговля лекарственными средствами начала значительно расширяться. В результате при стабильных общих объёмах импорта доля российского рынка сбыта в мировой торговле лекарствами снижалась. При этом ещё до начала санкционного противостояния доля России в торговле лекарственными средствами характеризовалась значительными колебаниями, см. рисунок 2. Это может объясняться как изменениями программ государственных закупок лекарств, так и последующими корректировками правил их реализации.

Рис. 2. Доля российского рынка в совокупном экспорте рассматриваемых стран упакованных медикаментов и субстанций для их производства в 2018-2024 гг.

Fig. 2. Share of the Russian market in the total exports of packaged medicines and pharmaceutical substances for their production from the considered countries in 2018–2024

Источник: расчеты автора на основе данных UN Comtrade, Eurostat, GACC.

Доля импорта в потреблении

Импортные лекарства занимают значительную долю в конечном потреблении во многих странах. Более того, отрасль фармацевтической продукции характеризуется высоким уровнем использования импортных субстанций и других промежуточных товаров в производстве (OECD Health Policy Studies, 2024). Среди крупнейших мировых экономик − стран «Большой двадцатки» − доля отечественной добавленной стоимости в конечном потреблении лекарственных средств варьируется в крайне широком диапазоне: от 90% в Китае до 15% в Саудовской Аравии, см. рисунок 3.

Следует отметить, что доля отечественной добавленной стоимости в потреблении фармацевтической продукции не связана напрямую с уровнем экономического развития страны или её фармацевтической отрасли. Так, у Франции, Италии, Великобритании и Германии, являющихся ведущими производителями и разработчиками в отрасли, этот показатель находится на уровне России, Турции и ЮАР, см. рисунок 3. Более того, Европейский союз (рассматриваемый как единое целое), США и Япония характеризуются более низкими значениями отечественной добавленной стоимости в потреблении фармацевтической продукции, чем Аргентина, Индия и Китай.

Рис. 3. Доля отечественной добавленной стоимости в конечном внутреннем потреблении фармацевтической продукции в странах «Большой двадцатки» в 2010-2022 гг.

Fig. 3. Share of domestic value added in final consumption of pharmaceutical products in the G20 countries in 2010–2022

Источник: расчеты автора на основе базы «Trade in Value Added», показатель FD_VA_SH (OECD, 2025).

В России данный показатель имел тенденцию к росту: с 31-34% в начале 2010-х годов до 43-48% в 2017–2021 гг. (OECD, 2025). При этом из-за низкой ценовой эластичности спроса и ограниченных возможностей быстрого изменения объёмов производства динамика доли отечественной добавленной стоимости в конечном внутреннем потреблении в краткосрочной перспективе в значительной степени определяется колебаниями курса национальной валюты. Этим объясняется скачок показателя для России в 2022 г. − до максимального значения в 56,9% (+9,2 процентного пункта по сравнению с 2021 г.) на фоне значительного укрепления курса рубля[5], приведшего к относительному удешевлению импортируемой продукции.

Российские таблицы «Затраты-выпуск» (Росстат, 2025) также позволяют оценить долю отечественной добавленной стоимости в конечном потреблении (D_t^{ROS}) отрасли С21 «Средства лекарственные и материалы, применяемые в медицинских целях»:

$$D_t^{ROS} = \frac{DY_t - EX_t}{C_t} \equiv \frac{DY_t - EX_t}{DY_t - EX_t + IM_t} \quad (1)$$

где DY_t – конечное использование отечественной продукции в год t в основных ценах[6], EX_t – объем экспорта[7], C_t – внутреннее потребление, определяемое как $(DY_t - EX_t + IM_t)$, где IM_t – объем импорта[8]. Рассчитанные таким образом значения оказываются близки к оценке доли отечественной продукции в конечном внутреннем потреблении, приводимые для России в базе TiVA (OECD, 2025). За последние доступные 5 лет (2017-2021) величина D_t^{ROS} принимала значения в диапазоне от 38,4% до 48,6% со средним в 43,0%. Для этого же периода аналогичная величина в базе TiVA менялась от 43% до 48,5% со средним в 45,6%. Такая согласованность значений указывает на возможность использования и проведения сравнений на основе базы TiVA.

Дополнительно оценивается показатель доли отечественной добавленной стоимости в потреблении до 2024 года. Оценка $\widetilde{D}_t^{ROS}$ строится на данных Росстата об отгрузке товаров собственного производства за 2018–2024 гг. (ЕМИСС, 2025) и динамики объёмов импорта и экспорта[9]. Полученная оценка $\widetilde{D}_t^{ROS}$ хорошо воспроизводит[10] динамику исходного показателя D_t^{ROS}, см. рисунок 3.

Для периода после 2022 года также доступны косвенные данные о доле импорта в конечном потреблении медикаментов, представленные в отраслевых отчётах (DSM Group, 2022) (DSM Group, 2025). Наиболее близким ориентиром служит доля локализованных (российских) лекарственных препаратов на рынке в стоимостном выражении. По определению этот показатель не совпадает с долей отечественной добавленной стоимости в конечном внутреннем потреблении отрасли, которая учитывает использование импортных субстанций и комплектующих, а также выпуск продукции, отличной от лекарственных препаратов, и не включает наценки торговых сетей. Поэтому данный показатель может рассматриваться лишь как косвенная мера.

Рис. 4. Различные показатели доли отечественной добавленной стоимости в конечном внутреннем потреблении фармацевтической продукции в России в 2017-2024 гг.

Fig. 4. Various indicators of the share of domestic value added in final consumption of pharmaceutical products in Russia in 2017–2024

Источник: расчеты автора на основе таблиц «Затраты-выпуск» (Росстат, 2025), данных Росстата по отгрузке товаров (ЕМИСС, 2025), базы «Trade in Value Added» (OECD, 2025), отраслевых отчетов (DSM Group, 2018)- (DSM Group, 2025) и данных по торговле стран-партнеров.

Сопоставление представленных данных и оценок позволяет выделить несколько наблюдений. Во-первых, все четыре показателя фиксируют рост отечественной доли в потреблении в 2020-2021 гг. Во-вторых, в 2022 г. лишь показатель TiVA указывает на значительное увеличение доли отечественной добавленной стоимости, что согласуется с упомянутым ранее влиянием курса национальной валюты на значения в этой базе данных. В-третьих, оценки и косвенные показатели для 2022-2024 гг. указывают на стабильность доли отечественных медикаментов в конечном внутреннем потреблении.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Для статистической проверки гипотезы о влиянии санкционного противостояния на объёмы импорта фармацевтики строится гравитационная модель с включением двунаправленных фиксированных эффектов, оцениваемая PPML (Head & Mayer, 2014). С учётом значительных колебаний объёмов и доли российского рынка в предыдущие годы модель представлена в виде обобщённого метода разностей в разностях[11], то есть включает фиктивные переменные для России по каждому

году. Это позволяет анализировать отклонения торговых потоков в Россию в отдельные годы, а не только в среднем за весь период санкционного противостояния, так как объёмы и доля российского рынка в глобальной торговле в досанкционные годы существенно колебались.

Регрессия строится на сбалансированной панели данных по экспорту фармацевтической продукции 83 стран в 2018-2024 годах, с включением нулевых потоков торговли:

$$X_{ipct} = exp(\beta_1 lnGDP_{ct} + \beta_2 lnREER_{ct} + \beta_3 lnOut_{pt} + RU_c\theta_t + \alpha_{icp} + \lambda_t)\eta_{ipct} \quad (2)$$

где X_{ipct} – стоимостной объем экспорта фармацевтической группы i (4-значный код ТН ВЭД) из страны p на рынок сбыта c в год t; $lnGDP_{ct}$ – логарифм ВВП страны-покупателя (по ППС); $lnREER_{ct}$ – логарифм индекс реального эффективного обменного курса страны-покупателя; $lnOut_{pt}$ – логарифм объема экспорта страны-производителя на все прочие рынки[12], контролирующий изменение предложения; RU_c – индикатор российского рынка сбыта; α_{icp} и λ_t – фиксированные эффекты на товарный поток и год; η_{ipct} – мультипликативный коэффициент ошибки[13] PPML, для которого $E(\eta_{ipct}|\cdot) = 1$. При анализе применяется кластерное бутстрапирование по странам-экспортёрам, что позволяет снизить чувствительность результатов к возможным выбросам в динамике поставок отдельных стран.

Полученные коэффициенты для макроэкономических переменных не противоречат теоретическим соображениям, см. таблицу 2. Во-первых, при укреплении реального эффективного курса национальной валюты на 1% импорт упакованных медикаментов увеличивается на 0,5%. Однако для группы нейтральных стран, менее значимых в мировом экспорте готовых медикаментов, зависимости от курса страны-покупателя не выявляется. Реакция импорта субстанций для производства медикаментов на укрепление курса несколько выше (0,7%), но статистически менее значима. Во-вторых, зависимость от размера ВВП страны-партнёра не выявлена ни в одной из спецификаций. Это может быть связано как с ограниченным временным горизонтом анализа (7 лет), на котором долгосрочная динамика ВВП проявляется слабо, так и с тем, что при сопоставимой эластичности спроса по ВВП и по реальному курсу меньшая волатильность ВВП не позволяет статистически зафиксировать данную зависимость. В-третьих, во всех спецификациях выявлена положительная зависимость от производственных мощностей экспортёра: при увеличении поставок на другие рынки на 1% объёмы поставок на рассматриваемый рынок возрастают на 0,44-0,55%.

Таблица 2

Результаты регрессии объемов поставок медикаментов и субстанций для их производства

Категория товарных групп:	*Упакованные медикаменты*			*Субстанции для производства*		
Группа стран-экспортеров:	все	«недружественные»	нейтральные	все	«недружественные»	нейтральные
	(1)	(2)	(3)	(4)	(5)	(6)
Реальный обменный курс валюты-импортера $lnREER_{ct}$	**0.478**** (0.210)	**0.541**** (0.272)	0.0849 (0.314)	**0.695*** (0.419)	0.666 (0.448)	0.340 (0.327)
ВВП импортера $lnGDP_{ct}$	0.278 (0.346)	0.231 (0.375)	0.524 (0.821)	-0.318 (0.464)	-0.386 (0.572)	0.579 (0.850)
Экспорт на прочие рынки $lnOut_{pt}$	**0.470***** (0.117)	**0.445***** (0.148)	**0.529***** (0.180)	**0.547***** (0.166)	**0.435***** (0.163)	0.430 (0.330)
Дамми-переменные для России (отличие от базового 2021 года):						
2018	0.110 (0.116)	0.0986 (0.125)	0.172 (0.140)	-0.0529 (0.201)	-0.0777 (0.218)	0.0147 (0.297)
2019	**0.256***** (0.0915)	**0.247**** (0.101)	**0.292*** (0.161)	0.210 (0.168)	0.187 (0.171)	0.259 (0.309)
2020	**-0.186*** (0.104)	**-0.204*** (0.111)	-0.00769 (0.176)	0.0973 (0.185)	0.0536 (0.193)	0.408 (0.446)
2022	-0.0747 (0.116)	-0.0765 (0.140)	-0.197 (0.169)	-0.0730 (0.156)	-0.134 (0.156)	**0.603*** (0.363)
2023	-0.0811 (0.125)	-0.0523 (0.141)	**-0.460***** (0.149)	-0.109 (0.194)	-0.191 (0.201)	**0.722**** (0.286)
2024	**-0.215*** (0.127)	-0.191 (0.148)	**-0.482***** (0.156)	-0.261 (0.217)	-0.351 (0.223)	**0.736**** (0.335)
Дамми на год и тройку «товар-экспортер-импортер»	ДА	ДА	ДА	ДА	ДА	ДА
Pseudo-R2	0.9805	0.9784	0.9815	0.9760	0.9782	0.9286
Число наблюдений	23 578	13 584	9 994	103 306	66 071	37 235
Число групп «товар-экспортер-импортер»	3 455	1 983	1 472	15 123	9 659	5 464

Примечание к таблице: приведены бутстрапированные стандартные ошибки (500 повторений) с кластеризацией по странам-экспортёрам; *** - p<0.01, ** - p<0.05, * - p<0.1;.

Источник: расчеты автора на основе данных UN Comtrade, Eurostat, GACC.

Для России получены статистически значимые коэффициенты θ_t для большинства лет, что указывает на существенное влияние неучтённых факторов на импорт медикаментов и субстанций для их производства. В сравнении с базовым 2021 годом (последним досанкционным) поставки упакованных медикаментов были выше в 2019 г. на 29%, а в 2020 г., в разгар ковидного кризиса, − ниже на 17%.

Для досанкционного периода важным неучтённым фактором являются изменения государственных программ закупок препаратов. В санкционный период 2022-2024 гг. отклонения от базовых объёмов последнего досанкционного года при контроле на макроэкономические показатели не выявляются ни для совокупного потока импорта (на 5% уровне значимости), ни для импорта из «недружественных» стран. Это согласуется с выдвинутой гипотезой о слабом влиянии санкционных ограничений на поставки фармацевтики в том числе в силу низкой эластичности спроса по цене. При этом в поставках из нейтральных стран, на которые приходится около 10% российского импорта, фиксируется снижение объёмов ввоза упакованных медикаментов (–37% в 2023-2024 гг.) и рост поставок субстанций для их производства (в 1,8–2,1 раза в 2022-2024 гг.). Таким образом можно говорить смещении импорта из нейтральных стран с ввоза готовой продукции в пользу поставок субстанции для производства медикаментов.

Различия в динамике поставок в Россию по группам стран-экспортёров после начала санкционного противостояния могут быть обусловлены сложностью ввозимых товаров, которую косвенно можно оценить через их удельную стоимость. Так, для медикаментов, поставляемых из «недружественных» стран, в досанкционный период она была в 2,1 раза выше, чем у поставок из нейтральных государств, а с 2022 г. этот разрыв увеличился до 3,5 раза. Ещё более заметным различие стало в удельных стоимостях субстанций вследствие смещения поставок из «недружественных» стран в пользу позиций с более высокой стоимостью. В результате импорт из нейтральных государств представлен более дешёвыми и относительно простыми в производстве лекарственными средствами, для выпуска которых у российских компаний чаще имеются необходимые компетенции. Замена же продукции, поступающей из «недружественных» стран, включающих практически все развитые экономики мира, существенно затруднена. В результате, с учётом макроэкономических параметров, ниже ожидаемого уровня оказываются только поставки медикаментов из нейтральных стран.

ВЫВОДЫ

В работе показано, что импорт фармацевтической продукции в Россию сохранял устойчивость в условиях санкционного противостояния; при этом в досанкционный период колебания объемов ввоза были более значительными. Несмотря на изменения внешнеэкономической конъюнктуры и логистики, поставки из «недружественных» стран не сократились как по медикаментам, так и по субстанциям. Значимость нейтральных поставщиков остается вторичной, с долей порядка 10% импорта. В результате степень зависимости российского рынка от внешних поставок сохраняется на среднем уровне − доля импорта в конечном потреблении фармацевтической продукции сопоставима с медианными значениями для стран «Большой двадцатки». После 2022 года сокращение импорта фиксируется пре-

имущественно в сегменте готовых медикаментов из нейтральных стран, тогда как поставки из «недружественных» стран демонстрируют устойчивость. Таким образом, ключевой вывод заключается в том, что зависимость от импорта фармацевтической продукции из «недружественных» стран сохраняется на прежнем уровне и в рассматриваемый период не обнаруживает выраженной тенденции к снижению.

ПРИМЕЧАНИЯ:

[1] Rand Health Insurance Experiment – исследование расходов на здравоохранение в США в 1974 – 1982, в рамках которого люди случайным образом распределялись по различным видам схем покрытия расходов на лекарство и лечение.

[2] Учитываемые «недружественные» страны: Европейский союз (27), Австралия, Великобритания, Исландия, Канада, Норвегия, Новая Зеландия, США, Республика Корея, Черногория, Швейцария, Украина, Япония

[3] Учитываемые нейтральные страны: Азербайджан, Аргентина, Армения, Барбадос, Белиз, Боливия, Босния и Герцеговина, Бразилия, Буркина-Фасо, Гайана, Гватемала, Гонконг, Грузия, Доминиканская Республика, Египет, Зимбабве, Израиль, Индия, Казахстан, Киргизия, Китай, Маврикий, Макао, Малайзия, Марокко, Мексика, Молдавия, Мьянма, Намибия, Нигерия, Пакистан, Панама, Парагвай, Перу, Сальвадор, Сербия, Таиланд, Турция, Узбекистан, Филиппины, Чили, Эквадор, Южная Африка.

[4] Только при оценке доли импорта в потреблении статистика партнеров корректируется на коэффициент соответствующий соотношению суммарных объемов в досанкционный период.

[5] Индекс реального эффективного курса рубля увеличился на 25.8% в 2022 г. (Банк России, 2023)

[6] Таблица использования отечественной продукции в основных ценах, показатель «Итого конечное использование (сумма граф 66, 69, 70)» (TFU) (Росстат, 2025)

[7] Таблица использования отечественной продукции в основных ценах, показатель «Экспорт» (P6)

[8] Таблица использования импортной продукции, показатель «Импорт» (TU)

[9] Динамика объемов экспорта и импорта лекарственных средств строится на данных Comtrade (относительно средних значений 2018-2021) и Eurostat. Далее оцененная динамика применяется к среднегодовым значениям экспорта и импорта по данным таблиц «затраты-выпуск» Росстата (2018-2021), пересчитанных в доллары по среднегодовому номинальному курсу.

[10] При такой оценке отечественной доли в конечном потреблении игнорируется использование нефармацевтического промежуточного импорта, например оборудования.

[11] Свойства метода описаны, например в (Wooldridge, 2025)

[12] Объемы, поставляемые на рынок, исключаются во избежание технической корреляции.

[13] Свойства коэффициента ошибки для метода PPML описаны в (Silva & Tenreyro, 2006).

БИБЛИОГРАФИЯ

Eurostat. (2025). COMEX. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/api/dissemination/files/?sort=1&dir=comext%2FCOMEXT_DATA%2FTRANSPORT_HS

GACC. (2025). Custom statistics. URL: http://stats.customs.gov.cn/indexEn

Gallaway, M. P., McDaniel, C. A., & Rivera, S. A. (2003). Short-run and long-run industry-level estimates of U.S. Armington elasticities. North American Journal of Economics and Finance, 14(1), 49–68. doi:https://doi.org/10.1016/S1062-9408(02)00101-8

Head, K., & Mayer, T. (2014). Gravity equations: Workhorse, toolkit, and cookbook. В Handbook of international economics, Vol. 4, pp. 131-195.

Hyer, A., Gregory, D., Kay, K., Le, Q., Turnage, J., Gupton, F., & Ferri, J. K. (2024). Continuous manufacturing of active pharmaceutical ingredients: current trends and perspectives. Advanced Synthesis & Catalysis, 366(3), 357-389. doi:https://doi.org/10.1002/adsc.202301137

Kersan-Škabić, I., & Belullo, A. (2021). The Characteristics of Regional Value Chains in the Sector of Chemicals and Pharmaceutical Products in the EU. Economies, 9(4), 167. doi:https://doi.org/10.3390/economies9040167

Manning, W. G., Newhouse, J. P., Duan, N., Keeler, E. B., Leibowitz, A., & Marquis, M. S. (1987). Health insurance and the demand for medical care: Evidence from a randomized experiment. American Economic Review, 77(3), 251–277. URL: https://www.jstor.org/stable/1804094

Motlagh, S., Hadian, M., Mousavi, A., Alipour, S., Jahangiri, R., & Rostami, M. (2018). Investigating the effects of exchange rate fluctuations on the import and export of medicine in Iran from 2001 to 2014. Shiraz E-Medical Journal, 19(10), 1-8. doi:https://doi.org/10.5812/semj.66512

OECD - HS to ISIC. (б.д.). HS to ISIC to End-use conversion key (BTDIxEConvKey) - TiVA / STAN Team - Directorate for Science, Technology and Innovation (STI). URL: https://stats.oecd.org/wbos/fileview2.aspx?IDFile=2bddcb44-5e74-49a0-8ac9-80ed46a2274c

OECD. (2025). Trade in Value Added (TiVA) 2025 edition: Principal Indicators, shares. URL: https://data-explorer.oecd.org/?tm=TiVA&pg=0&snb=15

OECD Health Policy Studies. (2024). Securing Medical Supply Chains in a Post-Pandemic World. OECD Publishing.

Shivdasani, Y., Kaygisiz, N. B., Berndt, E. R., & Conti, R. M. (2021). The geography of prescription pharmaceuticals supplied to the USA: levels, trends, and implications. Journal of Law and the Biosciences, 1-28. doi:https://doi.org/10.1093/jlb/lsaa085

Silva, J. S., & Tenreyro, S. (2006). The log of gravity. he Review of Economics and statistics, 88(4), pp. 641-658.

UN. (2025). Comtrade Database. URL: https://comtradeplus.un.org/

Wooldridge, J. M. (2025). Two-Way Fixed Effects, the Two-Way Mundlak Regression, and Difference-in-Differences Estimators. Empirical Economics, pp. 1-43.

Банк России. Основные производные показатели динамики обменного курса рубля в январе-декабре 2022 г. (15.02.2023 г.) @@ Bank Rossii. Osnovny`e proizvodny`e pokazateli dinamiki obmennogo kursa rublya v yanvare-dekabre 2022 g. (15.02.2023 g.).

Гришина, И. В., Бельчук, А. И., & Сабельников, Л. В. (2021). Импорт фармацевтических препаратов в Россию. Российский внешнеэкономический вестник (3), сс. 69-76 @@

Grishina, I. V., Bel`chuk, A. I., & Sabel`nikov, L. V. (2021). Import farmacevticheskix preparatov v Rossiyu. Rossijskij vneshnee`konomicheskij vestnik (3), ss. 69-76.

Доржиева, В. В. (2022). Государственная политика импортозамещения как фактор развития фармацевтической промышленности России: влияние санкций и шаги к успеху. Вестник Института экономики Российской академии наук (6), 68-78 @@ Dorzhieva, V. V. (2022). Gosudarstvennaya politika importozameshheniya kak faktor razvitiya farmacevticheskoj promy`shlennosti Rossii: vliyanie sankcij i shagi k uspexu. Vestnik Instituta e`konomiki Rossijskoj akademii nauk (6), 68-78. doi:https://doi.org/10.52180/2073-6487_2022_6_68_78

ЕМИСС. (08 2025 г.). Отгружено товаров собственного производства, выполнено работ и услуг собственными силами (без НДС, акцизов и аналогичных обязательных платежей) по «чистым» видам деятельности с 2017 г. @@ EMISS. (08 2025 g.). Otgruzheno tovarov sobstvennogo proizvodstva, vy`polneno rabot i uslug sobstvenny`mi silami (bez NDS, akcizov i analogichny`x obyazatel`ny`x platezhej) po «chisty`m» vidam deyatel`nosti s 2017 g. URL: https://www.fedstat.ru/indicator/58464

Орлова, Л. В., & Зобов, П. В. (2023). Комплекс тактических мероприятий по совершенствованию процесса импортозамещения в области российской фармацевтики. Вестник университета (ГУУ), 4, 83–90. @@ Orlova, L. V., & Zobov, P. V. (2023). Kompleks takticheskix meropriyatij po sovershenstvovaniyu processa importozameshheniya v oblasti rossijskoj farmacevtiki. Vestnik universiteta (GUU), 4, 83–90. doi:https://doi.org/10.26425/1816-4277-2023-4-83-90

Пахомович, С. С., Чепинога, О. А., & Солодков, М. В. (2024). К вопросу о развитии импортозамещения в фармацевтической промышленности. Известия Байкальского государственного университета, 34(2), 379-388. @@ Paxomovich, S. S., Chepinoga, O. A., & Solodkov, M. V. (2024). K voprosu o razvitii importozameshheniya v farmacevticheskoj promy`shlennosti. Izvestiya Bajkal`skogo gosudarstvennogo universiteta, 34(2), 379-388. doi:https://doi.org/10.17150/2500-2759.2024.34(2).379-388

Постановление Правительства РФ № 744. (02 08 2016 г.). О внесении изменений в приложение к постановлению Правительства Российской Федерации от 17 июля 2015 г. № 719 (В редакции Постановления Правительства Российской Федерации от 16.06.2025 № 901) @@ Postanovlenie Pravitel`stva RF № 744. (02 08 2016 g.). O vnesenii izmenenij v prilozhenie k postanovleniyu Pravitel`stva Rossijskoj Federacii ot 17 iyulya 2015 g. № 719 (V redakcii Postanovleniya Pravitel`stva Rossijskoj Federacii ot 16.06.2025 № 901).

Постановление Правительства РФ №1289. (30 10 2015 г.). “Об ограничениях и условиях допуска происходящих из иностранных государств лекарственных препаратов, включенных в перечень жизненно необходимых и важнейших лекарственных препаратов, для целей осуществления закупок для обеспечения государственных и муниципальных... @@ Postanovlenie Pravitel`stva RF №1289. (30 10 2015 g.). “Ob ogranicheniyax i usloviyax dopuska proisxodyashhix iz inostranny`x gosudarstv lekarstvenny`x preparatov, vklyuchenny`x v perechen` zhiznenno neobxodimy`x i vazhnejshix lekarstvenny`x preparatov, dlya celej osushhestvleniya zakupok dlya obespecheniya gosudarstvenny`x i municipal`ny`x.... URL: https://base.garant.ru/71264810/

Распоряжение Правительства РФ № 1495-р. (07 06 2023 г.). Стратегия развития фармацевтической промышленности Российской Федерации на период до 2030 года (В редакции Распоряжения Правительства Российской Федерации от 21.10.2024 № 2963-

р) @@ Rasporyazhenie Pravitel`stva RF № 1495-r. (07 06 2023 g.). Strategiya razvitiya farmacevticheskoj promy`shlennosti Rossijskoj Federacii na period do 2030 goda (V redakcii Rasporyazheniya Pravitel`stva Rossijskoj Federacii ot 21.10.2024 № 2963-r).

Росстат. (07 02 2025 г.). Национальные счета - Таблицы ресурсов и использования @@ Rosstat. (07 02 2025 g.). Nacional`ny`e scheta - Tablicy resursov i ispol`zovaniya. URL: https://rosstat.gov.ru/statistics/accounts

Фармацевтический рынок России 2017. @@ Farmacevticheskij ry`nok Rossii 2017. DSM Group. (2018). URL: https://dsm.ru/upload/iblock/67d/fr0cjt3mwxah92mgrdmck8fb7htn70iz.pdf

Фармацевтический рынок России 2020. @@ Farmacevticheskij ry`nok Rossii 2020. DSM Group. (21 03 2022 г.). URL:https://dsm.ru/upload/iblock/55f/31iouu9arqlya5zg3xo9scwzm0q3uk9k.pdf

Фармацевтический рынок России 2024. @@ Farmacevticheskij ry`nok Rossii 2024. DSM Group. (08 03 2025 г.). URL: https://dsm.ru/upload/iblock/70c/jge20mm780rph1l9p1d6ucvg95kkxdtf.pdf

Фиранчук, А., Кнобель, А. (25 09 2024 г.). Внешняя торговля России в первом полугиодии 2024 года: завершение стадии переориентации. Мониторинг экономической ситуации в России, 18-23. @@ Firanchuk, A., Knobel`, A. (25 09 2024 g.). Vneshnyaya torgovlya Rossii v pervom polugiodii 2024 goda: zavershenie stadii pereorientacii. Monitoring e`konomicheskoj situacii v Rossii, 18-23. URL: https://www.iep.ru/ru/doc/39019/vneshnyaya-torgovlya-rossii-v-pervom-polugodii-2024-goda-zavershenie-fazy-pereorientatsii-.pdf

Фиранчук, А., Кнобель, А. Итоги внешней торговли в 2024 году. Мониторинг экономической ситуации в России, 2(184), 1-6. @@ Firanchuk, A., Knobel`, A. Itogi vneshnej torgovli v 2024 godu. Monitoring e`konomicheskoj situacii v Rossii, 2(184), 1-6. URL: https://www.iep.ru/files/RePEc/gai/monreo/monreo-2025-1383.pdf

Халимова, А. А., Орлов, А. С., & Таубэ, А. А. (2024). Анализ локализации производства биотехнологических лекарственных препаратов в России с учетом происхождения активных фармацевтических субстанций. Ведомости Научного центра экспертизы средств медицинского применения. Регуляторные исследования и экспертиза лекарственных средств, 14(1), 53–61. @@ Xalimova, A. A., Orlov, A. S., & Taube`, A. A. (2024). Analiz lokalizacii proizvodstva biotexnologicheskix lekarstvenny`x preparatov v Rossii s uchetom proisxozhdeniya aktivny`x farmacevticheskix substancij. Vedomosti Nauchnogo centra e`kspertizy` sredstv medicinskogo primeneniya. Regulyatorny`e issledovaniya i e`kspertiza lekarstvenny`x sredstv, 14(1), 53–61. doi:https://doi.org/10.30895/1991-2919-2024-14-1-53-61

Оценка внешнеторговой компоненты темпов роста российской экономики в 2025 году и на период до 2028 года*

УДК:339.5; ББК:65.428; Jel:F10
DOI: 10.64545/2072-8042-2025-9-60-68

Павел Николаевич ПАВЛОВ,
кандидат экономических наук, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (119571, Россия, Москва, пр-кт Вернадского, 82/1), Институт прикладных экономических исследований, Лаборатория исследований внешней торговли, ведущий научный сотрудник, e-mail: pavlov@ranepa.ru
ORCID: 0000-0001-6200-6481

Аннотация

В статье приводятся оценки динамики внешнеторговой компоненты темпов роста ВВП России, соответствующие параметрам прогноза Минэкономразвития России на 2025 год и плановую перспективу до 2028 года. Показано, что двум сценариям прогноза на 2025 год соответствует отрицательный вклад условий внешней торговли в темпы роста российского ВВП на уровне от минус 0.5 до минус 1 п.п. В свою очередь для периода 2026-2028 гг. базовому сценарию прогноза соответствует нейтральная динамика внешнеторговой компоненты темпов роста ВВП, а консервативному сценарию прогноза соответствует выход внешнеторговой компоненты темпов роста ВВП в область отрицательных значений на уровне порядка минус 1.1-1.3 п.п.

Ключевые слова: условия торговли, внешнеторговая компонента темпов роста ВВП, прогноз.

*Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

**The article was written on the basis of the RANEPA state assignment research programme.

Evaluating the Foreign Trade Component of Russia's Economic Growth in 2025 and for the period up to 2028**

Pavel Nikolaevich PAVLOV,
Candidate of Sciences in Economics, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (82 Vernadsky. Ave., Bld. 1, Moscow, Russia, 119571), Institute of Applied Economic Research, Laboratory of Foreign Trade Research, Leading Researcher,
e-mail: pavlov@ranepa.ru ORCID: 0000-0001-6200-6481

Abstract

The article provides estimates of the dynamics of the foreign trade component of Russia's GDP growth rates, corresponding to the parameters of the forecast of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation for 2025 and the planned outlook to 2028. It is shown that the contribution of the foreign trade component to Russia's growth in both forecast scenarios is negative, ranging from -0.5% to -1%. In turn, for the period 2026-2028, the baseline forecast scenario corresponds to the neutral dynamics of the component, while the conservative forecast scenario implies that the foreign trade component slips into the negative territory, reaching approximately from -1.1% to -1.3 %.

Keywords: terms of trade, foreign trade component of GDP growth, forecast.

ВВЕДЕНИЕ

Период с начала 2022 года отметился новой полномасштабной волной санкций в отношении РФ. Уровень интегрированности российской экономики в мировую, оцененный показателем отношения объемов экспорта к ВВП, в 2022-2024 гг. снижался: если в 2022 году показатель составил 28% при среднемировом уровне 31%, то по итогам 2023-2024 гг. достиг отметки в 22-23% при среднемировом уровне 29% [1] [2]. При этом доля сырьевой и энергетической компоненты в российском экспорте в 2022-2024 гг. составила порядка двух третей[1] [3] [4] [5]. Таким образом конъюнктура мировых сырьевых и энергетических рынков продолжает оказывать существенное влияние на российский экспорт, чистый экспорт, и как следствие – на российский ВВП (показатель чистого экспорта согласно положениям СНС напрямую включается в расчет ВВП методом использования доходов [6]).

Некоторые предположения о перспективной динамике конъюнктуры на мировых сырьевых и энергетических рынках содержатся в прогнозах Минэкономразвития России. С использованием двух сценариев прогноза [7] в настоящей работе будет проведена оценка внешнеторговой компоненты темпов роста ВВП в 2025 году и на перспективу до 2028 года.

ОЦЕНКА ВНЕШНЕТОРГОВОЙ КОМПОНЕНТЫ ТЕМПОВ РОСТА ЭКОНОМИКИ

О методике расчетов

В работе будет использоваться методика декомпозиции темпов экономического роста [8, 11, 17]. В соответствии с актуальной версией данной методики, внешнеторговая компонента темпов роста ВВП определяется условиями внешней торговли российской экономики, при этом в явном виде предполагается нейтральность вклада внешнеторговой компоненты в темпы роста ВВП при нейтральности условий внешней торговли [8][2].

Поскольку на мировых рынках экспортируемых РФ сырьевых и энергетических товаров отмечается достаточно высокий уровень коррелированности цен (см. таблицу 1), в качестве приближенной оценки условий внешней торговли допустимо использовать соотношение текущих и среднемноголетних цен на один из таких товаров. При этом стоит учесть, что товар с наибольшей долей в структуре стоимостных объемов экспорта – нефть, а коэффициент корреляции между процентным отклонением текущих и среднемноголетних цен на нефть и отношением чистого экспорта к ВВП России составляет 0.5 и является статистически значимым на 1% уровне (по данным за 1999-2024 гг.).

Таблица 1

Коэффициенты корреляции мировых цен на отдельные сырьевые и энергетические товары в 1999-2024 гг.

	Нефть	*Алюминий*	*Железная руда*	*Пшеница*
Нефть	1			
Алюминий	0.65*	1		
Железная руда	0.76*	0.64*	1	
Пшеница	0.82*	0.75*	0.76*	1

Примечание:* – уровень статистической значимости: 1%.

Источник: расчеты по данным Минэкономразвития России [9] и FRED [10].

Динамика цен на нефть: период до 2028 года

Мировые цены на нефть после небольшого повышения в 2022 году на фоне фактического и запланированного ограничения поставок российских энергоносителей в рамках санкционной и ответной политики[3], в 2023-2024 гг. стабилизировались на уровне среднемноголетних значений (см. рисунок 1).

В соответствии с прогнозом Минэкономразвития России ожидается, что средний уровень цен на нефть Urals по итогам 2025 года составит порядка 56 долл./баррель в базовом сценарии и около 49 долл./баррель – в консервативном. В свою очередь в 2026-2028 гг. в базовом сценарии прогноза цена Urals постепенно сходится к уровню среднемноголетних значений (то есть наблюдается постепенное улучшение условий торговли и выход в область нейтральных значений), а в консервативном сценарии – стабилизируется на уровне около 40 долл./баррель (данный уровень цен наблюдался в 2020 году в разгар пандемии COVID-19 в условиях замедления мировой экономики).

Рис. 1 – Динамика цен на нефть Urals в 2019-2028 гг.
Fig. 1 - Urals oil price dynamics in 2019-2028.
Источник: прогноз Минэкономразвития России [7].

Внешнеторговая компонента темпов роста: прогнозная оценка на период до 2028 года

В соответствии с используемой методикой расчетов оценка внешнеторговой компоненты темпов роста ВВП в 2025 году находится в области отрицательных значений и составляет минус 0.5 п.п. в базовом сценарии и минус 1 п.п. в консервативном. В свою очередь в рамках прогноза в соответствии с заложенной динамикой цен на нефть Urals на 2026-2028 гг. предполагается, что в базовом сценарии внешнеторговая компонента темпов роста будет околонулевой (нейтральной), а в консервативном сценарии составит минус 1.1-1.3 п.п. (см. рисунок 2).

Много это или мало? Какие события прошлого напоминают текущие ожидания и оценки?

Рис. 2 – Оценка внешнеторговой компоненты темпов роста ВВП в 2019-2028 гг.
Fig. 2 - Assessment of the foreign trade component of Russia's GDP growth in 2019-2028.
Источник: расчеты автора.

В течение последних 25 лет отрицательная внешнеторговая компонента темпов роста российской экономики отмечалась всего в нескольких случаях [8] [11]:

- в 2009 году в период развития мирового финансов-экономического кризиса внешнеторговая компонента составила минус 0.7 п.п., при этом отмечался драматический ее спад к предыдущему году величиной 4.8 п.п.;

❑ в 2015-2019 гг. величина внешнеторговой компоненты составляла от минус 0.4 до минус 2.5 п.п., наибольший по величине спад к предыдущему году в указанном периоде отмечался в 2015 году и составил около 2.2 п.п. на фоне переизбытка предложения на мировом рынке нефти;

❑ в 2020 году, в период активного развития пандемии COVID-19 и замедления глобальной экономики, внешнеторговая компонента темпов роста ВВП составила около минус 1.5 п.п., спад к предыдущему году составил около 1 п.п.

В свою очередь околонулевая (0.0-0.3 п.п.) внешнеторговая компонента наблюдалась в 2014 году, и как отмечалось ранее – в 2023-2024 гг.

В данном контексте динамику внешнеторговой компоненты темпов роста российского ВВП на 2025 год и плановый период до 2028 года можно охарактеризовать как умеренно-негативную / нейтральную.

Поправка на текущие события

Серия торговых войн, инициированных действующей администрацией США, способствует среднесрочному замедлению мировой торговли [12]. Согласно прогнозу Всемирного банка, темпы роста мирового ВВП к 2027 году замедлятся до самого низкого с 1960-х гг. уровня – порядка 2.5% в год [13], что приведет к снижению глобального спроса и уровня цен на энергетические и сырьевые товары. Кроме того, в середине второго квартала 2025 года страны ОПЕК+ приняли решение об увеличении объемов добычи нефти (плюс 411 тыс. баррелей в сутки с июня 2025 г. вместо запланированного ранее увеличения на 135 тыс. баррелей в сутки [14]).

В свою очередь геополитическая напряженность на Ближнем Востоке (военные операции США и Израиля, направленные на ликвидацию ядерной программы Ирана) способствовала, по крайней мере, краткосрочному росту и повышению волатильности мировых цен на нефть [15].

Так или иначе, по итогам первых шести месяцев 2025 года уровень цен на нефть марки Urals составил в среднем 58 долл./баррель, что соответствует, скорее, параметрам *базового* сценария прогноза. В случае реализации по итогам 2025 года смешанного сценария со сравнительно низкими темпами роста ВВП, соответствующими консервативному сценарию прогноза, и ценами на нефть, соответствующими уровню первого полугодия 2025 года[4], оценка внешнеторговой компоненты ВВП согласно используемой методике расчетов может быть скорректирована приблизительно на 0.5 п.п. вверх.

ВЫВОДЫ

Построенные оценки динамики внешнеторговых темпов роста ВВП соответствуют параметрам, заложенным в сценарии прогноза Минэкономразвития России. Напомним, что ожидаемые в 2025 году темпы роста российской экономики составляют 2.5 п.п. в базовом сценарии и 1.8 п.п. – в консервативном. Согласно оценке Росстата по итогам первого квартала 2025 года, темпы роста ВВП составили 1.4 п.п. год к году [16], что соответствует, скорее, параметрам *консервативного* сценария прогноза, при этом стоит отметить высокий уровень неопределенности в глобальной экономике.

С учетом имеющихся на момент подготовки статьи данных динамику внешнеторговой компоненты темпов роста российского ВВП, соответствующую различным сценариям прогноза на период до 2028 года, можно охарактеризовать как умеренно-негативную / нейтральную.

ПРИМЕЧАНИЯ:

[1] Доля сырьевого и/или энергетического экспорта рассчитывается как (1-доля несырьевого неэнергетического экспорта (ННЭ)).

[2] В предыдущей версии методики, для сравнения, не постулировалась нейтральность вклада внешнеторговой компоненты темпов роста при нейтральности условий внешней торговли [11]. Отметим, что кроме внешнеторговой компоненты в структуре темпов роста ВВП выделяются также структурная (зависящая от фундаментальных факторов) и конъюнктурная (деловой цикл плюс случайные шоки) компоненты (см. также работу [17]).

[3] В рамках шестого пакета санкций ЕС (03.06.2022) страны ЕС отказались от закупок российской нефти и нефтепродуктов, доставляемых морским путем: ограничительные меры по нефти вступили в действие 05.12.2022 г., по нефтепродуктам – 05.02.2023г. В свою очередь Россия отказалась от поставок нефти в страны, применяющие санкции [18].

[4] Подобное сочетание параметров в соответствии с методикой [7] возможно в случае наблюдаемого относительно низкого уровня структурной и/или конъюнктурной компоненты темпов роста ВВП.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. World Bank Group. 2025. Exports of goods and services (% of GDP). URL: https://data.worldbank.org/indicator/NE.EXP.GNFS.ZS

2. Россия стала шестой экономикой мира по независимости от экспорта @@ Rossiya stala shestoj e`konomikoj mira po nezavisimosti ot e`ksporta. tks.ru. 2025. 09.06.2025. URL: https://www.tks.ru/news/nearby/2025/06/09/0002/

3. Несырьевой неэнергетический экспорт из РФ снизился в 2023 году на 23%. ТАСС. 2024. @@ Nesy`r`evoj nee`nergeticheskij e`ksport iz RF snizilsya v 2023 godu na 23%. TASS. 2024. URL: https://tass.ru/ekonomika/19980859

4. Итоги внешней торговли со всеми странами. ФТС России. 2025. @@ Itogi vneshnej torgovli so vsemi stranami. FTS Rossii. 2025. URL: https://customs.gov.ru/statistic/vneshn-torg/vneshn-torg-countries

5. Кнобель А., Фиранчук А. 2025. Итоги внешней торговли в 2024 году // Мониторинг экономической ситуации в России. №2 (184). Март. 2025. @@ Knobel` A., Firanchuk A. 2025. Itogi vneshnej torgovli v 2024 godu // Monitoring e`konomicheskoj situacii v Rossii. №2 (184). Mart. 2025. URL: https://www.iep.ru/files/RePEc/gai/monreo/monreo-2025-1383.pdf

6. Консолидированные счета. Общие положения. Росстат. 2025. @@ Konsolidirovanny`e scheta. Obshhie polozheniya. Rosstat. 2025. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/vvp/met-37.htm

7. Министерство экономического развития России. 2025. Сценарные условия функционирования экономики Российской Федерации. @@ Ministerstvo e`konomicheskogo razvitiya Rossii. 2025. Scenarny`e usloviya funkcionirovaniya e`konomiki Rossijskoj Federacii. URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/a67428ce59e50dbe6175efe1bce256b0/scenarnye_usloviya_funkcionirovaniya_ekonomiki_rf_2025.pdf

8. Павлов П. Н., Дробышевский С. М. 2022. Структура темпов роста ВВП России на перспективу до 2024 г. // Вопросы экономики. № 3. С. 29–51.@@ Pavlov P. N., Droby`shevskij S. M. 2022. Struktura tempov rosta VVP Rossii na perspektivu do 2024 g. // Voprosy` e`konomiki. № 3. S. 29–51. https://doi.org/10.32609/0042-8736-2022-3-29-51

9. Министерство экономического развития России. 2025. Конъюнктура мировых товарных рынков. 09.01.2025. @@ Ministerstvo e`konomicheskogo razvitiya Rossii. 2025. Kon``yunktura mirovy`x tovarny`x ry`nkov. 09.01.2025.URL: https://economy.gov.ru/material/departments/d12/konyunktura_mirovyh_tovarnyh_rynkov/o_srednem_urovne_cen_nefti_sorta_yurals_za_dekabr_2024_goda.html

10. FRED. Federal Reserve Bank of St. Louis. 2025. Commodities. URL: https://fred.stlouisfed.org/categories/32217

11. Дробышевский С.М., Идрисов Г.И., Каукин А.С., Павлов П.Н., Синельников-Мурылев С.Г. 2018. Декомпозиция темпов роста российской экономики в 2007-2017 гг. и прогноз на 2018-2020 гг. Вопросы экономики. № 9. С. 5-31.@@ Droby`shevskij S.M., Idrisov G.I., Kaukin A.S., Pavlov P.N., Sinel`nikov-Mury`lev S.G. 2018. Dekompoziciya tempov rosta rossijskoj e`konomiki v 2007-2017 gg. i prognoz na 2018-2020 gg. Voprosy` e`konomiki. № 9. S. 5-31.

12. Ввоз и не там: оборот КНР и США рухнул на 20% в апреле из-за торговых войн. Известия. 2025. @@ Vvoz i ne tam: oborot KNR i SShA ruxnul na 20% v aprele iz-za torgovy`x vojn. Izvestiya. 2025. 04.06.2025. URL: https://iz.ru/1897835/olga-anaseva/vvoz-i-ne-tam-oborot-knr-i-ssha-ruhnul-na-20-v-aprele-iz-za-torgovyh-vojn

13. World Bank Group. Global Economic Prospects. June 2025. URL: https://openknowledge.worldbank.org/server/api/core/bitstreams/2baabfb0-d076-444b-9564-7935afab5ada/content

14. ОПЕК+ поднимет добычу нефти втрое сверх плана. РБК. 2025. @@ OPEK+ podnimet doby`chu nefti vtroe sverx plana. RBK. 2025. 03.05.2025. URL: https://www.rbc.ru/politics/03/05/2025/6816003f9a794756e0bca46d

15. Война Израиля и США с Ираном. 04.06.2025. Главное. РБК. 2025.@@ Vojna Izrailya i SShA s Iranom. 04.06.2025. Glavnoe. RBK. 2025. URL: https://www.rbc.ru/politics/13/06/2025/684bb1499a79476c902739a4

16. Росстат подтвердил оценку роста ВВП РФ в I квартале на 1,4%. Ведомости. 2025. @@ Rosstat podtverdil ocenku rosta VVP RF v I kvartale na 1,4%. Vedomosti. 2025. 18.06.2025. URL: https://www.vedomosti.ru/economics/news/2025/06/18/1118093-rosstat-podtverdil

17. Синельников-Мурылев С., Дробышевский С., Казакова М. Декомпозиция темпов роста ВВП России в 1999-2014 годах // Экономическая политика. – 2014. – №. 5. – С. 7-37.@@ Sinel`nikov-Mury`lev S., Droby`shevskij S., Kazakova M. Dekompoziciya tempov rosta VVP Rossii v 1999-2014 godax // E`konomicheskaya politika. – 2014. – №. 5. – S. 7-37.

18. Новак: Россия не будет поставлять нефть в страны, которые введут ценовой потолок на нефть. ТАСС. 2022. @@ Novak: Rossiya ne budet postavlyat` neft` v strany`, kotory`e vvedut cenovoj potolok na neft`. TASS. 2022. 21.11.2022. URL: https://tass.ru/ekonomika/16389995

Поиск баланса регулирования развития ВАТС в России

УДК: 656; ББК: 39; Jel: R4
DOI: 10.64545/2072-8042-2025-9-69-84

Антонина Давидовна ЛЕВАШЕНКО,
Всероссийская академия внешней торговли (Россия, 119285, г. Москва, Воробьёвское ш., д. 6А), старший научный сотрудник Института международной экономики и финансов, руководитель Центра международных практик ИМЭиФ ВАВТ, E-mail: antonina.lev@gmail.com, https://orcid.org/0000-0003-2029-3667

Иван Сергеевич ЕРМОХИН,
Институт экономической политики имени Е.Т. Гайдара (Россия, 125993, Москва, Газетный пер., д. 3-5, стр. 1), научный сотрудник Лаборатории анализа лучших международных практик, E-mail: i.ermokhin@gmail.com, https://orcid.org/0000-0002-1236-3605

Диана Антоновна ГОЛОВАНОВА,
Фонд экономической политики (Россия, 125993, Москва, Газетный пер., д. 3–5, стр. 1), научный сотрудник Центра экономических исследований, E-mail: diana.a.glv@gmail.com, https://orcid.org/0009-0009-1847-2077

Аннотация

Статья посвящена формированию сбалансированного подхода к регулированию высокоавтоматизированных транспортных средств (ВАТС) в России с опорой на действующий ЭПР и международный опыт. Рассматриваются потенциальные выгоды внедрения ВАТС – снижение аварийности, повышение производительности и эффективность логистических процессов, а также ключевые правовые и технологические риски. Предлагается модель регулирования, включающая распределение ролей и ответственности участников, лицензирование операторов, механизмы пострыночного надзора и систему отчётности об инцидентах. Сформулированы рекомендации по дальнейшему совершенствованию нормативной базы и развитию ВАТС в России.

Ключевые слова: высокоавтоматизированные транспортные средства (ВАТС); экспериментальный правовой режим (ЭПР); международный опыт; распределение ответственности; лицензирование операторов; пострыночный надзор; отчётность об инцидентах; дистанционный оператор; бортовой регистратор.

Finding a Regulatory Balance for Highly Automated Vehicles in Russia

Antonina Davidovna LEVASHENKO,
Russian Foreign Trade Academy (6A Vorobyovskoye shosse., Moscow, 119285, Russia),
Senior Researcher, Institute of International Economics and Finance,
Head of the Center for International Practices, Institute of Economics and Finance,
E-mail: antonina.lev@gmail.com, ORCID: 0000-0003-2029-3667

Ivan Sergeevich ERMOKHIN,
Gaidar Institute for Economic Policy (3–5 Gazetny Lane, 1, Moscow, 125993, Russia), Researcher,
Laboratory for Analysis of Best International Practices,
E-mail: i.ermokhin@gmail.com, ORCID: 0000-0002-1236-3605

Diana Antonovna GOLOVANOVA,
Foundation for Economic Policy (3–5 Gazetny Lane, 1, Moscow, 125993, Russia), Researcher,
Center for Economic Studies, E-mail: diana.a.glv@gmail.com, ORCID: 0009-0009-1847-2077

Abstract

The article explores the shaping of a balanced approach to regulating highly automated vehicles (HAV) in Russia, drawing on the existing experimental legal regime and international experience. It examines the potential benefits of HAVs implementation – such as reduced accident rates, increased productivity, and improved logistics efficiency – as well as key legal and technological risks. The paper proposes a regulatory model that outlines the allocation of roles and responsibilities among stakeholders, operator licensing, post-market supervision mechanisms, and an incident reporting system. Recommendations are provided for further refining of the regulatory framework and the development of HAVs in Russia.

Keywords: highly automated vehicles (HAVs); experimental legal regime (ELR); international experience; allocation of responsibility; operator licensing; post-market supervision; incident reporting; remote operator; event data recorder.

ВВЕДЕНИЕ

Развитие применения ВАТС в мире способно дать существенные эффекты для экономики и социального благополучия.

Прежде всего, снижение аварийности на дорогах. По данным Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), в 2023 году в результате дорожно-транспортных происшествий погибло 1,19 млн человек, а совокупные потери от дорожных травм оцениваются примерно в 3% валового внутреннего продукта (ВВП) большинства стран.[1] Результаты исследований показывают, что использование автономных транспортных средств снижает риск травматизма. На основе анализа 56,7 млн миль поездок беспилотных автомобилей Waymo было зафиксировано уменьшение числа травм по сравнению с поездками, управляемыми людьми: на 96% меньше травм при столкновениях на перекрёстках и на 92% меньше случаев травм пеше-

ходов. Эти данные показывают, что внедрение ВАТС может значительно сократить человеческие и экономические потери, связанные с дорожно-транспортными происшествиями.[2]

Во-вторых, использование ВАТС способствует росту производительности. Согласно исследованию ВАТС с уровнем автоматизации L5 (полностью автономное транспортное средство) по международной классификации SAE, продолжительность средней поездки может сокращаться примерно на 27%. Одновременно возрастает экономическая ценность времени в дороге для пользователей ВАТС, так как оно может быть использовано для работы или других дел, не связанных с управлением автомобилем, отдельные исследователи показывают, что экономическая ценность такого времени возрастает на 31%.[3]

В-третьих, значительный эффект ожидается в сфере торговли и логистики. На грузовики приходится около 65% мировых перевозок, измеряемых в тонно-километрах. По оценкам экспертов, внедрение автономных грузовых автомобилей способно снизить совокупную стоимость владения и перевозки на 30-45%, а также увеличить время их эксплуатации до 20 часов в сутки. Это ведёт к удешевлению доставки и росту товаропотока. Дополнительный эффект достигается благодаря технологии платунинга (сцепленного движения колонн грузовиков), которая позволяет экономить около 5-10% топлива.[4]

Развитие ВАТС следует рассматривать не только как внутреннюю технологическую и регуляторную задачу, но и как элемент трансформации мировой экономики и международной торговли технологиями. В мире формируется рынок автономных транспортных средств и сопутствующих технологических решений. По оценкам отраслевых исследований, совокупный рынок автономных транспортных средств и связанных с ними решений в начале 2020 гг. уже превышал 100 млрд долл. США и к 2030 г. может достигнуть 600 млрд долл. США.[5] Компании США, ЕС и Китая уже рассматривают ВАТС как технологию, позволяющую расширять присутствие на глобальном рынке транспортных услуг. Продвижение автономных решений за рубежом становится для них одним из инструментов конкурентной борьбы и закрепления долгосрочных позиций на формирующемся рынке.

Для России это означает, что формируемая модель регулирования ВАТС определяет не только параметры внутреннего рынка, но и экспортный потенциал технологий. Российские компании способны предлагать зарубежным партнёрам не только высокоавтоматизированные транспортные средства для грузовых и пассажирских перевозок, но и отдельные компоненты (алгоритмы управления, системы мониторинга), а также услуги по разработке, адаптации и сопровождению программного обеспечения, консалтинг по внедрению и эксплуатации ВАТС. Экспорт таких решений наиболее реалистичен на рынках стран ЕАЭС и СНГ, а также в ряде государств с быстро растущим спросом на транспортные услуги и дефицитом собственных разработок, где российский опыт эксплуатации техники в сложных

климатических и инфраструктурных условиях может рассматриваться как конкурентное преимущество.

Однако развитие использования ВАТС требует от органов власти развития комплексного регулирования данной отрасли. В международной литературе ключевым подходом стала концепция безопасной системы, предполагающая достижение целей безопасности не только посредством конструктивных требований к самим ВАТС, но и чёткого распределения ролей между участниками системы.

На текущий момент в литературе выделяются несколько ключевых рисков развития ВАТС для общества.

Безопасность в условиях дорожного движения остаётся ключевым вызовом. Несмотря на значительный прогресс технологий, сохраняются редкие, но потенциально тяжёлые ошибки систем. В 2024-2025 гг. Национальное управление безопасностью движения на трассах США расследовало случаи неожиданного поведения беспилотных автомобилей, включавшие как минимум 22 инцидента с наездами на стационарные объекты и нарушениями сигналов светофора. Кроме того, инцидент в Сан-Франциско, когда ВАТ совершил наезд и впоследствии протащил пешехода, привёл к серьёзным травмам человека, а также наложению штрафа и ограничению деятельности компании. Эти примеры демонстрируют, что даже при высокой степени автоматизации сохраняется риск сбоев, способных иметь серьёзные последствия для безопасности.

Также социальные последствия внедрения ВАТС имеют неоднозначный характер. С одной стороны, технология повышает транспортную доступность, особенно для пожилых людей и лиц с ограниченной мобильностью. С другой стороны, автоматизация может привести к существенным изменениям на рынке труда. Согласно сценарию Международного транспортного форума (ITF), к 2030 году в США и ЕС внедрение ВАТС может привести к сокращению 3,4-4,4 млн рабочих мест водителей. Это подчёркивает необходимость проведения политики справедливого перехода, направленной на поддержку занятости и переквалификацию работников, затронутых процессом автоматизации.[6]

Впервые регулирование в сфере беспилотных автомобилей начало развиваться в 2011 г. в штате Невада (США), когда был принят закон AB 511, закрепивший возможность эксплуатации автономных транспортных средств. Закон ввёл определение автономного транспортного средства, обязал департамент автотранспортных средств разработать правила допуска, включая требования к страхованию, тестированию и безопасности, а также предусмотрел специальную отметку в водительском удостоверении для операторов таких систем. Таким образом, Невада стала первым регионом в мире, где был создан правовой механизм для использования беспилотных автомобилей на дорогах общего пользования.

Наиболее прогрессивное развитие отрасли автоматизированного транспорта сегодня демонстрирует Великобритания, где к 2035 г. правительство прогнозиру-

ет формирование рынка автономных перевозок объёмом до 42 млрд фунтов стерлингов и создание порядка 38 тыс. новых рабочих мест, связанных с разработкой, эксплуатацией и обслуживанием беспилотных автомобилей. В июне 2025 г. Министерство транспорта Великобритании объявило об ускорении программы внедрения автономного транспорта: уже с весны 2026 года планируется запуск коммерческих пилотов сервисов без водителя в салоне. Этот шаг позволит Великобритании одной из первых в мире перейти от экспериментальных испытаний к полноценной коммерческой эксплуатации ВАТС.

В России развитие и регулирование ВАТС сегодня реализуется в рамках ЭПР. В 2022 г. утверждена Программа ЭПР по эксплуатации ВАТС (Постановление № 309), определяющая предмет и границы эксперимента, порядок допуска, условия эксплуатации и взаимодействия участников. В 2025 г. срок действия программы продлён до 2028 г. (Постановление № 373), что может быть связано с необходимостью накопления дополнительного объема данных и оценки безопасности ВАТС в различных сценариях эксплуатации.

Содержательно регуляторная рамка сосредоточена на принципах поэтапного внедрения и определении операционных условий эксплуатации ВАТС. Процедура допуска предусматривает постепенный переход от поездок с водителем-испытателем к полностью автономным поездкам под контролем удалённого оператора. Эксплуатация транспортных средств ограничивается установленным операционным дизайном – заранее определёнными маршрутами, типами дорог и условиями движения. Кроме того, нормативные требования включают обязательные механизмы мониторинга поездок в режиме реального времени и обмена данными с уполномоченными центрами, что обеспечивает контроль за безопасностью и корректностью работы систем.

Практическая реализация ЭПР стартовала в 2022 г. в Москве, Санкт-Петербурге, Татарстане и ряде других регионов и предусматривает последовательные этапы: регистрацию транспортных средств, сертификацию оборудования, заключение соглашений, закрытые и открытые испытания с водителем-испытателем, поездки без водителя при наличии удалённого центра мониторинга и, на завершающем этапе, коммерческую эксплуатацию. К 2025 г. масштаб эксперимента расширился: «Яндекс» и «КамАЗ» совместно с Минтрансом эксплуатировали десятки беспилотных такси и грузовиков в Москве, Казани и Иннополисе, а география проекта охватила 38 регионов. Характерный пример – московский проект автоматизированного такси в районе Ясенево, где с 2023 г. беспилотные поездки выполняются в городском трафике при обязательном присутствии водителя-испытателя. В грузовом сегменте с 2024 г. регулярные рейсы автономных грузовиков выполняются по трассе Москва – Санкт-Петербург, что позволяет отрабатывать требования безопасности и технические стандарты в реальных условиях. Как подчёркивают представители Минэкономразвития, цель эксперимента – формирование единых стандартов безопасности и технических требований для будущего

федерального закона, вследствие чего ЭПР фактически служит инструментом накопления данных для дальнейшего нормативного развития.

К 2025 г. эксперимент по внедрению ВАТС в России уже имеет обобщённые результаты.

В пассажирском сегменте в 2022-2024 гг. автоматизированные такси выполнили свыше 92 тыс. поездок, из которых около 70 тыс. пришлись на территорию Сириуса, порядка 20 тыс. – на Иннополис и около 2 тыс. – на район Ясенево в Москве. Совокупный пробег в автоматизированном режиме составил около 8 млн км. За весь период было зафиксировано 36 дорожно-транспортных происшествия, при этом лишь в двух случаях ответственность возлагалась именно на ВАТС. В грузовом сегменте Минтранс сообщил, что по итогам 2024 г. автономные грузовики, работающие на трассе М-11 «Нева», преодолели более 3 млн км и перевезли свыше 330 тыс. кубометров грузов. По состоянию на март 2025 г. на трассе М-11 уже эксплуатировались 67 беспилотных грузовиков.

Стоит отметить, что ЭПР стал результатом нескольких попыток федеральных ведомств ввести в законодательство и урегулировать ВАТС. Так, в 2021 г. Минтранс подготовил проект федерального закона «О высокоавтоматизированных транспортных средствах». Однако после оценки Минэкономразвития документ был направлен на доработку и не дошёл до внесения в Госдуму. Основными причинами стали концептуальные и правовые недочёты: недостаточная разработанность понятийного аппарата и его противоречия с техрегламентом ТР ТС 018/2011 (неясно, когда ВАТС считать «инновационным» и как соотносить это с требованиями безопасности), отсутствие расчётов регуляторной нагрузки и оценки влияния на бизнес, пробелы в процедурах допуска и контроля, чрезмерная передача обязательных требований на подзаконный уровень в нарушение 247-ФЗ «Об обязательных требованиях», неурегулированность инфраструктурного блока и расплывчатые формулировки, затрудняющие распределение ответственности.

Кроме того, в проекте не были определены сроки и критерии обновления программного обеспечения, слабо проработаны вопросы информационной безопасности. Минэкономразвития рекомендовало продолжить доработку закона с учётом практики действующего ЭПР, отметив, что ряд положений вводит чрезмерные обязанности и расходы для бизнеса.

Стоит отметить, что федеральные ведомства не оставляют идею принять системное законодательство в данной сфере. Так, в октябре 2025 г. Министерство транспорта представило обновлённую редакцию законопроекта о ВАТС и объявило о намерении внести документ в Правительство до конца года. Законопроект направлен на создание условий для начала эксплуатации транспортных средств без водителя с 2027 г. Законопроект на законодательном уровне закрепляет понятийный аппарат и единые правила допуска ВАТС к эксплуатации, устанавливает

требования к операторскому контролю, техническому обслуживанию и ремонту, а также вводит обязательную постановку беспилотных транспортных средств на государственный учёт и прохождение ими регулярного технического осмотра.

Важным элементом законопроекта является распределение ответственности между участниками системы ВАТС. В частности:

- производитель несёт ответственность, если дорожно-транспортное происшествие вызвано нарушением правил дорожного движения самим ВАТС;
- владелец отвечает за нарушения, связанные с несоблюдением руководства по эксплуатации или несанкционированными изменениями конструкции ВАТС;
- авторизованный сервисный центр несет ответственность за некачественное обслуживание или невыполнение обязательных обновлений программного обеспечения;
- оператор дистанционной поддержки несёт ответственность за ненадлежащее исполнение своих функций.

Согласно данным Минтранса, действие законопроекта будет распространяться на легковые, грузовые и автобусные ВАТС. Параллельно ведётся проработка возможности включения в рамки регулирования беспилотного трамвая.

Цель данной статьи – выработать рекомендации для Правительства РФ по развитию регулирования ВАТС в России с учетом реализуемого ЭПР, а также инициатив федеральных ведомств и сформированной международной практики по данному вопросу.

ИССЛЕДОВАНИЕ СУЩЕСТВУЮЩИХ ПОДХОДОВ К СОВЕРШЕНСТВОВАНИЮ РЕГУЛИРОВАНИЯ ДЛЯ УПРАВЛЕНИЯ КЛЮЧЕВЫМИ РИСКАМИ ВАТС

Как отмечают исследователи[7], эффективное регулирование ВАТС требует не только установления технических стандартов, но и выстраивания механизмов, обеспечивающих ответственность участников, лицензирование операторов и постоянный мониторинг безопасности. Исходя из этого, в российской и международной практике и литературе выделяются следующие наиболее важные вопросы регулирования ВАТС.

Во-первых, необходимо чётко определить роли и ответственность участников: закрепить правовой статус поездок с водителем и без водителя, а также установить функции и пределы ответственности дистанционного оператора, включая разграничение обязанностей в поездках с водителем и без него. Во-вторых, требуется формализовать систему лицензирования деятельности в сфере ВАТС, введя лицензию оператора, предусматривающую требования к центрам мониторинга, каналам связи и квалификации персонала. В-третьих, важно установить единые правила отчётности и определить перечень подлежащих регистрации инцидентов, сроки уведомления и стандарты хранения информации, а также порядок предоставления

доступа к этим данным для государственных органов и страховых компаний. Рассмотрим каждый из них в отдельности.

РОЛИ И РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Согласно отчёту ITF, архитектура распределения ролей предполагает введение понятия «уполномоченной организации по автономному вождению» – юридического лица, отвечающего за допуск на дороги ВАТС, мониторинг их эксплуатации и взаимодействие с органами власти. Дополнительно закрепляются роли ответственного пользователя, находящегося в салоне, оператора при отсутствии пользователя, когда транспортное средство движется без водителя, и дистанционного оператора. Чёткое определение этих функций устраняет пробелы в распределении ответственности между разработчиком, производителем, сервисным оператором и владельцем транспортного средства, обеспечивая прозрачность обязанностей и единый подход к контролю эксплуатации беспилотного транспорта. При этом ОЭСР[8] и ITF[9] рекомендуют дополнять такую архитектуру введением показателей безопасности для автоматизированного вождения, а также требований прозрачности и объяснимости ИИ, что обеспечивает возможность оспаривания решений и эффективное управление рисками на всех стадиях жизненного цикла систем ИИ, включая ВАТС.

В России распределение ответственности сегодня определяется программой ЭПР, которая закрепляет роли водителя-испытателя, удалённого оператора и центра мониторинга, а также устанавливает требования к страхованию и фиксации данных о движении. В частности, водитель-испытатель признаётся водителем в соответствии с Правилами дорожного движения, а оператор отвечает за инциденты, связанные с ошибками маршрутизации или диспетчерского управления. Вместе с тем законопроект Минтранса 2022 г. не предусматривал специального перераспределения ответственности: установлена лишь обязанность владельца транспортного средства страховать риск гражданской ответственности по ОСАГО, при этом детальное разграничение ответственности между производителем, диспетчером и владельцем отсутствуют. При отсутствии специальных норм применяется общий режим ответственности владельца источника повышенной опасности: ответственность перед потерпевшими несёт владелец транспортного средства, а при взаимодействии двух транспортных средств владельцы несут солидарную ответственность перед третьими лицами (ГК РФ, ст. 1079). Выплаты осуществляются страховщиком по ОСАГО с регрессом к лицам, по вине которых причинён вред (№ 40-ФЗ об ОСАГО). Если причинение вреда обусловлено конструктивным или программным дефектом транспортного средства, возможен регресс к изготовителю, продавцу или исполнителю работ (ГК РФ, ст. 1095). В случаях, когда ДТП вызвано ненадлежащим состоянием дороги, разметки или дорожных знаков, компенсация может возлагаться на лиц, осуществляющих содержание и ремонт дороги (ФЗ № 257-ФЗ, ст. 28).

Кроме того, законопроект Минтранса 2022 г. не устанавливает проверяемых критериев безопасности, надёжности и объяснимости работы систем, что сохраняет правовую неопределённость в части распределения рисков между участниками. Отсутствие измеримых метрик затрудняет оценку фактического уровня безопасности и доказательство того, что остаточный риск снижен до приемлемого уровня. Непрозрачность алгоритмов управления ВАТС и отсутствие требований к объяснимости решений создают эффект «чёрного ящика», осложняя расследование инцидентов и установление причинно-следственной связи между ошибками ИИ, дефектами в получаемых системой управления данных и фактом ДТП.

Международная практика показывает, что распределение ролей и ответственности в сфере ВАТС закрепляется напрямую в законодательстве. Так, в Великобритании Automated Vehicles Act 2024 вводит понятие authorized self-driving entity – юридического лица, отвечающего за способ вождения и соблюдение всех регуляторных требований для каждого ВАТС. Закон различает два режима эксплуатации: user-in-charge, при котором человек находится в салоне и освобождается от ответственности за нарушения правил дорожного движения во время работы системы автоматического управления, и no-user-in-charge, где требуется наличие лицензированного оператора сервиса, отвечающего за безопасную эксплуатацию, обмен данными и расследование инцидентов.

После принятия закона в Великобритании сформирована регуляторная модель, устраняющая проблему непроверяемости требований к безопасности ВАТС. Во-первых, Министерство транспорта обязано разработать и применять Statement of Safety Principles – свод принципов безопасности, устанавливающий минимальный стандарт на уровне осторожного и компетентного водителя, который планируется утвердить к 2027 году. Закон предусматривает ежегодную оценку фактического уровня безопасности парка ВАТС, публикацию отчётов и закрепление измеримых метрик (включая опережающие и запаздывающие индикаторы), что позволяет сопоставлять реальные результаты с целями концепции безопасной системы.[10]

Во-вторых, закон усиливает подотчётность и прозрачность операторов: для авторизованных самоуправляющихся объектов (authorized self-driving entities) и лицензируемых операторов в режиме no-user-in-charge установлены обязанности по сбору и передаче данных регулятору, назначению ответственного за раскрытие информации, а также введена ответственность за предоставление недостоверных сведений или их сокрытие. Это обеспечивает проверяемость принципа должной осмотрительности и устраняет эффект «чёрного ящика». Дополнительно регулятор наделён полномочиями по пострыночному надзору, проведению расследований и ежегодному мониторингу функционирования ВАТС.

В будущем российском законе целесообразно закрепить модель ролей: уполномоченная организация по автономному вождению, оператор сервиса, пользователь в салоне и дистанционный оператор – с чётким разграничением ответственности. При наличии человека в салоне он отвечает за соблюдение правил и перехват

управления, а при поездках без водителя основная ответственность за безопасность и обмен данными лежит на операторе с правом регресса к изготовителю в случае выявления дефектов. Также следует установить проверяемые критерии безопасности и обязанность вести и передавать полную доказательную базу (журналы, телеметрию, видео), чтобы устранить правовую неопределённость и исключить «чёрный ящик» при расследованиях.

ЛИЦЕНЗИРОВАНИЕ УСЛУГ ВАТС

Разделение сервисного допуска, то есть введение отдельного разрешения на оказание услуг перевозки без водителя, и конструкционной безопасности транспортных средств предполагает установление самостоятельной лицензии для операторов, выполняющих коммерческие перевозки пассажиров с использованием ВАТС. Такая лицензия будет предусматривать требования к устойчивости связи между транспортным средством и оператором, наличию возможности дистанционного вмешательства, алгоритмам минимально-рискового и аварийного манёвра, а также функции автоматического вызова экстренных служб. Международные рекомендации акцентируют внимание на более чётком разграничении функций оператора услуги и конструкционного допуска, то есть на разделении сервисной лицензии и требований к изделию, а также на уточнении ролей user-in-charge и no-user-in-charge.

В России распределение ролей закреплено на уровне программы ЭПР. Водитель-испытатель признаётся водителем по правилам дорожного движения и обязан постоянно контролировать обстановку и быть готовым к перехвату управления. Движение без водителя допускается только при обеспечении удалённой маршрутизации и диспетчеризации, под наблюдением центра мониторинга, с устойчивой связью, фиксацией событий и в пределах утверждённого операционного дизайна. Таким образом, фактически закреплена связка водитель-испытатель – удалённый оператор – центр мониторинга.

Проект закона, регулирующего ВАТС, развивает эту основу. Помимо уточнения терминологии и правил допуска, он формализует распределение ответственности между всеми участниками системы. В версии законопроекта Минтранса 2025 г. предлагается, чтобы производитель отвечал в случае, если нарушение правил дорожного движения допущено самим ВАТС, владелец – при нарушении руководства по эксплуатации или внесении несанкционированных изменений в конструкцию, авторизованный сервисный центр – при некачественном техническом обслуживании или пропуске обязательных обновлений программного обеспечения, а оператор дистанционной поддержки – при ненадлежащем исполнении своих функций.

Так, например, в Великобритании проверка автомобиля и лицензирование услуги уже разделены. Сначала транспортное средство с системой автоматического вождения проходит государственную авторизацию, подтверждающую его соответ-

ствие требованиям безопасности. Отдельно вводится лицензия для компаний, которые предоставляют перевозки пассажиров или грузов без человека в салоне. На таких операторов возлагаются обязанности по обеспечению безопасной эксплуатации, поддержанию стабильной связи с транспортным средством, возможности удалённого вмешательства, страхованию, реагированию на инциденты и передаче данных регулятору.

При формировании нормативного регулирования ВАТС в России рекомендуется законодательно закрепить статус оператора услуги как самостоятельного субъекта, ввести проверку компетенций операторов ВАТС и периодическое прохождение сертификации, а также требования к устойчивости связи.

ОТЧЁТНОСТЬ ОБ ИНЦИДЕНТАХ

С точки зрения международных стандартов, сформулированных ITF, для производителей и операторов сервисов ВАТС рекомендуется ввести обязательную систему отчётности об авариях, отключениях автоматического режима и других инцидентах, представляющих риск для участников дорожного движения. При этом предлагается, чтобы различные типы инцидентов направлялись в соответствующие уполномоченные органы – например, в области технического надзора, безопасности цифровых систем и иных аспектов регулирования.

В рамках действующей программы ЭПР установлены требования к постоянной фиксации двух типов данных. Во-первых, должны записываться технические данные автоматизированной системы вождения – показания датчиков и служебные журналы. Сведения сохраняются специальным бортовым устройством, из которого их можно только считывать, без возможности изменения или удаления. Во-вторых, обязательна непрерывная видеозапись как салона, так и дорожной обстановки. В случае ДТП или другого инцидента видео должно содержать момент происшествия и не менее 30 секунд до и после, а записи должны быть готовы к передаче уполномоченным органам и страховой компании. Кроме того, оператор или центр мониторинга обязан поддерживать связь с транспортным средством в режиме реального времени и обеспечивать доступ к материалам при расследованиях.

В законопроекте Минтранса 2025 г. эти требования дополняются внедрением «чёрного ящика» – бортового устройства регистрации событий, обязательного для допуска ВАТС к эксплуатации. Оно предназначено для расследования аварий и фиксирует ключевые параметры работы системы в момент инцидента. Согласно проекту, страховые компании и ГИБДД получают право запрашивать данные с этого устройства, а оформление ДТП с участием ВАТС разрешается только при участии сотрудников ГИБДД. Также вводится обязанность своевременно устанавливать обновления программного обеспечения, что необходимо для корректной работы систем регистрации и анализа причин происшествий.

В Великобритании законодательство устанавливает требования к учёту инцидентов и управлению данными при эксплуатации ВАТС. Министерство транспорта уполномочено вводить лицензирование поездок без водителя и возлагать на операторов обязанности по сбору, хранению и передаче информации государственным органам и страховщикам. Каждая организация обязана назначить ответственное лицо за предоставляемые сведения.

Кроме того, британский закон предусматривает обязанность операторов осуществлять постоянный мониторинг эксплуатации, а также выявлять, расследовать и документировать инциденты, которые могут иметь регуляторные последствия.

В условиях отсутствия российской судебной статистики полезно обращаться к зарубежным материалам, показывающим, какие именно факты и записи становятся ключевыми при разбирательствах. Показателен разбор Национального совета по безопасности на транспорте США по аварии автоматизированного автомобиля Uber в Темпе: выводы строились на журнальных записях работы автоматической системы вождения – как она «видела» дорогу и строила прогнозы, как несколько раз меняла классификацию объекта, и на том, что неизбежность столкновения она зафиксировала лишь за 1,2 секунды до удара. Дополнительно были изучены данные о блокировке автоматического экстренного торможения и отключении систем предупреждения о столкновении, сведения о скорости, торможении и поворотах руля, записи с камер, а также информацию со смартфона оператора. Эти источники позволили восстановить полную хронологию: пешеход впервые был зафиксирован за 5,6 секунды до столкновения, но из-за повторных переклассификаций система не начала замедляться, а автоматическое торможение не сработало из-за заложенной защиты от ложных тревог, оператор отвлекался и смотрел в смартфон в течение поездки, начав уводить автомобиль всего за 0,02 секунды до удара.

Опыт этого расследования показывает, какие именно данные необходимы для анализа инцидентов с ВАТС и надзора за их безопасностью. В их числе – журналы восприятия и планирования с временными метками, режимы работы и ограничения системы, видеозаписи до и после происшествия, а также телеметрия.

Учитывая зарубежный опыт, необходимо обеспечить унификацию перечня инцидентов и форматов выгрузки данных, включая метки времени, требования к целостности записей и цепочке хранения, а также разработка типовых сценариев предоставления данных по запросу страховщиков или надзорных органов с учётом требований информационной безопасности. С учётом зарубежной практики целесообразно закрепить, во-первых, обязанности оператора: проведение испытаний на безопасность перед установкой обновлений, круглосуточный мониторинг поездок и готовность немедленно вмешаться, чтобы перевести транспортное средство в безопасное состояние. Такой подход соответствует логике британского закона об автоматизированных автомобилях, где допуск к эксплуатации напрямую связан с постоянным контролем и отчётностью перед государством. Во-вторых, необходимо обеспечить наличие доказательной базы диспетчерского центра – ведения

непрерывных журналов команд и предупреждений, фиксации момента передачи управления, записи связи и видео, точных временных меток и защищённого хранения данных с возможностью их предоставления страховщикам и надзорным органам.

Именно такие данные позволили впоследствии восстановить хронологию и причины аварии автоматизированного автомобиля Uber в Темпе.

Рекомендации для Правительства РФ по развитию регулирования ВАТС в России с учетом реализуемого ЭПР, а также инициатив федеральных ведомств и сформированной международной практики по данному вопросу.

Исходя из изложенного, в правовом регулировании ВАТС в России рекомендуется опираться на международный опыт и дополнять проект закона только там, где сейчас есть пробелы.

Седует закрепить состав, формат и сроки хранения данных бортового регистратора, телеметрии и технических журналов, а также порядок доступа к ним для регулятора и страховщиков. Такие меры позволят обеспечить прозрачность расследования инцидентов и снизить правовые риски для операторов. Кроме того, унификация форматов и процедур обращения с данными повысит сопоставимость с международными стандартами и создаст условия для участия российских компаний в трансграничных проектах в сфере беспилотных перевозок. Одновременно следует установить обязательность ведения и сохранности доказательной базы (телеметрии, видеозаписей) по действиям оператора и диспетчерского центра, чтобы ускорить расследование инцидентов и обеспечить корректное распределение ответственности.

Кроме того, требуется ввести обязательную отчётность об инцидентах и программных сбоях с чёткими порогами и сроками уведомления, анализом причин и корректирующими мерами. Это позволит сформировать систему пострыночного мониторинга, основанную на объективных данных, обеспечивающую раннее выявление дефектов и системных рисков, предотвращение дорогостоящих поломок и повторения аварий. В экономическом плане такой подход повысит надёжность и предсказуемость работы операторов, что, в свою очередь, сократит издержки на обслуживание и простои транспорта.

Отдельное внимание должно быть уделено управлению обновлениями программного обеспечения – своевременной установке, прослеживаемости изменений и контролю стабильности после обновлений. Также следует утвердить базовые требования к управлению данными и объяснимости решений ИИ: ведение документации, фиксация версий моделей, обеспечение воспроизводимости испытаний и проверяемости результатов. Это устранит эффект «чёрного ящика» и сделает сертификацию и расследования технически обоснованными.

Процедурная сторона безопасности должна рассматриваться как условие допуска к эксплуатации. Оператор услуги обязан выполнять регламентированные процедуры тестирования, мониторинга и экстренного вмешательства и иметь планы

реагирования. В режимах с оператором в салоне ответственность за нарушения ПДД и несоблюдение регламентов должна быть персонализирована, что повысит дисциплину и снизит риск халатности. Дополнительно необходимо закрепить статус оператора услуги как самостоятельного субъекта с определёнными обязанностями, ввести лицензирование и минимальные требования к квалификации персонала с регулярной переоценкой компетенций. *Такая мера обеспечит формирование устойчивого рынка профессиональных операторов, повысит качество эксплуатации и позволит создать новые высокотехнологичные рабочие места, в том числе ориентированные на экспорт услуг по управлению и мониторингу ВАТС.*

Таким образом, выбор конкретной конфигурации прав и обязанностей участников эксплуатации ВАТС, требований к бортовым регистраторам и процедурам расследования инцидентов должны оцениваться не только с точки зрения внутренней безопасности, но и через призму влияния на международную конкурентоспособность российских технологий и их экспортный потенциал. Регуляторные решения, максимально совместимые с практикой зарубежных юрисдикций и основанные на понятном распределении рисков, будут облегчать взаимное признание сертификации, участие российских компаний в трансграничных пилотных проектах и включение их в международные транспортные коридоры. В этом контексте развитие ВАТС может стать одним из значимых направлений диверсификации несырьевого экспорта и укрепления позиций России на мировом рынке высокотехнологичных транспортных услуг.

Наряду с этим требуется установить требования к устойчивости каналов связи между ВАТС, оператором и центром мониторинга, а также регламентировать порядок взаимодействия с ГИБДД и экстренными службами. Это обеспечит оперативную помощь в критических ситуациях и повысит общую надёжность системы.

В завершение, с учётом рекомендаций ОЭСР и ITF целесообразно закрепить модель ролей – уполномоченная организация по автономному вождению, оператор сервиса, пользователь в салоне и дистанционный оператор с разграничением обязанностей по режимам эксплуатации. При этом в режиме с человеком в салоне именно он отвечает за соблюдение ПДД и своевременный перехват по требованию системы, а при полностью автономных поездках основная ответственность за безопасность, обмен данными и взаимодействие с регулятором возлагается на оператора сервиса с правом регресса к изготовителю при выявленных дефектах. Такая структура обеспечит предсказуемое распределение рисков и ускорит урегулирование происшествий.

ПРИМЕЧАНИЯ:

[1] World Health Organization. Road traffic injuries [Электронный ресурс]. URL: https://www.who.int/news-room/fact-sheets/detail/road-traffic-injuries (дата обращения: 17.10.2025).

[2] Aldred R., Cavoli C. et al. Human injury prevention in autonomous vehicles: Waymo benchmark study [Электронный ресурс]. Traffic Injury Prevention, 2025. URL: https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/15389588.2025.2499887 (дата обращения: 17.10.2025).

[3] Ettema D., Knockaert J. How autonomous driving may affect the value of travel time savings [Электронный ресурс]. Utrecht University Research Portal, 2019. URL: https://research-portal.uu.nl/en/publications/how-autonomous-driving-may-affect-the-value-of-travel-time-saving (дата обращения: 17.10.2025).

[4] OECD. The Future of Trucks [Электронный ресурс]. Paris: OECD Publishing, 2017. URL: https://www.oecd.org/content/dam/oecd/en/publications/reports/2017/07/the-future-of-trucks_g1g7f159/9789264279452-en.pdf (дата обращения: 17.10.2025).

[5] Next Move Strategy Consulting. Autonomous Vehicle Market [Электронный ресурс]. URL: https://www.nextmsc.com/report/autonomous-vehicle-market (дата обращения: 17.10.2025).

[6] OECD. Managing the Transition to Driverless Road Freight Transport [Электронный ресурс]. Paris: OECD Publishing, 2017. URL: https://www.oecd.org/content/dam/oecd/en/publications/reports/2017/05/managing-the-transition-to-driverless-road-freight-transport_b618e446/0f240722-en.pdf (дата обращения: 17.10.2025).

[7] Koopman P., Wagner M. Autonomous vehicle safety validation: methods and metrics [Электронный ресурс]. Carnegie Mellon University, 2018. URL: https://users.ece.cmu.edu/~koopman/pubs/koopman18_av_safety_validation.pdf (дата обращения: 17.10.2025).

[8] OECD. Advancing Accountability in AI [Электронный ресурс]. Paris: OECD Publishing, 2023. URL: https://www.oecd.org/content/dam/oecd/en/publications/reports/2023/02/advancing-accountability-in-ai_753bf8c8/2448f04b-en.pdf (дата обращения: 17.10.2025).

[9] ITF OECD. Safer Roads with Automated Vehicles [Электронный ресурс]. Paris: OECD Publishing, 2021. URL: https://www.itf-oecd.org/sites/default/files/docs/safer-roads-automated-vehicles.pdf (дата обращения: 17.10.2025).

[10] UK Government. Automated Vehicles: Statement of Safety Principles [Электронный ресурс]. URL: https://www.gov.uk/government/calls-for-evidence/automated-vehicles-statement-of-safety-principles/automated-vehicles-statement-of-safety-principles (дата обращения: 17.10.2025).

БИБЛИОГРАФИЯ:

Aldred R., Cavoli C. et al. Human injury prevention in autonomous vehicles: Waymo benchmark study [Электронный ресурс] // Traffic Injury Prevention. – 2025. URL: https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/15389588.2025.2499887 (дата обращения: 17.10.2025).

Ettema D., Knockaert J. How autonomous driving may affect the value of travel time savings [Электронный ресурс]. Utrecht University Research Portal, 2019. URL: https://research-portal.uu.nl/en/publications/how-autonomous-driving-may-affect-the-value-of-travel-time-saving (дата обращения: 17.10.2025).

ITF OECD. Safer Roads with Automated Vehicles [Электронный ресурс]. Paris: OECD Publishing, 2021. URL: https://www.itf-oecd.org/sites/default/files/docs/safer-roads-automated-vehicles.pdf (дата обращения: 17.10.2025).

Koopman P., Wagner M. Autonomous vehicle safety validation: methods and metrics [Электронный ресурс]. Carnegie Mellon University, 2018. URL: https://users.ece.cmu.edu/~koopman/pubs/koopman18_av_safety_validation.pdf (дата обращения: 17.10.2025).

Next Move Strategy Consulting. Autonomous Vehicle Market [Электронный ресурс]. URL: https://www.nextmsc.com/report/autonomous-vehicle-market (дата обращения: 17.10.2025).

OECD. Advancing Accountability in AI [Электронный ресурс]. Paris: OECD Publishing, 2023. URL: https://www.oecd.org/content/dam/oecd/en/publications/reports/2023/02/advancing-accountability-in-ai_753bf8c8/2448f04b-en.pdf (дата обращения: 17.10.2025).

OECD. Managing the Transition to Driverless Road Freight Transport [Электронный ресурс]. Paris: OECD Publishing, 2017. URL: https://www.oecd.org/content/dam/oecd/en/publications/reports/2017/05/managing-the-transition-to-driverless-road-freight-transport_b618e446/0f240722-en.pdf (дата обращения: 17.10.2025).

OECD. The Future of Trucks [Электронный ресурс]. Paris: OECD Publishing, 2017. URL: https://www.oecd.org/content/dam/oecd/en/publications/reports/2017/07/the-future-of-trucks_g1g7f159/9789264279452-en.pdf (дата обращения: 17.10.2025).

UK Government. Automated Vehicles: Statement of Safety Principles [Электронный ресурс]. URL: https://www.gov.uk/government/calls-for-evidence/automated-vehicles-statement-of-safety-principles/automated-vehicles-statement-of-safety-principles (дата обращения: 17.10.2025).

WHO. Road traffic injuries [Электронный ресурс]. World Health Organization. URL: https://www.who.int/news-room/fact-sheets/detail/road-traffic-injuries (дата обращения: 17.10.2025).

Детерминанты притока иностранных инвестиций и институциональные ограничения инвестиционной политики России

УДК:330.322; ББК: 65.263.23 ; Jel:E22
DOI: 10.64545/2072-8042-2025-9-85-107

Владимир Александрович ЕРЕМКИН,
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (119571, Москва, проспект Вернадского, д. 82, стр. 1), старший научный сотрудник лаборатории структурных исследований Института прикладных экономических исследований, e-mail: eremkinva@mail.ru

Константин Александрович ТУЗОВ,
Институт экономической политики им. Е.Т. Гайдара (125009, Москва, Газетный переулок, 3-5, стр. 1), аспирант, e-mail: tuzov45@yandex.ru

Аннотация

Статья представляет аналитический обзор отечественных исследований, посвящённых факторам привлечения прямых иностранных инвестиций (ПИИ) и проблемам реализации государственной политики инвестиционного стимулирования в России. Рассматриваются детерминанты ПИИ на федеральном и региональном уровнях, включая рыночный потенциал, институциональную среду, инфраструктуру и человеческий капитал. Особое внимание уделено противоречиям и ограничениям налоговых, прямых и инфраструктурных мер поддержки, а также региональным диспропорциям. На основе анализа выделены направления совершенствования инвестиционной политики, ориентированной на институциональную предсказуемость и пространственную сбалансированность.

Благодарность

Данная статья подготовлена в рамках государственного задания РАНХиГС.

Ключевые слова: прямые иностранные инвестиции, инвестиционная активность, инвестиционная политика, институциональная среда, инфраструктура, налоговые стимулы, региональное развитие, инвестиционный климат, государственная поддержка.

Determinants of FDI Inflows and Institutional Constraints of Russia's Investment Policy

Vladimir Aleksandrovich EREMKIN,
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (82/1, Vernadskogo pr., Moscow, 119571, Russia), Senior Researcher, Structural Research Laboratory of the Institute of Applied Economic Research, e-mail: eremkinva@mail.ru

Konstantin Aleksandrovich TUZOV,
Gaidar Institute for Economic Policy (RF, 125009, Moscow, Gazetny Lane, 3-5, building 1), Postgraduate student, e-mail: tuzov45@yandex.ru

Abstract

The article provides an analytical review of Russian studies on the determinants of foreign direct investment (FDI) inflows and the challenges of implementing investment promotion policies in Russia. It examines FDI factors at national and regional levels, including market potential, institutional environment, infrastructure, and human capital. Special attention is given to the inconsistencies in tax, direct, and infrastructure support measures, as well as regional disparities. Based on the analysis, key directions for improving investment policy are identified with the focus on institutional predictability and balanced spatial development.

Acknowledgments

This research was carried out within the RANEPA state assignment research programme.

Keywords: foreign direct investment, investment activity, investment policy, institutional environment, infrastructure, tax incentives, regional development, investment climate, government support.

ВВЕДЕНИЕ

В условиях нарастающей глобальной конкуренции за капитал вопросы привлечения инвестиций приобретают стратегическое значение для устойчивого экономического роста. Особенно это актуально для России, где экономическое развитие в значительной степени зависит от способности формировать устойчивую и привлекательную среду как для внешних, так и внутренних инвесторов. В последние годы на фоне санкционного давления, технологических ограничений и геополитических трансформаций вопросы интенсификации инвестиционной активности стали предметом особого внимания как со стороны научного сообщества, так и на уровне государственной политики.

Настоящий аналитический обзор отечественных исследований посвящён анализу научных подходов к проблемам увеличения инвестиционной активности в России. Логика построения анализа предполагает двухэтапную структуру, в рамках которой на первом этапе мы рассматриваем факторы, определяющие приток

прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в Россию в целом и в её регионы. Такое внимание к ПИИ обусловлено их высокой чувствительностью к качеству институциональной и экономической среды, поскольку иностранные инвесторы, как правило, наиболее требовательны к условиям ведения бизнеса, и их поведение может рассматриваться как индикатор эффективности инвестиционного климата. Анализ факторов, влияющих на ПИИ, позволяет выявить наиболее уязвимые элементы инвестиционной среды и сформулировать целевые ориентиры для государственной политики.

На втором этапе предметом анализа становятся элементы государственной инвестиционной политики и практики стимулирования инвестиций. Последовательность такого рассмотрения объясняется необходимостью сначала понять, какие именно факторы наиболее значимы с точки зрения инвесторов, прежде чем оценивать, насколько существующие меры государственной поддержки соответствуют этим ожиданиям. Только сопоставление теоретически и эмпирически обоснованных детерминант инвестиционной активности с реальными мерами государственной политики позволяет дать содержательную оценку её эффективности и определить направления для её совершенствования.

АНАЛИЗ ФАКТОРОВ УВЕЛИЧЕНИЯ ПИИ В РОССИИ В ЦЕЛОМ И В РЕГИОНАХ

Приток прямых иностранных инвестиций (ПИИ) играет ключевую роль в экономическом развитии, особенно в условиях ограниченности внутренних ресурсов. Для стран с переходной экономикой, таких как Россия, иностранный капитал не только обеспечивает дополнительное финансирование, но и способствует передаче технологий, повышению производительности и интеграции в глобальные цепочки добавленной стоимости. Однако эффективность использования этого потенциала во многом зависит от способности страны, а в российском контексте и от способности регионов, создавать условия, благоприятные для инвесторов. Именно поэтому понимание детерминант ПИИ, то есть факторов, влияющих на решения инвесторов о размещении капитала, становится критически важным.

Знание этих факторов позволяет органам власти формировать более точечную инвестиционную политику. Если в регионе или стране в целом ключевую роль играют институциональные условия, акцент следует делать на снижении административных барьеров и укреплении правовой среды. Если же преобладающим мотивом инвесторов является рыночный потенциал, важно стимулировать экономическую активность, развивать внутренний спрос и человеческий капитал. Управление детерминантами – это, по сути, управление привлекательностью региона как площадки для бизнеса, что становится особенно актуальным в условиях межрегиональной и международной конкуренции за инвестиции.

В целях систематизации существующих знаний в данной области был проведён краткий обзор академических работ, охватывающих различные аспекты и подходы к анализу детерминант ПИИ в России. Для удобства анализа все выявленные факторы были сгруппированы в тематические блоки, отражающие логические связи между ними. Результаты этого обобщения представлены в таблице, после чего даётся подробный аналитический комментарий к каждой группе факторов, основанный как на выводах авторов работ, так и на обобщённой интерпретации выявленных закономерностей.

Таблица 1

Обзор ключевых факторов, оказывающих влияние на иностранные инвестиции в Россию и ее регионы

Фактор	*Переменная в модели в исследовании*	*Полученная оценка влияния*
1. Рыночный потенциал региона	- ВРП/размер рынка - Динамика роста и миграции - Доходы населения - Уровень потребления - Урбанизация / наличие крупных городов	Положительное. Основной и наиболее стабильный фактор. Регионы с высоким ВРП и динамичной экономикой последовательно демонстрируют больший приток ПИИ [1], [2], [3], [4], [5]. Высокая урбанизация и плотность населения также усиливают привлекательность, за счёт концентрации спроса и деловой активности. Миграционный прирост дополнительно сигнализирует о привлекательности региона. Доходы и потребление – индикаторы платёжеспособного спроса.
2. Инфраструктура и география	- Транспортная сеть (дороги, ж/д) - Морские порты - Агломерационный эффект - Расстояние до центра / географическая близость - Наличие СЭЗ	В основном положительное. Хорошая транспортная инфраструктура и близость к другим рынкам повышают привлекательность региона [1], [6], [4], [5]. Однако в ряде работ [2] инфраструктура оказалась статистически незначимой, что может отражать замещение этого фактора другими (например, СЭЗ или централизованные инвестиции в Москву). СЭЗ устойчиво демонстрируют положительное влияние как форма государственной поддержки [2]. Географическая удалённость снижает ПИИ [3], [7], [4].

Фактор	*Переменная в модели в исследовании*	*Полученная оценка влияния*
3. Институциональная среда	- Качество регулирования, верховенство закона - Политическая стабильность - Прозрачность - Уровень коррупции - Легкость ведения бизнеса - Институциональные риски	Критически важное положительное влияние. Особенно выделяется в работах [8], [9], [10], [5]. Институты важны как «правила игры»: слабые институты отпугивают даже при наличии рыночного потенциала. В странах ЕАЭС это главный фактор [8]. В России – особенно для “открытых” секторов (торговля, услуги). В “закрытых” секторах роль институтов снижена, поскольку инвестиции более политизированы или стратегически мотивированы.
4. Трудовые ресурсы и человеческий капитал	- Безработица - Качество рабочей силы (образование) - Квалификация работников	Смешанное влияние. В большинстве случаев – отрицательное влияние высокой безработицы [1], [3], как индикатора слабой экономики. Качество и уровень образования рассматривались [2], [4], но значимых различий между регионами часто не находили из-за общей высокой образовательной базы, поэтому эффект оказался незначимым или неопределённым. Только при дефиците кадров или уникальных специализациях этот фактор может стать значимым.
5. Финансовое и инвестиционное окружение	- Финансовая устойчивость резидентов - Доходность проектов - Источники инвестиций (собственные средства, кредиты) - Уровень убыточности - Доступность кредитов - Участие офшоров - Импортозависимость	Разнонаправленное влияние. Финансово устойчивые компании и доходные проекты [6], [10] – положительно. Убыточность и нестабильность – отрицательно [1], [10]. Доступность кредитов становится важной в условиях санкций и снижения внешнего финансирования [10]. Роль офшоров [9] искажает официальную статистику, затрудняя оценку реального притока ПИИ. Импортозависимость – негативный фактор, сдерживающий инвестиции, особенно в условиях санкций [10].
6. Открытость экономики и интеграция	- Внешняя торговля (экспорт/импорт) - Глобальная интеграция - Гравитационные факторы (размеры экономик и расстояния)	В целом положительное влияние. Подтверждено в работах [8], [2], [3], [7], [4]. Открытость повышает инвестиционную привлекательность, так как сигнализирует об интеграции и конкурентности. Исключение – работа [8], где высокая открытость имела отрицательное влияние, что объяснялось структурной зависимостью от импорта. Гравитационные факторы (размер экономики инвестора, расстояние) стабильно влияют на распределение ПИИ в рамках гравитационных моделей [3], [7], [4].

Фактор	*Переменная в модели в исследовании*	*Полученная оценка влияния*
7. Ресурсы и природные условия	- Природные ресурсы - Индекс нефтегазовой обеспеченности - Доля добывающих отраслей - Доступ к энергоресурсам	Неоднозначное или слабое влияние. Вопреки стереотипу, большинство работ [2], [7], [4], показали незначимое или отрицательное влияние природных ресурсов. Это объясняется высокой монополизацией сектора и сложным доступом для иностранных инвесторов. Исключение – Сахалин [5] и ресурсоориентированные ПИИ после кризиса 1998 года. Стратегический интерес к доступу к ресурсам актуален для отдельных регионов и отраслей, но не является универсальной детерминантой.

Источник: составлено авторами по данным исследований.

Рыночный потенциал региона и страны в целом выступает наиболее устойчивой и универсальной детерминантой. Региональные различия в валовом региональном продукте (ВРП), плотности населения и степени урбанизации последовательно интерпретируются как отражение спроса и экономической активности. Исследователи отмечают, что приток ПИИ чаще всего сосредоточен в экономически развитых субъектах федерации, особенно в тех, где дополнительно наблюдается положительная миграционная динамика, указывающая на устойчивое развитие и улучшение качества жизни [1], [2], [3], [4], [5]. При этом значение не только текущих экономических показателей, но и траектории роста региона подчёркивает склонность инвесторов оценивать как фактическое состояние, так и перспективы. Особо интересен поворот в характере инвестиций после кризисных периодов, когда на смену вложениям, ориентированным на внутренний рынок, приходят инвестиции, особенно в экспортноориентированные сектора [5].

Инфраструктурные и географические условия нередко рассматриваются как фактор, способный сместить центр притяжения инвестиций от экономически мощных регионов к менее развитым, но логистически выгодным. Тем не менее, эмпирические данные по России показывают противоречивые результаты. Развитие транспортной сети, наличие морских портов и агломерационные эффекты безусловно способствуют инвестиционной привлекательности, особенно в экспортноориентированных регионах [1], [6], [5]. Однако в ряде работ инфраструктура не получила статистически значимой оценки [2], что может указывать на доминирование других факторов − таких как государственные стимулы или институциональные гарантии. Географическая удалённость, особенно от Москвы, снижает объем инвестиций [3], [7], [4], что может быть связано не только с логистическими издержками, но и с институциональной слабостью отдалённых регионов, где инвесторы сталкиваются с дополнительными рисками.

Институциональная среда является одним из наиболее комплексных факторов, охватывающим как формальные характеристики (качество регулирования, защита прав собственности), так и неформальные индикаторы (прозрачность, восприятие коррупции). В большинстве исследований, в которых институциональная компонента присутствует в модели, подтверждают её ключевое значение для инвестиционной активности [8], [9], [10], [5]. Особенно ярко эта связь проявляется в «открытых» секторах − розничной торговле, строительстве, сфере услуг – где стабильность правил игры критична для снижения трансакционных издержек. Вместе с тем в стратегических и капиталоёмких отраслях («закрытые» сектора) роль институтов оказывается ограниченной, а приоритет смещается в сторону доступа к ресурсам и политико-административных механизмов.

Трудовые ресурсы и человеческий капитал вызывают наиболее неоднозначные оценки. Безработица последовательно трактуется как негативный сигнал, указывающий на слабую экономику региона и потенциальные трудности с кадровым обеспечением [1], [3]. Однако попытки включения в модели более тонких характеристик рабочей силы, таких как уровень образования, квалификация, доля занятых в наукоёмких отраслях, зачастую не приводят к значимым результатам [2], [4]. Это может быть связано с относительно однородным распределением человеческого капитала между регионами или с тем, что иностранные инвесторы предпочитают ориентироваться на общие индикаторы рыночного спроса, а не на параметры предложения труда. Исключения составляют регионы с выраженной специализацией или сильной вузовской базой (например, Приморский край), где качество трудовых ресурсов может стать решающим фактором [6].

Финансовое окружение и инвестиционный климат также играют существенную роль, особенно в условиях нестабильности. Финансовая устойчивость компаний-резидентов, возможность самофинансирования и доступность банковских ресурсов определяют жизнеспособность инвестиционных проектов [6], [10]. Снижение доверия к заемному финансированию на фоне санкций усиливает значимость собственных средств и государственной поддержки. Убыточность и долговая нагрузка действующих предприятий, напротив, воспринимаются как сигналы риска. Кроме того, значительная часть формально зарегистрированных ПИИ оказывается реинвестированным отечественным капиталом, поступающим через офшоры [9], что искажает официальную статистику и усложняет интерпретацию данных. Влияние импортозависимости на инвестиции стало особенно заметным после 2022 года, когда в условиях логистических разрывов и нестабильных поставок она ограничивает возможности расширения производств [10].

Открытость экономики и внешняя интеграция часто выступает маркером инвестиционной привлекательности. Высокая доля экспорта и импорта в ВРП указывает на вовлечённость региона в международную экономику и повышает доверие инвесторов [2], [3], [7], [4]. Однако в некоторых случаях открытость имеет об-

ратный эффект, особенно если она ассоциируется с чрезмерной зависимостью от импорта, что снижает устойчивость к внешним шокам [8]. Применение гравитационных моделей [3], [7], [4] позволяет дополнительно учесть не только абсолютные показатели торговли, но и относительные характеристики, такие как расстояние, культурная и историческая близость, общий язык, которые также влияют на приток ПИИ.

Наконец, ресурсные и природные условия, несмотря на устойчивое присутствие в теоретических моделях, оказываются менее значимыми в эмпирических оценках. Хотя нефтегазовая обеспеченность, наличие полезных ископаемых и энергетических ресурсов воспринимаются как традиционные магниты для ПИИ, большинство работ показывают либо отсутствие статистической значимости, либо отрицательную корреляцию [2], [4], [5]. Это объясняется высокой концентрацией этих отраслей в руках крупных национальных игроков, что ограничивает возможности для иностранных инвесторов. В отдельных случаях (например, Сахалин или регионы с соглашениями о разделе продукции) эффект всё же прослеживается [5], но он скорее отражает исключительные условия, нежели какую-то закономерность.

Таким образом, детерминанты ПИИ в России представляют собой многоуровневую и контекстно-зависимую структуру, где значение отдельных факторов варьируется в зависимости от сектора, географии и макроэкономической обстановки. Хотя рыночный потенциал и институциональная среда остаются базовыми ориентирами для инвесторов, другие детерминанты, такие как инфраструктура, человеческий капитал, финансовая устойчивость, начинают играть критическую роль в условиях высокой неопределённости и растущей региональной дифференциации.

2. Проблемы реализации государственной политики инвестиционного стимулирования в России

В условиях ограниченного доступа к внешнему капиталу, технологических санкций и необходимости ускоренного модернизационного развития инвестиционная политика государства становится одним из ключевых инструментов экономической трансформации. В последние два десятилетия в России сформирован обширный арсенал мер по стимулированию инвестиционной активности, включающий налоговые льготы, субсидии, механизмы государственно-частного партнёрства, инвестиционная инфраструктура и институциональные гарантии для инвесторов. Тем не менее, несмотря на масштаб и разнообразие этих инструментов, фактическая инвестиционная динамика остаётся нестабильной и не всегда соответствует заявленным целям.

Отечественные исследования указывают на противоречия и ограничения государственной инвестиционной политики. С одной стороны, государство пытается компенсировать низкую активность частного сектора путём прямого вмешатель-

ства, с другой − создаёт институциональную среду, зачастую недостаточно предсказуемую и фрагментарную. Это порождает системные дисфункции, когда меры поддержки не достигают целей, меры поддержки распределяются непрозрачным образом, а инвесторы сталкиваются с высокими трансакционными издержками.

Настоящий подраздел направлен на анализ этих проблем в логике структурного обзора, нами рассматриваются трудности в реализации налоговых стимулов, ограничения бюджетных и инфраструктурных мер, институциональные сбои, региональные диспропорции и стратегическая рассогласованность инвестиционной политики. Основой анализа служат обобщения из отечественной научной литературы, официальные оценки эффективности программ поддержки, а также систематизация типичных рисков и сбоев, выявленных в практической реализации инвестиционных инициатив государства.

НАЛОГОВЫЕ СТИМУЛЫ: ОГРАНИЧЕННАЯ ЭФФЕКТИВНОСТЬ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ИЗДЕРЖКИ

Налоговая политика традиционно рассматривается как один из ключевых инструментов стимулирования инвестиционной активности. В российской практике особое внимание уделяется налоговым льготам – как на федеральном, так и на региональном уровне. К числу таких стимулов относятся инвестиционные налоговые вычеты, пониженные ставки по налогу на прибыль, освобождение от налога на имущество в рамках специальных режимов (например, особых экономических зон, территорий опережающего развития, соглашений о защите и поощрении капиталовложений). Однако накопленный опыт применения этих инструментов свидетельствует о наличии целого ряда системных проблем, ограничивающих их эффективность [11].

Прежде всего, в научной литературе акцентируется внимание на нестабильности налоговой среды [12]. Наличие постоянных изменений в налоговом законодательстве, отмена или модификация ранее действовавших режимов (в том числе в ответ на фискальные вызовы), формируют у инвесторов ощущение неопределённости и повышают восприятие институционального риска. Такая непредсказуемость особенно чувствительна для проектов с долгим инвестиционным циклом, где горизонт планирования превышает три-пять лет. В ряде исследований подчёркивается, что налоговые стимулы теряют эффективность, если отсутствует уверенность в их сохранении в долгосрочной перспективе, даже несмотря на их номинальную привлекательность [12], [13].

Дополнительным ограничением является низкая адресность и эффективность действующих налоговых льгот [14], [15]. Налоговые льготы часто предоставляются секторам, которые и без того обладают высоким уровнем инвестиционной активности, либо компаниям с государственным участием, чья инвестиционная политика не зависит от налоговой нагрузки в такой же степени, как у частных

инвесторов. Кроме того, режим ручного управления предоставлением налоговых льгот является источником злоупотреблений со стороны представителей государства [16]. Все это в совокупности означает, что ресурсы налогового стимулирования используются нерационально, не формируя дополнительных вложений, а лишь снижая доходную базу бюджета.

Отдельной проблемой выступает неравномерность и ограниченность региональных возможностей по предоставлению налоговых преференций. Субъекты Российской Федерации обладают правом понижать региональные компоненты налогов (в первую очередь налога на прибыль), однако реализация этого права зависит от состояния их бюджетов. В результате экономически слабые регионы, которые нуждаются в инвестициях в наибольшей степени, имеют наименьшую возможность их стимулировать. Это порождает институциональное неравенство между регионами, при котором налоговые преференции становятся привилегией относительно благополучных территорий.

Наконец, в работах [17], [14] подчёркивается отсутствие системы мониторинга и оценки эффективности налоговых стимулов. В большинстве случаев данные о влиянии конкретных льгот на объем привлечённых инвестиций отсутствуют или являются закрытыми, что затрудняет принятие обоснованных решений о продлении или отмене конкретных мер. Таким образом, налоговая политика в инвестиционной сфере нередко строится на предположениях, а не на эмпирически подтверждённых эффектах.

Таким образом, несмотря на широкое распространение налоговых стимулов в России, их реальное воздействие на инвестиционную активность остаётся ограниченным. Проблемы институциональной предсказуемости, фискальной устойчивости, регионального неравенства и дефицита оценки результатов делают необходимым пересмотр принципов предоставления налоговых льгот с опорой на принципы адресности, долгосрочности и прозрачности.

ПРЯМЫЕ МЕРЫ ГОСПОДДЕРЖКИ: БЮРОКРАТИЗАЦИЯ, НЕДОСТАТОЧНЫЕ МАСШТАБЫ, СОМНИТЕЛЬНАЯ ЭФФЕКТИВНОСТЬ ОТБОРА

Прямые формы государственной поддержки инвестиций в России представлены разнообразными инструментами: от субсидий и грантов до льготного кредитования, компенсаций процентных ставок и гарантийных механизмов. Эти меры реализуются через федеральные и региональные программы, а также при участии институтов развития, таких как Фонд развития промышленности (ФРП), ВЭБ.РФ, Российский экспортный центр и др. Несмотря на наличие формализованных процедур и усилия по цифровизации, практика их применения выявляет целый ряд ограничений, влияющих на эффективность этих инструментов.

Одной из системных проблем, наиболее часто фиксируемых в научной литературе и экспертных обзорах, является бюрократизация процедур получения под-

держки [18]. Избыточность требований к проектной документации, сложность процедур согласования и длительность рассмотрения заявок приводят к тому, что участие в конкурсных программах становится доступным лишь крупным компаниям, обладающим административным ресурсом и опытом работы с государственными структурами. Это исключает из поля поддержки малый и средний бизнес, особенно в регионах с низкой институциональной плотностью.

Второе серьёзное ограничение − ограниченность масштабов финансирования и институциональных возможностей институтов развития. Несмотря на декларируемое расширение их роли в экономике, объёмы финансирования многих программ остаются незначительными по сравнению с масштабами необходимой структурной трансформации. Например, по некоторым оценкам, проектов, реально получающих поддержку ФРП, остается немного, после значительного отсеивания на предварительных стадиях [19]. Это свидетельствует либо о несоответствии критериев реальным потребностям экономики, либо о чрезмерной селективности, основанной не столько на потенциальной эффективности проектов, сколько на политико-административной логике.

Не менее важна проблема пространственного дисбаланса в распределении прямой поддержки. Исследование [20] Счетной палаты указывает на то, что большая часть федеральных субсидий и льготного финансирования концентрируется в 2/3 регионов тогда как около трети оказываются без поддержки (зачастую экономически депрессивные территории оказываются в менее выгодном положении). Это связано как с различиями в институциональном потенциале регионов, так и с неформальной конкуренцией между субъектами Федерации за федеральные ресурсы.

Дополнительной проблемой является низкая эффективность отбора. Зачастую при формировании требований к получателям нарушаются принципы конкуренции, что приводит к необоснованному исключению из круга претендентов ряда компаний [21]. Также наблюдается слабая связка между прямыми мерами поддержки и результатами инвестиционной активности. Даже при наличии субсидий и грантов реальные объёмы частных вложений зачастую остаются ниже прогнозируемых. Иногда это свидетельствует о необходимости пересмотра системы KPI для оценки эффективности инструментов поддержки.

Таким образом, несмотря на декларативную активность государства в сфере прямого инвестиционного стимулирования, имеющиеся меры страдают от институциональных и организационных проблем. В условиях ограниченного бюджета и усиливающейся конкуренции за ресурсы на первый план выходит задача повышения качества отбора проектов, адресности поддержки и институциональной доступности программ для широкого круга участников — особенно для малого и среднего бизнеса в регионах.

ИНФРАСТРУКТУРНЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ И ПЕРЕКОСЫ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

Инфраструктура традиционно рассматривается как ключевой элемент инвестиционной привлекательности. Она определяет доступность рынков, снижает логистические и производственные издержки, а также создает основу для развития территорий. В российской государственной политике вопросы инфраструктурного развития занимают заметное место. Это отражено как в масштабных федеральных инициативах (например, «Комплексный план модернизации и расширения магистральной инфраструктуры», нацпроекты «Инфраструктура для жизни», «Экономика данных и цифровая трансформация государства»), так и в механизмах государственно-частного партнёрства. Однако, несмотря на значительный объём вложений и политическую поддержку, инфраструктурный компонент государственной инвестиционной политики сталкивается с рядом ограничений, иногда подрывающих его эффективность как регулятора частных капиталовложений.

Во-первых, наблюдается устойчивый дисбаланс в территориальном распределении инфраструктурных инвестиций [22], [23], [24]. Основная масса инфраструктурных проектов концентрируется в крупнейших агломерациях и ресурсодобывающих регионах, тогда как малые и средние города, а также отдалённые территории остаются вне зоны приоритетного внимания. Это усиливает региональные различия и порождает парадокс: наиболее инвестиционно привлекательные территории получают ещё больше поддержки, в то время как депрессивные регионы, нуждающиеся в базовой инфраструктуре, не могут создать условия для запуска инвестиционных процессов.

Во-вторых, реализация инфраструктурных проектов часто сопровождается институциональными и нормативными барьерами. По некоторым оценкам, сложности при оформлении земельных участков, согласовании проектной документации и обеспечении подключения к инженерным сетям становятся системными ограничителями для частных инвесторов, особенно в промышленности [25], [26]. Эти ограничения характерны не только для отдалённых регионов, но и для территорий с высоким уровнем экономической активности, где инфраструктура формально имеется, но перегружена и плохо управляется.

Третьей проблемой является возможная слабая связка между инфраструктурными вложениями и реальным стимулированием частных инвестиций. Как показывают результаты исследования [27], наличие физической инфраструктуры (дороги, порты, энергообъекты) не всегда приводит к формированию устойчивых экономических кластеров или росту частной активности. Исследования [28], [29] также подчеркивают, что без наличия якорных проектов, институциональной поддержки и управленческих компетенций инфраструктура не играет решающей роли.

Кроме того, инфраструктурные проекты часто реализуются без учета долгосрочных эксплуатационных расходов и рисков неэффективного использования. В отечественной литературе [30], [31] отмечается, что при планировании проектов редко проводится полноценный анализ жизненного цикла инфраструктурных объектов, а сам подход к инвестированию остаётся строительно-ориентированным, а не экономико-функциональным. Это приводит к формированию инфраструктурного износа, то есть ситуации, при которой построенные объекты быстро теряют функциональность или требуют дополнительного инвестирования.

Важным элементом инфраструктурной политики являются механизмы государственно-частного партнёрства (ГЧП), которые теоретически призваны повысить эффективность за счёт соинвестирования и разделения рисков. Однако, несмотря на бурное развития данного направления в последнее десятилетие, практика реализации ГЧП в России (в особенности в регионах) ограничивается в основном крупными проектами в сфере транспорта и медицины, тогда как в промышленности, создании инновационной инфраструктуры и логистике этот механизм используется реже [32]. Причины − правовая неопределённость, сложность контрактной схемы, слабость проектной подготовки на региональном уровне.

Таким образом, несмотря на приоритетность инфраструктурной политики в официальной повестке, её инвестиционный эффект остаётся ограниченным. Для повышения её результативности необходим переход от формального расширения инфраструктурной сети к комплексному подходу, предполагающему увязку инфраструктуры с промышленной, территориальной и институциональной политиками, а также повышение качества проектного управления, ориентированного на инвестиционные и социально-экономические результаты, а не на освоение капитальных вложений.

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ СРЕДА: ПЕРИОДИЧЕСКАЯ НЕСТАБИЛЬНОСТЬ И СЛАБОСТЬ ГАРАНТИЙ

Институциональное качество инвестиционной среды − это неотъемлемый элемент притяжения капитала. Инвесторы, особенно стратегические и иностранные, принимая решение о вложениях, ориентируются не только на уровень налогов или наличие инфраструктуры, но прежде всего на предсказуемость, правовую защищённость и надёжность взаимодействия с государством [33]. Российская институциональная среда, несмотря на отдельные попытки реформирования, по-прежнему воспринимается как зона высокой неопределённости, что существенно снижает эффективность государственной политики по стимулированию инвестиций.

Одной из центральных проблем является отсутствие устойчивых и долгосрочных правил игры [34]. Непредсказуемость изменений в законодательстве, в том числе в инвестиционной и отраслевой сферах, вызывает у бизнеса опасения [35] относительно возвратности вложенных средств. Крупные инструменты поддерж-

ки инвестиций зачастую не поддерживают стабильность правового режима в течение длительного времени, будь то особые экономические зоны, соглашения о защите капиталовложений (СЗПК) или специальные инвестиционные контракты (СПИК). Это обстоятельство особенно негативно влияет на долгосрочные проекты с высоким горизонтом планирования и сложной финансовой архитектурой.

Дополнительное осложнение связано со спорной эффективностью механизмов институциональных гарантий, например, СЗПК. Несмотря на громкие заявления о создании «режима стабильности» для инвесторов, реальное применение этих инструментов оказалось ограниченным. Вопреки амбициозным планам и заключению 81 соглашения на 4,5 трлн руб. в рамках СЗПК, реальная эффективность этого инструмента вызывает серьезные вопросы. Фактическое возмещение затрат инвесторам до сих пор не началось, что свидетельствует о системных проблемах в реализации механизма. Главная проблема – отсутствие работающих механизмов компенсации. Хотя закон о СЗПК действует с 2020 года, налоговые вычеты не применялись из-за отсутствия подзаконных актов. Попытки получить возмещение через субсидии также оказались неудачными, поскольку заявки носят единичный характер, а ни одна компания пока не получила выплат. Это подрывает доверие бизнеса к инструменту. Бюрократические барьеры усложняют процесс. Для возмещения затрат через субсидии необходимо согласование с тремя уровнями бюджета, что требует подачи трех комплектов документов. Стабилизационная оговорка, которая должна защищать инвесторов от изменений законодательства, также работает не в полной мере. Нарушения обязательств со стороны государства приводят к необходимости компенсации ущерба, но это сокращает размер налогового вычета. В результате инвесторы несут дополнительные риски. В текущем виде СЗПК остается скорее декларативным инструментом, чем реальным стимулом для привлечения частных инвестиций. Без оперативных изменений его потенциал так и не будет реализован [36].

Серьёзным сдерживающим фактором является невысокий уровень доверия к судебной системе и механизмам правоприменения. Согласно опросам, подавляющее большинство предпринимателей (более 69%) считают ведение бизнеса в стране небезопасным, а свыше 66% экспертов характеризуют российское правосудие как необъективное и зависимое [37]. Особую тревогу вызывает стремительный рост экономических споров с государственными органами, которые ежегодно увеличиваются на 10%, а также широкое применение уголовного преследования в предпринимательской среде, где 70% дел рассматриваются по упрощенной процедуре, фактически исключающей полноценный прокурорский надзор [37]. Ситуацию усугубляет усиливающееся административное давление на бизнес, проявляющееся в резком росте штрафных санкций при формальном сокращении количества проверок. Иностранные инвесторы дополнительно отмечают такие системные

проблемы как необходимость неформальных механизмов защиты и правовую неопределенность, особенно в сфере цифровой экономики. Эти факторы в совокупности создают порочный круг недоверия к правовым институтам, который требует глубоких системных преобразований, включая реформу судебной системы, введение дополнительных гарантий защиты прав предпринимателей и стабилизацию законодательной базы для повышения предсказуемости правоприменительной практики [37].

Также вызывает беспокойство невысокий уровень координации между различными уровнями власти, что приводит к институциональному разрыву между федеральными инициативами и региональной практикой. Во многих регионах отсутствуют структурированные инвестиционные стратегии, согласованные с федеральными приоритетами [38]. Это иногда делает невозможным реализацию принципа одного окна и превращает взаимодействие инвестора с государством в сложный, фрагментарный процесс с множеством нестыковок и дублирующих требований [39].

Наконец, существует проблема избирательности правоприменения [35]. Даже хорошо прописанные механизмы защиты прав инвесторов работают не в силу закона, а в силу статуса и политических связей конкретного инвестора. Это приводит к возникновению эффекта институционального неравенства и демотивирует малые и средние компании от участия в инвестиционных проектах.

Таким образом, институциональная среда в России пока не в полной мере выполняет свою ключевую функцию – обеспечение прозрачности, предсказуемости и защиты интересов инвесторов. Усилия по реформированию отдельных элементов (например, запуск цифровых платформ, разработка новых форм соглашений) не дают устойчивого результата без формирования системной, долгосрочной и равной для всех модели взаимодействия между государством и бизнесом. Без решения этой проблемы даже масштабные меры поддержки и инфраструктурные проекты не способны кардинально изменить инвестиционную динамику.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ДИСПРОПОРЦИИ И КОНКУРЕНЦИЯ ЗА ИНВЕСТИЦИИ

Одной из наиболее заметных проблем государственной инвестиционной политики в России остаётся высокая территориальная асимметрия инвестиционной активности и неравномерность распределения государственной поддержки. Несмотря на формальное равенство субъектов РФ в праве разрабатывать и реализовывать меры стимулирования инвестиций, фактические возможности регионов резко различаются, как с точки зрения их бюджетной и экономической базы, так и в институциональном отношении. Это порождает проблему межрегионального инвестиционного неравенства, которая затрудняет выравнивание социально-экономического развития страны.

Наиболее успешные регионы, такие как Москва, Санкт-Петербург или Татарстан обладают развитой инфраструктурой, высококвалифицированными кадрами, сильными управленческими командами и эффективными институтами поддержки (инвестиционные агентства, корпорации развития). По данным АСИ, в этих регионах наблюдается системное сопровождение инвестора, прозрачные процедуры и чёткие регламенты, что делает их особенно привлекательными даже при сравнительно высоких издержках [40]. При этом большинство других субъектов Федерации не в состоянии обеспечить аналогичный уровень сервиса и стабильности. В результате внутренняя конкуренция за инвестиции становится нерегулируемой, что приводит к размыванию стандартов, дублированию инициатив и перетягиванию инвесторов в пользу и без того благополучных территорий.

Особое внимание в научной литературе уделяется феномену региональной конкуренции за инвестора, которая часто принимает деструктивные формы [41]. Например, субъекты РФ нередко снижают налоговую нагрузку, предлагают субсидии и иные преференции, не учитывая долгосрочные бюджетные последствия [42]. Это не только снижает фискальную устойчивость, но и ведёт к гонке льгот, которая не увеличивает общий объем инвестиций, а лишь перераспределяет их по территории страны.

Наконец, в ряде регионов наблюдается отсутствие последовательной инвестиционной стратегии, замена содержательной политики декларациями и формальными KPI. Публичные региональные инвестиционные обязательства, закрепляющие основы взаимодействия и поддержки инвестиционных проектов, действительно способны улучшить инвестиционный климат, однако их практическая реализация сталкивается с рядом системных проблем. Анализ 45 инвестиционных деклараций [43] выявил существенные различия между регионами как в формулировке обязательств, так и в их фактическом выполнении. При этом проведенные интервью с представителями бизнес-сообщества показали, что большинство таких документов не обладают юридической силой оферты и не представляют реальной ценности для потенциальных инвесторов. Основные трудности связаны с отсутствием доверия к подобным декларациям и слабым взаимодействием между региональными властями и деловыми объединениями. Даже при наличии единого стандарта подготовки инвестиционных документов, качество их разработки значительно варьируется от региона к региону, что свидетельствует о недостаточном понимании региональными руководителями механизмов привлечения инвестиций. Эта ситуация усугубляется преобладанием неформальных практик при реализации инвестиционных проектов и чрезмерной зависимостью инвестиционного климата от личных решений губернаторов и глав субъектов Федерации, что снижает прозрачность и предсказуемость условий ведения бизнеса.

Таким образом, региональный аспект инвестиционной политики в России страдает от целого комплекса проблем: институционального неравенства, неэф-

фективной конкуренции и отсутствия ясных инвестиционных стратегий. Для выравнивания ситуации необходим переход от стихийной межрегиональной борьбы за инвестиции к согласованной, комплексной системе инвестиционного федерализма, включающей как развитие локальных институтов, так и перераспределение ресурсов и практик между территориями.

ВЫВОДЫ

Проведённый обзор отечественных исследований, посвящённых проблемам интенсификации инвестиционной активности в России, позволяет сделать ряд содержательных выводов о природе, факторах и институциональных условиях притока инвестиций, прежде всего прямых иностранных, в российскую экономику.

Во-первых, детерминанты инвестиционной активности в России обладают выраженной многокомпонентной структурой. Наиболее устойчивыми и универсальными факторами остаются рыночный потенциал и качество институциональной среды. Их влияние подтверждается как в общероссийском, так и в региональном контексте. При этом вторичные, но значимые эффекты оказывают транспортно-логистическая инфраструктура, доступность финансирования, уровень интеграции в мировую экономику и качество человеческого капитала. Характер воздействия этих факторов неоднороден, что подчёркивает необходимость адресного подхода в инвестиционной политике.

Во-вторых, государственная политика инвестиционного стимулирования в России страдает от целого ряда системных проблем. Среди них − нестабильность и ограниченная предсказуемость налогового регулирования, институциональные сбои в реализации механизмов прямой поддержки, пространственные перекосы в инфраструктурной политике, слабость правовых гарантий для инвесторов и недостаточная координация между уровнями власти. Всё это снижает эффективность даже тех инструментов, которые на уровне замысла и проектных документов обладают высоким потенциалом.

В-третьих, региональная дифференциация инвестиционного климата остаётся одной из наиболее острых проблем. Институциональное и бюджетное неравенство между субъектами РФ, отсутствие у многих регионов чётких инвестиционных стратегий, фрагментарность сопровождения инвесторов и преобладание неформальных практик ведут к воспроизводству территориальной асимметрии и конкуренции, не увеличивающей, а перераспределяющей инвестиционные потоки.

Таким образом, для повышения инвестиционной активности в России необходима системная трансформация инвестиционной политики. Она должна опираться на:

- ❑ Обеспечение институциональной предсказуемости и правовой защищённости;
- ❑ Повышение адресности, транспарентности и эффективности инструментов стимулирования;

❑ Развитие инфраструктуры с прицелом на социально-экономический эффект;

❑ Формирование согласованной модели инвестиционного федерализма, в рамках которой все регионы получат реальные возможности и стандартизированные условия для участия в конкуренции за инвестиции.

Без перехода к комплексному, долгосрочному и институционально устойчивому подходу существующие меры будут продолжать давать фрагментарный и ограниченный результат.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Кожина Е. А., Лавренчук Е. Н. Детерминанты прямых иностранных инвестиций в регионы Российской Федерации: результаты экономико- математического моделирования // Вестник ПГУ. Серия: Экономика. 2017. №3, сс.404-418. @@ Kozhina E. A., Lavrenchuk E. N. Determinanty` pryamy`x inostranny`x investicij v regiony` Rossijskoj Federacii: rezul`taty` e`konomiko- matematicheskogo modelirovaniya // Vestnik PGU. Seriya: E`konomika. 2017. №3, cc.404-418. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/determinanty-pryamyh-inostrannyh-investitsiyv-regiony-rossiyskoy-federatsii-rezultaty-ekonomiko-matematicheskogo-modelirovaniya/viewer

2. Yukhanaev, A., Sharma, S., & Nevidimova, A. (2014). Subnational Determinants of Foreign Direct Investments in the Russian Federation. Journal of Eastern European and Central Asian Research (JEECAR), 1(2), 10.

3. Zaytsev Y., 2016. “Diagnostics of foreign direct investments inflow in Russian Federation: theoretical and practical issues,” International Journal of Trade and Global Markets, Inderscience Enterprises Ltd, vol. 9(2), pp. 170-181.

4. Калинин А.М. (2024) Факторы инвестиционной активности в российской экономике: выводы 2022 г. // Проблемы прогнозирования. 2024. №1. сс.35-53 @@ Kalinin A.M. (2024) Faktory` investicionnoj aktivnosti v rossijskoj e`konomike: vy`vody` 2022 g. // Problemy` prognozirovaniya. 2024. №1. cc.35-53

5. Mariev O. S., Drapkin I. M., Chukavina K. V., Rachinger H. Determinants of FDI inflows: the case of Russian regions // Экономика региона. 2016. №4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/determinants-of-fdi-inflows-the-case-of-russian-regions/viewer

6. Якимова В. А., Хмура С. В. Детерминанты привлечения инвестиций в точки роста экономики дальнего востока России // Экономика региона. 2022. №3. @@ Yakimova V. A., Xmura S. V. Determinanty` privlecheniya investicij v tochki rosta e`konomiki dal`nego vostoka Rossii // E`konomika regiona. 2022. №3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/determinanty-privlecheniya-investitsiy-v-tochki-rosta-ekonomiki-dalnego-vostoka-rossii/viewer

7. Ledyaeva S., Linden M. Testing for Foreign Direct Investment gravity model for Russian regions // Department of Business and Economics. University of Joensuu. Working paper. – 2006. – No. 32.– P. 1–26.

8. Аветисян А.Г. Инвестиционная привлекательность страны: анализ основных факторов. Финансы: теория и практика/Finance: Theory and Practice. 2020;24(4):58-74. @@ Avetisyan A.G. Investicionnaya privlekatel`nost` strany`: analiz osnovny`x faktorov. Finansy`: teoriya i praktika/Finance: Theory and Practice. 2020;24(4):58-74.

9. Драпкин И.М., Мариев О.С., Чукавина К.В. (2015) Количественная оценка потенциала импорта и экспорта прямых зарубежных инвестиций в российской экономике на основе гравитационного подхода // Журнал Новой экономической ассоциации, № 4 (28), с. 75–95.@@ Drapkin I.M., Mariev O.S., Chukavina K.V. (2015) Kolichestvennaya ocenka potenciala importa i e`ksporta pryamy`x zarubezhny`x investiciĭ v rossijskoj e`konomike na osnove gravitacionnogo podxoda // Zhurnal Novoj e`konomicheskoj associacii, № 4 (28), s. 75–95.

10. Ledyaeva S., 2009. "Spatial Econometric Analysis of Foreign Direct Investment Determinants in Russian Regions," The World Economy, Wiley Blackwell, vol. 32(4), April, pp. 643-666,

11. Качур О.В., Фурсова И.А. Налоговая политика в области инвестиций как фактов экономического развития России // Современная экономика: проблемы и решения. 2020. № 2 (122). С. 118-133. @@ Kachur O.V., Fursova I.A. Nalogovaya politika v oblasti investicij kak faktov e`konomicheskogo razvitiya Rossii // Sovremennaya e`konomika: problemy` i resheniya. 2020. № 2 (122). S. 118-133.

12. Какаулина М. О., Горлов Д. Р. Оценка влияния налоговых льгот на инвестиционную активность в особых экономических зонах Российской Федерации // Journal of Applied Economic Research. – 2022. – Т. 21, № 2. – С. 282–324. @@ Kakaulina M. O., Gorlov D. R. Ocenka vliyaniya nalogovy`x l`got na investicionnuyu aktivnost` v osoby`x e`konomicheskix zonax Rossijskoj Federacii // Journal of Applied Economic Research. – 2022. – T. 21, № 2. – S. 282–324.

13. Ишмухаметов Э. М., Ризванова М. А., Мурзина Э. Ф. Повышение эффективности инвестиционной деятельности субъектов малого бизнеса (на примере участия компаний в региональных проектах) // Вестник УГНТУ. Наука, образование, экономика. Серия: Экономика. 2022. №4 (42). @@ Ishmuxametov E`. M., Rizvanova M. A., Murzina E`. F. Povy`shenie e`ffektivnosti investicionnoj deyatel`nosti sub``ektov malogo biznesa (na primere uchastiya kompanij v regional`ny`x proektax) // Vestnik UGNTU. Nauka, obrazovanie, e`konomika. Seriya: E`konomika. 2022. №4 (42). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/povyshenie-effektivnosti-investitsionnoy-deyatelnosti-subektov-malogo-biznesa-na-primere-uchastiya-kompaniy-v-regionalnyh-proektah/viewer

14. Батуркин А.Н. (2024) Счетная палата: кураторы налоговых расходов признали эффективными менее трети установленных льгот. 4 июня 2024 @@ Baturkin A.N. (2024) Schetnaya palata: kuratory` nalogovy`x rasxodov priznali e`ffektivny`mi menee treti ustanovlenny`x l`got. 4 iyunya 2024. URL: https://ach.gov.ru/checks/kuratory-nalogovykh-raskhodov.

15. Жаруллина Э. И. Оценка эффективности налоговых льгот в Российской Федерации: Автореферат диссертации кандидата экономических наук: 08.00.10; Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова. – Москва, 2017. – 26 с. @@ Zharullina E`. I. Ocenka e`ffektivnosti nalogovy`x l`got v Rossijskoj Federacii: Avtoreferat dissertacii kandidata e`konomicheskix nauk: 08.00.10; Rossijskij e`konomicheskij universitet im. G.V. Plexanova. – Moskva, 2017. – 26 s.

16. Федосимов Б. А. Правовое регулирование налогового льготирования в Российской Федерации дис. канд. юрид. наук: 5.1.2; Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. – Москва, 2024. – 247 с.@@

Fedosimov B. A. Pravovoe regulirovanie nalogovogo l`gotirovaniya v Rossijskoj Federacii dis. kand. yurid. nauk: 5.1.2; Rossijskaya akademiya narodnogo xozyajstva i gosudarstvennoj sluzhby` pri Prezidente Rossijskoj Federacii. – Moskva, 2024. – 247 c.

17. Стешенко Ю. А. Институциональные ограничения налогового стимулирования, препятствующие экономическому росту на современном этапе // Финансы и управление. 2018. №2. @@ Steshenko Yu. A. Institucional`ny`e ogranicheniya nalogovogo stimulirovaniya, prepyatstvuyushhie e`konomicheskomu rostu na sovremennom e`tape // Finansy` i upravlenie. 2018. №2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/institutsionalnye-ogranicheniya-nalogovogo-stimulirovaniya-prepyatstvuyuschie-ekonomicheskomu-rostu-na-sovremennom-etape/viewer

18. Медведкова И. А., Трудаева Т. А. (2020) Упрощение процедур инвестирования и перспективы создания многосторонних правил. Торговая политика. Т. 23, № 3. С. 107–117.@@ Medvedkova I. A., Trudaeva T. A. (2020) Uproshhenie procedur investirovaniya i perspektivy` sozdaniya mnogostoronnix pravil. Torgovaya politika. T. 23, № 3. S. 107–117.

19. Яковлев А. А., Фрейнкман Л. М., Ершова Н. В., Агалян А. А. Оценка эффективности инструментов промышленной политики в России: новые подходы // ЭКО. 2023. № 2. С.60–83.@@ Yakovlev A. A., Frejnkman L. M., Ershova N. V., Agalyan A. A. Ocenka e`ffektivnosti instrumentov promy`shlennoj politiki v Rossii: novy`e podxody` // E`KO. 2023. № 2. S.60–83.

20. Счетная палата (2024). Бюллетень Счетной палаты Российской Федерации, 2024, № 7. Инвестиции. @@ Schetnaya palata (2024). Byulleten` Schetnoj palaty` Rossijskoj Federacii, 2024, № 7. Investicii. URL: https://www.sptulobl.ru/law/Bul-7-2024.pdf

21. Малкова, Т. Б. Обзор особенностей субсидирования отраслей экономики России / Т. Б. Малкова, О. А. Доничев, Д. В. Саакян // Экономика, предпринимательство и право. – 2024. – Т. 14, № 4. – С. 1525-1542. @@ Malkova, T. B. Obzor osobennostej subsidirovaniya otraslej e`konomiki Rossii / T. B. Malkova, O. A. Donichev, D. V. Saakyan // E`konomika, predprinimatel`stvo i pravo. – 2024. – T. 14, № 4. – S. 1525-1542.

22. Яковлев И.А., Кабир Л.С., Раков И.Д. Инфраструктурные инвестиции в России: тенденции и приоритеты современного этапа// Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. ISSN 1999-2645. − №4 (52).@@ Yakovlev I.A., Kabir L.S., Rakov I.D. Infrastrukturny`e investicii v Rossii: tendencii i prioritety` sovremennogo e`tapa// Regional`naya e`konomika i upravlenie: e`lektronny`j nauchny`j zhurnal. ISSN 1999-2645. − №4 (52). URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_32243978_71164681.pdf

23. Sherpa Grop (2023). Инфраструктура в регионах: долговая нагрузка и бюджетные вложения в отрасль. @@ Sherpa Grop (2023). Infrastruktura v regionax: dolgovaya nagruzka i byudzhetny`e vlozheniya v otrasl`. URL: https://sherpagroup.ru/analytics/n4n4jrx

24. Дадашев Б.А., Гладких А.А. Основные проблемы государственной инвестиционной политики России // Научный результат. Экономические исследования. − 2020. − Т. 6, № 3. @@ Dadashev B.A., Gladkix A.A. Osnovny`e problemy` gosudarstvennoj investicionnoj politiki Rossii // Nauchny`j rezul`tat. E`konomicheskie issledovaniya. − 2020. − T. 6, № 3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-problemy-gosudarstvennoy-investitsionnoy-politiki-rossii/viewer

25. Тотоев В. Г. К вопросу технологического присоединения к инженерным сетям естественных монополистов // Инновации и инвестиции. 2020. №3. @@ Totoev V. G. K voprosu

texnologicheskogo prisoedineniya k inzhenerny`m setyam estestvenny`x monopolistov // Innovacii i investicii. 2020. №3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-tehnologicheskogo-prisoedineniya-k-inzhenernym-setyam-estestvennyh-monopolistov/viewer

26. Захаров, П. Н. О некоторых путях оптимизации процесса получения исходно-разрешительной документации в строительстве / П. Н. Захаров, П. П. Корнилов // Российское предпринимательство. – 2012. – Т. 13, № 18. – С. 105-110. @@ Zaxarov, P. N. O nekotory`x putyax optimizacii processa polucheniya isxodno-razreshitel`noj dokumentacii v stroitel`stve / P. N. Zaxarov, P. P. Kornilov // Rossijskoe predprinimatel`stvo. – 2012. – T. 13, № 18. – S. 105-110.

27. Палей Т.Ф. Влияние уровня инфраструктурного потенциала региона на выбор стратегии инвестирования// Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. ISSN 1999-2645. – №3 (51). @@ Palej T.F. Vliyanie urovnya infrastrukturnogo potenciala regiona na vy`bor strategii investirovaniya// Regional`naya e`konomika i upravlenie: e`lektronny`j nauchny`j zhurnal. ISSN 1999-2645. – №3 (51). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-urovnya-infrastrukturnogo-potentsiala-regiona-na-vybor-strategii-investirovaniya/viewer

28. Коростышевская Е. М., Шумова А. И. Кластерная политика России в условиях развития региональных инновационных систем // Инновации. 2019. №4 (246). @@ Korosty`shevskaya E. M., Shumova A. I. Klasternaya politika Rossii v usloviyax razvitiya regional`ny`x innovacionny`x sistem // Innovacii. 2019. №4 (246). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/klasternaya-politika-rossii-v-usloviyah-razvitiya-regionalnyh-innovatsionnyh-sistem/viewer

29. Юрова П. Н., Макаров И. Н., Покидова Е. А., Хрючкина Е. А. Кластеризация региональной экономики: проблемы финансирования и мониторинга деятельности региональных кластеров // Экономика, предпринимательство и право. – 2022. – Т. 12, № 7. – С. 2013-2028.@@ Yurova P. N., Makarov I. N., Pokidova E. A., Xryuchkina E. A. Klasterizaciya regional`noj e`konomiki: problemy` finansirovaniya i monitoringa deyatel`nosti regional`ny`x klasterov // E`konomika, predprinimatel`stvo i pravo. – 2022. – T. 12, № 7. – S. 2013-2028.

30. Кузнецов А. А. Стоимость затрат жизненного цикла как оценка финансовой эффективности инвестиционно-строительного проекта социальной инфраструктуры // Вестник ГУУ. 2020. №6. Сс. 136-143 @@ Kuzneczov A. A. Stoimost` zatrat zhiznennogo cikla kak ocenka finansovoj e`ffektivnosti investicionno-stroitel`nogo proekta social`noj infrastruktury` // Vestnik GUU. 2020. №6. Cc. 136-143

31. Богачева О. В., Смородинов О. В. Подходы к государственному управлению инвестициями в инфраструктуру в России в свете международного опыта // Финансы и кредит. 2018. №9 (777). @@ Bogacheva O. V., Smorodinov O. V. Podxody` k gosudarstvennomu upravleniyu investiciyami v infrastrukturu v Rossii v svete mezhdunarodnogo opy`ta // Finansy` i kredit. 2018. №9 (777). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/podhody-k-gosudarstvennomu-upravleniyu-investitsiyami-v-infrastrukturu-v-rossii-v-svete-mezhdunarodnogo-opyta/viewer

32. Захарова Е.А., Абилова Е.В., Давыдов Д.В., Трегубова А.В. Перспективы развития практики государственно-частного партнёрства в сфере транспортной логистики // Общество, экономика, управление. 2019. №4. @@ Zaxarova E.A., Abilova E.V., Davy`dov D.V., Tregubova A.V. Perspektivy` razvitiya praktiki gosudarstvenno-chastnogo partnyorstva v sfere transportnoj logistiki // Obshhestvo, e`konomika, upravlenie. 2019. №4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivy-razvitiya-praktiki-gosudarstvenno-chastnogo-partnyorstva-v-sfere-transportnoy-logistiki/viewer

33. Инвестиции и инвестиционная деятельность: учебник / Л. И. Юзвович, М. С. Марамыгин, Е. Г. Князева, М. И. Львова, Ю. В. Куваева, М. В. Чудиновских, С. А. Дегтярев ; под общ. ред. Л. И. Юзвович; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Уральский государственный экономический университет. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2021. – 498 с. @@ Investicii i investicionnaya deyatel`nost`: uchebnik / L. I. Yuzvovich, M. S. Maramy`gin, E. G. Knyazeva, M. I. L`vova, Yu. V. Kuvaeva, M. V. Chudinovskix, S. A. Degtyarev ; pod obshh. red. L. I. Yuzvovich; Ministerstvo nauki i vy`sshego obrazovaniya Rossijskoj Federacii, Ural`skij gosudarstvenny`j e`konomicheskij universitet. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2021. – 498 s.

34. Проектный офис по развитию конкуренции (2025). Доклад о состоянии и развитии конкуренции на рынках товаров, работ и услуг города Москвы по итогам 2024 года. Утв. Протоколом от 06.03.2025 № 70-04-2/25. @@ Proektny`j ofis po razvitiyu konkurencii (2025). Doklad o sostoyanii i razvitii konkurencii na ry`nkax tovarov, rabot i uslug goroda Moskvy` po itogam 2024 goda. Utv. Protokolom ot 06.03.2025 № 70-04-2/25.

35. Инвестиционный климат в России: мнение иностранных инвесторов. EY (2015). Эрнст энд Янг. @@ Investicionny`j klimat v Rossii: mnenie inostranny`x investorov. EY (2015). E`rnst e`nd Yang. URL: http://www.fiac.ru/pdf/EY-investment-climate-in-russia-2015-rus.pdf

36. Галиева Д. (2025) Соглашения предъявили к вычету: Подготовлены правила возмещения затрат инвесторов по СЗПК. Газета «Коммерсантъ» №81 от 07.05.2025, с. 2. @@ Galieva D. (2025) Soglasheniya pred``yavili k vy`chetu: Podgotovleny` pravila vozmeshheniya zatrat investorov po SZPK. Gazeta «Kommersant``» №81 ot 07.05.2025, s. 2.

37. Крайнова Н.А., (2019). Тенденции правового регулирования защиты прав инвесторов в условиях цифровизации экономики. Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета №4: Специальный выпуск по итогам ПМЭФ – 2019. С. 57-62. @@ Krajnova N.A., (2019). Tendencii pravovogo regulirovaniya zashhity` prav investorov v usloviyax cifrovizacii e`konomiki. Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo e`konomicheskogo universiteta №4: Special`ny`j vy`pusk po itogam PME`F – 2019. S. 57-62.

38. Климанов В.В., Будаева К.В., Чернышова Н.А. Промежуточные итоги стратегического планирования в регионах России // Экономическая политика. 2017. №5. @@ Klimanov V.V., Budaeva K.V., Cherny`shova N.A. Promezhutochny`e itogi strategicheskogo planirovaniya v regionax Rossii // E`konomicheskaya politika. 2017. №5. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/promezhutochnye-itogi-strategicheskogo-planirovaniya-v-regionah-rossii/viewer

39. Локшина Юлия Евгеньевна. Опыт сравнительного исследования инвестиционной политики Свердловской области и некоторых регионов РФ // Вестник ЮУрГУ. Серия: Экономика и менеджмент. 2012. №22. @@ Lokshina Yuliya Evgen`evna. Opy`t sravnitel`nogo issledovaniya investicionnoj politiki Sverdlovskoj oblasti i nekotory`x regionov RF // Vestnik YuUrGU. Seriya: E`konomika i menedzhment. 2012. №22. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/opyt-sravnitelnogo-issledovaniya-investitsionnoy-politiki-sverdlovskoy-oblasti-i-nekotoryh-regionov-rf/viewer

40. АСИ (2024) Национальный рейтинг состояния инвестиционного климата. @@ ASI (2024) Nacional`ny`j rejting sostoyaniya investicionnogo klimata. URL: https://asi.ru/government_officials/rating.

41. Дробышевский С.М., Кострыкина Н.С., Корытин А.В. Налоговая конкуренция и активность региональной налоговой политики. Вопросы экономики. 2020;(10):5-27. @@ Droby`shevskij S.M., Kostry`kina N.S., Kory`tin A.V. Nalogovaya konkurenciya i aktivnost` regional`noj nalogovoj politiki. Voprosy` e`konomiki. 2020;(10):5-27.

42. Гринкевич Д. (2019) Игра в преференции: из-за льгот для бизнеса регионы потеряли 211 млрд 28 ноября 2019 @@ Grinkevich D. (2019) Igra v preferencii: iz-za l`got dlya biznesa regiony` poteryali 211 mlrd 28 noyabrya 2019 URL: https://iz.ru/947645/dmitrii-grinkevich/igra-v-preferentcii-iz-za-lgot-dlia-biznesa-regiony-poteriali-211-mlrd

43. Старовойтов Д.П., Инвестиционные декларации регионов как инструмент привлечения инвестиций // Государственная служба, 2022, №6 (140), сс. 47-55. @@ Starovojtov D.P., Investicionny`e deklaracii regionov kak instrument privlecheniya investicij // Gosudarstvennaya sluzhba, 2022, №6 (140), sc. 47-55.

Сфера услуг и экономическое развитие

УДК: 338.46; ББК:65.43; Jel:L80
DOI: 10.64545/2072-8042-2025-9-108-127

Любовь Аркадьевна СТРИЖКОВА,
доктор экономических наук, доцент,
Всероссийская академия внешней торговли
(117312, Москва, ул. Вавилова, д.7), руководитель
Центра макроэкономического прогнозирования и
структурных исследований Института макроэ-
кономических исследований ИМЭиФ,
ORCID: 0000-0002-0608-1652
e-mail: l.strijkova@vavt.ru

Мария Викторовна СЕЛИВАНОВА,
Всероссийская академия внешней торговли
(117312, Москва, ул. Вавилова д. 7), научный
сотрудник Лаборатории сценарно-прогнозных
исследований Института макроэкономических ис-
следований ИМЭиФ, ORCID: 0000-0003-4947-4613
e-mail: m.selivanova@vavt.ru

Аннотация

Статья содержит результаты анализа базовых положений концепции трехсекторной экономики о развитии сектора услуг с опорой на длинные (с 1995 г.) ряды международной статистики из базы данных Всемирного Банка. Выявлены особенности в темпах развития сферы услуг в четырех группах стан по уровню среднедушевого дохода и ряде стран – представителях этих групп, включая США, Германию, Россию, Китай и Индию; оценена скорость сдвига в структуре занятых в сектор услуг. Обоснован ряд выводов: о причинах стабильности доли сектора услуг в структуре мирового ВВП; о закономерности в изменении пропорции между производительностью труда в секторе услуг и в «материальном» секторе, о сближении России с группой высокодоходных стран и др.

Ключевые слова: группы стран, сектор услуг, материальное производство, производительность труда, ВВП, среднедушевой доход, занятые.

Service Sector and Economic Development

Lyubov Arkad'evna STRIZHKOVA,
Doctor of Sciences in Economics, Associate Professor,
Russian Foreign Trade Academy (117312, Moscow, Vavilova Str., 7), Head of the Center for Macroeconomic Forecasting and Structural Research, Institute of Macroeconomic Research, Institute of International Economics and Finance, ORCID: 0000-0002-0608-1652
e-mail: l.strijkova@vavt.ru

Maria Viktorovna SELIVANOVA,
Russian Foreign Trade Academy (117312, Moscow, Vavilova Str., 7), Researcher of the Laboratory of Scenario and Predictive Research, Institute of Macroeconomic Research, Institute of International Economics and Finance, ORCID: 0000-0003-4947-4613 e-mail: m.selivanova@vavt.ru

Abstract

The article presents the results of an analysis of the basic provisions of a three-sector economy concept related to the development of the service sector based on long time series of international statistics from the World Bank database (since 1995). The peculiarities of service sector development trends in four groups of countries by per capita income as well as in selective representative countries, including United States, Germany, Russia, China and India are identified; the pace of shifts in employment structure in the service sector is estimated. The following conclusions are substantiated: the reasons for the stability of the service sector's share in global GDP; the patterns in the changing proportion between labour productivity in the service sector and the «material sector»; the convergence of Russia with high-income countries, etc.

Keywords: groups of countries, service sector, material production, labour productivity, GDP, per capita income, employed.

ВВЕДЕНИЕ

Тематика, связанная с изучением роли сферы услуг как фактора и результата экономического развития, занимала и занимает важное место в теоретических и прикладных исследованиях экономической науки. Продолжается накопление научного багажа в области эмпирического анализа связи сектора услуг с материальным производством [1]-[3], теоретические основы которого заложены в концепции трехсекторной экономики и производных от нее концепциях. Потребность в таких исследованиях высока, учитывая роль услуг в формировании ВВП, решении стратегических задач развития и гармонизации пропорций в экономике.

К этому направлению относится данная статья, являющаяся продолжением наших исследований в указанной области [4], [5]. Основная цель работ в рамках статьи – выявить на эмпирических данных и представить в системном виде особенности/закономерности в изменении соотношений между основными параметрами развития сектора услуг и материальной сферы для групп стран с различным

уровнем душевого дохода, оценив на этом фоне тенденции в российской экономике и согласованность статистически наблюдаемых процессов с идеями концепции трехсекторной экономики.

Основную информационную базу исследования составили ряды Всемирного Банка. Их анализ опирался на методологию национального счетоводства и теоретические положения концепции трехсекторной экономики.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О КОНЦЕПЦИИ ТРЕХСЕКТОРНОЙ ЭКОНОМИКИ

Концепция трехсекторной экономики (далее КТЭ), получившая развитие в первой половине XX века, содержит идею о трансформации структуры экономики по мере перехода на более высокий уровень развития. Экономика в КТЭ представлена в виде трех секторов – аграрный (первичный), индустриальный/промышленный (вторичный) и сфера услуг (третичный). Согласно КТЭ, переход экономики от аграрного типа к индустриальному должен сопровождаться снижением в структуре производства доли первичного сектора и повышением доли вторичного и третичного секторов; переход к экономике постиндустриального типа будет сопровождаться дальнейшим сдвигом в структуре производства ВВП в сторону сферы услуг. Этим процессам будут соответствовать сдвиги в структуре занятых по трем указанным секторам.

В КТЭ заложена идея о последовательном повышении доли третичного сектора (услуг) в экономике при переходе от более низкого к более высокому уровню развития – вначале под влиянием ускорения спроса на услуги со стороны промышленности и в результате урбанизации, а затем по мере роста благосостояния и насыщения материальных потребностей общества. Процесс повышения доли и роди услуг в экономике определен в русскоязычном научном обороте терминами «терциализация», «терциаризация», «тертиаризация».

Основные положения КТЭ, выдвинутые на уровне идеи А. Фишером [6] были успешно подтверждены К. Кларком [7] путем статистического анализа экономик развитых стран, что обеспечило ей «путевку в жизнь» (экономическая модель «Фишера-Кларка»). Ряд результатов К. Кларка, в т. ч. по математическому описанию связи урбанизации с развитием сферы услуг, нашел практическое применение в современном анализе развития городов [8].

С концепцией трехсекторной экономики тесно связано имя французского ученого Жана Фурастье. Считая идею трехсекторной модели вполне продуктивной для укрупненного анализа эволюционного процесса, он пытался связать ее с концепцией техпрогресса, уровнем технического развития (и производительности труда) стран. Отметим вывод, изложенный в статье [9], что одним из итогов исследований ученого [10] стал его отход от ортодоксального восприятия техпрогресса как ключевого фактора, определяющего путь эволюции стран, обществ, цивилизаций.

Отметим, что уже во 2-й половине XX в. развитие концепций информационного общества и экономики знаний (инициированное трудами Ф. Махлупа [11] и П. Друкера [12]) переключило внимание исследователей на модель четырехсекторной экономики (одна из ее современных версий в работе [13]). В «четвертый» сектор при делении экономики на четыре сектора выделяется, как правило, сегмент сферы услуг, связанный с интеллектуальной деятельностью и развитием человеческого капитала.

Отдавая должное высокой значимости этих концепций для углубленного анализа и управления, представляется важным рассматривать их как развитие основных идей КТЭ с учетом многоотраслевого состава третичного сектора, роли его отраслей в преодолении ограничений развития экономик. Сохранение связи с КТЭ обеспечит сохранение подхода к критерию наличия результатов технологического перехода – смещение совокупного спроса с товаров на услуги.

ХАРАКТЕРИСТИКА ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ИНФОРМАЦИИ

При выборе информационной базы учитывались следующие тезисы КТЭ. Устойчивое повышение ***роли и доли услуг*** в экономике стран (терциализация) сигнализирует о продвижении к более высокому уровню технологического развития. Внешние признаки этого процесса: повышение доли добавленной стоимости (ДС) сектора услуг в совокупном объеме ВВП и увеличение доли занятых в секторе услуг в общей численности занятых (ЧЗ). Факторами этого процесса выступают повышение производительности труда и увеличение финансовой обеспеченности общества, его «экономического благополучия».

В эмпирическом исследовании проявления признаков терциализации и их связи с факторами была использована база данных международной статистики Всемирного Банка (далее ВБ) за 1995-2022 гг. в разрезе групп стран по уровню душевого дохода. Такое представление обеспечивало учет фактора меры «экономического благополучия».

Всемирный Банк, осуществляя группировку стран по признаку душевого дохода в оценке по валовому национальному доходу (ВНД), выделяет четыре группы стран – с высоким доходом (HI), доходом выше среднего (UMI) и ниже среднего (LMI) и низким доходом (LI). Группы UMI и LMI образуют группу со средним уровнем душевого дохода (MI). Указанные выше обозначения групп стран применяются далее в тексте, таблицах и рисунках статьи.

Состав групп может меняться в зависимости от годовых итогов экономического и демографического развития стран (учитывается оценка за предыдущий год), но в целом достаточно устойчив. Критерии, по которым ВБ осуществлял распределение стран по группам в 2022 г., приведены в таблице 1.

Таблица 1

Критерии распределения стран по четырем группам с различным уровнем душевого дохода в 2022 г. *(US$ на чел.)*

Группа по уровню доходов	HI Высокий	UMI Выше среднего уровня	LMI Ниже среднего уровня	LI Низкий
ВНД на душу населения (2021 г.)	> 13 845	4 466 - 13 845	1136 – 4 465	< 1 135

Источник: составлено на основе данных Всемирного Банка Databank «World Development Indicators»

В 2022 г. в группу HI вошло 82 страны (территории), в т. ч. все развитые страны по классификации МВФ (порядка 40 стран), 5 особо состоятельных стран ОПЕК+, а также многие малые и очень малые, в т. ч. островные, страны (зоны туризма, офшора, и т. д). Состав группы LI представлен 26 странами, в т. ч. включал 20 беднейших стран из региона Африки к югу от Сахары. К группе UMI отнесены 54 страны (в т. ч. Россия и Китай), в группу LMI также вошло 54 страны (в т. ч. Индия).

Таблица 2

Распределение численности населения Мира по группам стран

	1995	*2000*	*2005*	*2010*	*2015*	*2020*	*2022*	*Изменение доли за период*	*Индекс роста населения за период*
Мир, млн чел.	5727	6144	6553	6970	7404	7820	7951	-	138,8
Мир, %	100	100	100	100	100	100	100	-	138,8
HI	18,6	17,9	17,4	16,9	16,4	15,9	15,7	-3,0	116,6
MI	75,2	75,4	75,5	75,3	75,3	75,2	75,1	0,0	138,8
UMI	39,3	38,7	37,8	36,8	36,1	35,4	35,0	-4,3	123,6
LMI	35,8	36,8	37,7	38,5	39,2	39,9	40,1	4,3	155,5
LI	5,8	6,2	6,7	7,3	7,9	8,5	8,9	3,0	211,2
Досчет ВБ	0,4	0,4	0,4	0,4	0,4	0,4	0,4	0,0	128,0
Доля стран в мировой численности населения									
США	4,6	4,6	4,5	4,4	4,3	4,2	4,2	-0,5	125,2
Германия	1,4	1,3	1,3	1,2	1,1	1,1	1,1	-0,4	102,6
Китай	21,0	20,5	19,9	19,2	18,6	18,0	17,8	-3,3	117,2
Россия	2,6	2,4	2,2	2,0	1,95	1,84	1,81	-0,8	97,2

	1995	*2000*	*2005*	*2010*	*2015*	*2020*	*2022*	*Изменение доли за период*	*Индекс роста населения за период*
Индия	16,8	17,2	17,6	17,8	17,9	17,9	17,8	1,0	147,0
Справочно: Россия по оценке Росстата*	2,6	2,4	2,2	2,0	1,98	1,87	1,85	-0,7	0,989

Примечание к таблице:

*) с учетом Крыма и переписи 2020 г.

Источник: расчеты авторов на основе данных Всемирного Банка Databank «World Development Indicators»

При анализе использовались данные ВБ по указанным группам стран (далее – группы стран), а также данные по отдельным («эталонным») странам – представителям групп. В их числе: США и Германия (из группы HI), их население составляло порядка трети в численности населения HI; Китай и Россия (из группы UMI), объединяющих более половины населения UMI; Индия (из группы LMI), в которой концентрировалось чуть менее половины населения LMI. В целом на долю выделенных стран приходилось от 46,5% (1995 г.) до 42,6% (2022 г.) общей численности населения Мира (см. таблицу 2), что говорит о достаточной представительности «эталонных» стран. В ряде случаев данные по России в базах ВБ несколько отличались от данных Росстата (например, оценки численности населения и др.), но это не влияло на результирующие выводы.

Анализ распределения населения по группам стран показал ощутимое (на 7,3% за 1996-2022 гг.) увеличение его доли в группах LI и LMI при снижении доли населения в группах HI и UMI. Наращивание доли населения в низкодоходных (LI и LMI) группах в последние годы несколько затормозилось.

Использовалась информация ВБ по группам стран и отдельным странам о распределении занятых по трем секторам производственной сферы. Выделяемые ВБ сектора экономики, обозначенные в тексте статьи как C1, C2, C3, в целом соответствуют понятиям первичного, вторичного и третичного секторов в КТЭ: C1 – сельское и лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство; C2 –промышленность и строительство; C3 – сектор услуг.

Привлекалась информация о производственных результатах в сфере услуг (добавленная стоимость, далее ДС) и по экономике в целом – ВВП и др. Для характеристики производственных результатов секторов, в анализе их пропорций и трендов применялись оценки (в US$) на основе как текущих, так и постоянных (на базовый год) обменных курсов.

В статье приведены оценки на основе показателей в «постоянных» долларах (US$-2015). Это избавило ряды с параметрами пропорций от излишней волнообразности в связи с колебаниями текущих обменных курсов (особенно в годы кризисов, рецессии в США, пандемии). Надо подчеркнуть, что смена выбора исходных оценок (по текущему или постоянному обменному курсу), не оказывала влияние на содержательные выводы по анализу трендов долевых и динамических характеристик. В некоторых случаях (отмечены в тексте) использовались оценки ВВП по паритетному курсу (в «международных» долларах).

ИЗМЕНЕНИЕ ДОЛИ ДОБАВЛЕННОЙ СТОИМОСТИ СЕКТОРА УСЛУГ В ВВП

Анализ на уровне групп стран в целом подтвердил одно из базовых положений КТЭ – о положительной связи уровня душевого дохода с долей добавленной стоимости сектора услуг (С3) в ВВП (см. таблицу 3, рисунок 1). Исключение – 1995 г., когда оценка доли ДС услуг в ВВП группы LI по данным ВБ несколько превысила значения аналогичного показателя в группе LMI.

Таблица 3

Доля добавленной стоимости сектора услуг в ВВП групп стран и отдельных стран в 1995-2022 гг. *(%)*

	1995	*1997*	*2000*	*2005*	*2010*	*2015*	*2020*	*2021*	*2022*	*Изменение доли за 1996 -2021*
Мир	нд	63,7	63,8	64,1	64,4	64,3	64,3	64,4	-	0,7*
HI	нд	67,5	67,7	68,5	69,8	69,9	70,1	70,3	-	2,8*
UMI	51,0	50,7	51,0	51,3	52,5	53,4	54,7	54,8	54,8	3,8
LMI	42,9	43,5	44,0	46,6	48,8	50,9	50,8	50,9	51,6	7,9
LI	42,5	36,9	36,2	38,6	40,9	42,9	41,5	41,2	41,0	-1,3
США	нд	75,6	75,1	76,0	77,2	76,7	77,0	77,5	-	1,9*
Германия	58,4	59,8	60,7	62,5	62,6	62,2	62,4	61,9	62,6	3,5
Китай	44,6	44,8	46,3	47,9	49,3	50,8	53,1	53,1	52,7	8,5
Россия	50,9	52,6	50,1	49,7	55,4	56,1	56,3	57,0	56,9	6,1
Индия	37,0	38,5	41,0	43,0	44,1	47,8	47,9	47,8	48,8	10,8

Примечание к таблице:

*) оценки за 1998-2021 гг.

Источник: расчеты авторов на основе данных Всемирного Банка Databank «World Development Indicators»

Для визуализации тенденции изменения доли услуг в ВВП была применена функция линейного тренда. Восходящая линия тренда при оценке показателей в «постоянных» долларах определилась по всем группам (см. рисунок 1) и выделенным странам. Причем, в группе с высоким уровнем дохода, где доля услуг была уже весьма высока в начале периода, он выражен гораздо слабее. Последнее может сигнализировать о приближении к пределу исчерпания возможностей дальнейшего расширения доли услуг в ВВП группы HI. В группе стран с низким уровнем дохода с 2016 г. выявлено устойчивое снижение доли услуг в ВВП (в отличие от прошлых лет группа LI показывала устойчивую положительную динамику материального производства (C1+C2), опережавшую темпы роста услуг).

Рис.1 – Динамика доли услуг в ВВП по группам стран за 1995-2021 гг. (линия тренда – мелкий пунктир)

Fig. 1 – Dynamics of the share of services in GDP by country group for 1995-2021 (the trend line is a small dotted line)

Источник: рассчитано авторами на основе данных Всемирного Банка Databank «World Development Indicators»

В целом по мировой экономике тренд доли услуг в ВВП представлен фактически горизонтальной линией (как при оценке показателей в «постоянных», так и в «текущих» долларах). Это интересный факт, требующий осмысления. Отсутствие

повышающегося тренда в данном случае математически объяснимо (формула (1)). Оно связано с существенным ростом веса группы MI (UMI+LMI) в объеме мирового ВВП (см. таблицу 4) при остающейся на заметно более низком (53,9%) уровне, чем в HI (70,3%), доли услуг в ВВП этой группы.

$$D^{W}_{C3_{GDP}} = d^{HIC}_{GDP_{WO}} \cdot D^{HIC}_{C3_{GDP}} + d^{MIC}_{GDP_{WO}} \cdot D^{MIC}_{C3_{GDP}} + d^{LIC}_{GDP_{WO}} \cdot D^{LIC}_{C3_{GDP}}, \quad (1)$$

где $d^{HIC}_{GDP_{WO}}$, $d^{MIC}_{GDP_{WO}}$, $d^{LIC}_{GDP_{WO}}$ – доля в мировом ВВП соответствующей группы стран (HI, MI и LI);

$D^{W}_{C3_{GDP}}$, $D^{HIC}_{C3_{GDP}}$, $D^{MIC}_{C3_{GDP}}$, $D^{LIC}_{C3_{GDP}}$ – доля ДС услуг в мировом ВВП и в ВВП соответствующей группы стран.

Таблица 4

Удельный вес ВВП групп стран в объеме мирового ВВП в 1995-2022 гг.

	1995	2005	2010	2015	2020	2021	2022	Изменение доли	Индекс роста ВВП
Мировой ВВП, млрд US$-2015	40419	56639	64971	75283	82172	87269	89963	-	-
Мир	100	100	100	100	100	100	100	-	2,23
HI	77,4	73,3	67,8	64,1	61,1	60,8	60,6	-16,8	1,74
MI	21,7	25,8	31,2	34,9	37,9	38,3	38,5	16,8	3,95
UMI	16,6	19,8	24,3	27,3	29,8	30,2	30,2	13,6	4,06
LMI	5,2	6,0	7,0	7,6	8,2	8,2	8,3	3,2	3,59
LI	0,5	0,6	0,7	0,6	0,6	0,6	0,6	0,1	2,57

Источник: расчеты авторов на основе данных Всемирного Банка Databank «World Development Indicators»

Указанный тренд доли ДС услуг в мировом ВВП свидетельствует, что в мировой экономике в целом при общем повышении объемов производства не произошло смещения спроса в сторону услуг со спроса на материальную продукцию. Разумеется, из этого не следует, что роль услуг в формировании темпов мирового ВВП и ДС материальной сферы оставалась постоянной. Речь идет только о «видимых» стоимостных пропорциях.

В мировом объеме ДС и сектора услуг, и сектора материального производства[1] (M) имел место ощутимый сдвиг в сторону среднедоходных групп стран с соответствующим снижением доли группы HI. Доля группы MI за 1997-2021 гг. в производстве услуг возросла на 14,9% (до 32,1%); в производстве материальной про-

дукции более значимо – на 18,1% (до 49,5%). Эти сдвиги связаны с более высоким приростом занятых и производительности труда в группе MI. Свою роль сыграло и развитие аутсорсинга.

СДВИГИ В СЕКТОРАЛЬНОЙ СТРУКТУРЕ ЗАНЯТЫХ

Другой признак терциализации – повышение доли занятых в сфере услуг в общей численности занятых. Он выглядит более надежным, т. к. свободен от ценовых влияний.

Анализ сдвигов за 1996-2021 гг. в структуре распределения занятых по трем секторам экономики показал наличие двух общих тенденций (см. таблицу 5, рисунок 2): снижение доли занятых в агросекторе (C1) и ее повышение в секторе услуг (C3). При этом доля занятых в секторе C2 в группе стран с высокими доходами снижалась, а в других группах увеличивалась. Особенно заметен ее рост в секторе C2 в группе LMI. Это наблюдение согласуется с тезисом о прохождении странами этапов/стадий в экономическом развитии. Также следует принимать во внимание, что влияние на подобные структурные сдвиги могли оказывать процессы аутсорсинга в группе HI и усилия стран групп MI по снижению зависимости от товаров из HI.

Таблица 5

Изменение секторальной структуры занятых в группах стран и отдельных странах с различным уровнем душевого дохода за 1996-2021 гг.

	Мир	HI	UMI	LMI	LI	США	Германия	Китай	Россия	Индия
Экономика 1995	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100
C1	40,9	6,7	43,3	56,2	70,2	2,8	3,2	52,2	12,3	61,8
C2	21,3	28,9	23,0	15,5	9,0	23,4	36,0	23,0	30,9	15,6
C3	37,8	64,5	33,7	28,3	20,8	73,8	60,8	24,8	56,8	22,7
Экономика 2021	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100
C1	26,4	3,0	21,6	38,3	58,8	1,7	1,3	24,4	5,8	44,0
C2	23,1	22,4	25,8	23,0	10,8	19,2	27,6	28,2	26,9	25,3
C3	50,5	74,6	52,6	38,7	30,5	79,2	71,1	47,4	67,3	30,7
Изменение за 1996-2021										
C1	-14,4	-3,6	-21,7	-17,8	-11,4	-1,1	-1,9	-27,8	-6,5	-17,8
C2	1,8	-6,5	2,7	7,5	1,7	-4,3	-8,4	5,2	-4,1	9,8
C3	12,7	10,1	19,0	10,3	9,7	5,3	10,3	22,6	10,5	8,0

Источник: расчеты авторов на основе данных Всемирного Банка Databank «World Development Indicators»

Рис. 2. Динамика доли занятых в сфере услуг в общей численности занятых по группам стран за 1995-2021 гг.

Fig. 2. Dynamics of the share of people employed in the service sector in the total number of people employed by country group in 1995-2021

Источник: рассчитано авторами на основе данных Всемирного Банка Databank «World Development Indicators»

Обратим также внимание на два момента.

Во-первых, заметное снижение в 2011-2020 гг. интенсивности сдвигов в структуре занятых в сторону сектора услуг в группе HI (в т. ч. в США). Это сигнализирует о приближении группы HI к пределу экономически обоснованного уровня терциализации при текущем уровне технологического развития HI.

Во-вторых, заметное сближение секторальной структуры занятых в России и Германии. Направленность структурных сдвигов в России соответствовала тенденциям, характерным для группы HI – повышение доли занятых в секторе услуг сопровождалось снижением доли занятых как в секторе С1, так и в С2.

Напомним, что вторая половина XX века определялась на рубеже веков как период революционного скачка в повышении значимости третичного сектора. Судя по скорости среднегодовых сдвигов в секторальной структуре занятых в первые два десятилетия XXI века, их интенсивность нарастала. Если в первой половине XX века доля занятых в первичном секторе (С1) мировой экономики ежегодно снижалась на 0,16%, а вторичного (С2) и третичного (С3) возрастала, соответственно, на 0,05% и 0,11%, то во второй половине XX века эти оценки уже составляли (-)

0,37% (С1), 0,09% (С2) и 0,28% (С3), а в первые 20 лет XXI века ускорились до, соответственно, (-) 0,63% (С1), 0,12% (С2) и 0,52% (С3)[2].

Отметим, что 2018 г. можно считать знаковым годом в плане развития «третичной революции» – в этот год, по оценке ВБ, доля занятых в сфере услуг мировой экономики впервые превысила 50% мировой численности занятых.

СВЯЗЬ МЕЖДУ ДВУМЯ ПРИЗНАКАМИ ТЕРЦИАЛИЗАЦИИ: РОЛЬ ФАКТОРА ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ ТРУДА

Сравнение графиков на рисунке 1 и на рисунке 3, показывает, что связь между двумя признаками терциализации – долей услуг в ВВП и долей занятых в сфере услуг, нелинейна. Корреляционный анализ (см. таблицу 6) подтверждает наличие связи на уровне групп и в странах (в целом на периоде), но не на уровне глобальной экономики. Что влияет на особенности проявления этой связи?

Таблица 6

Коэффициенты корреляции доли ДС услуг в ВВП и доли занятых в секторе услуг в численности занятых по группам стран в 1997-2021 гг.

	1997-2021	*1997-2009*	*2010-2021*		*1997-2021*	*1997-2009*	*2010-2021*
Мир	0,39	0,47	-0,31	США	0,90	0,79	0,83
HI	0,96	0,88	0,66	Германия	0,54	0,92	-0,65
UMI	0,98	0,86	0,98	Китай	0,96	0,95	0,97
LMI	0,97	0,98	0,88	Россия	0,87	0,56	0,66
LI	0,88	0,91	0,30	Индия	0,97	0,94	0,97

Оценку доли услуг в добавленной стоимости экономки в общем случае можно представить как функцию от соотношения между производительностью труда[3] в «материальном» секторе (М) и в секторе услуг и соотношения доли занятых в секторе (М) и в секторе услуг в общей численности занятых (формула (2))[4].

$$dDC_{C3} = \frac{Z_{C3} \cdot PR_{C3}}{Z_E \cdot PR_E} = dZ_{C3} \frac{PR_{C3}}{PR_E} = \frac{1}{1 + \frac{PR_M}{PR_{C3}} \cdot \frac{(1 - dZ_{C3})}{dZ_{C3}}} \qquad (2)$$

где dDC_{C3} – доля сектора С3 в ВДС экономики;

Z_E, Z_{C3}, dZ_{C3} – численность занятых в экономике, в секторе услуг и доля занятых в секторе услуг в общей численности занятых в экономике, соответственно доля занятых в секторе М = (1-dZ_{C3});

PR_E, PR_{C3}, PR_M производительность труда по экономике в целом, в секторе услуг и в материальном секторе, соответственно.

Для удобства анализа условий движения (повышения/снижения/стабильности) доли сектора С3 в ВДС (параметра первого признака терциализации) перепишем знаменатель в формуле (2) в виде (3), а саму формулу (2) в виде (4).

$$1 + \frac{PR_M}{PR_{C3}} \cdot \frac{(1 - dZ_{C3})}{dZ_{C3}} = 1 + K_{pr} \cdot K_{dZ} \quad (3)$$

$$dDC_{C3} = \frac{1}{1 + K_{pr} \cdot K_{dZ}} \quad (4)$$

Где: $K_{pr} = \frac{PR_M}{PR_{C3}}$, а $K_{dZ} = \frac{(1 - dZ_{C3})}{dZ_{C3}}$

Таким образом, можно видеть, что условием повышения показателя dDC_{C3} является снижение значения произведения ($K_{pr} \cdot K_{dZ}$), условием стабильности – неизменность значений произведения, условием уменьшения – рост значения произведения. Например, для современной глобальной экономики с практическим «застывшим» уровнем dDC_{C3} характерна высокая степень стабильности годовых значений произведения (за 1997-2021 гг. его среднегодовое значение, по оценке, составило 0,557, в т. ч. в 1997-2009 гг. – 0,559, в 2010-2021 гг. – 0,555).

Следовательно, мы объяснили наблюдаемую динамику доли ДС в секторе С3 через изменение двух пропорций K_{pr} и K_{dZ}. Причем, для параметра K_{dZ} соблюдается условие $0 < K_{dZ} < 1$, и он функционально связан с параметром K_{pr}.

Из формул (2) и (4) следует, что при наблюдаемой достаточно устойчивой тенденции роста доли занятых в сфере услуг (см. рисунок 2), т.е. при снижении K_{dZ} характер графиков с долями ДС сектора услуг в ВВП (см. рисунок 1) в существенной мере определен изменением соотношения между производительностью труда в секторе М и в секторе С3 (K_{pr}). Приведем рисунки 3 и 4 с графиками изменения этой пропорции по группам стран и странам.

Рис. 3. Изменение соотношения K_{pr} по группам стран.
Fig. 3. Change in the K_pr ratio by country group.
Источник: рассчитано авторами на основе данных Всемирного Банка Databank «World Development Indicators»

Рис.4. Изменение соотношения K_{pr} по странам
Fig.4. Change in the K_pr ratio by country
Источник: рассчитано авторами на основе данных Всемирного Банка Databank «World Development Indicators»

На фоне годовых флуктуаций на графиках, в т. ч. замедления динамики K_{pr} с 2019 г. (влияние пандемии на рынки, в т. ч. на мировой товарообмен) явно виден восходящий характер трендов в изменении K_{pr} – динамика производительности труда в секторе М характеризовалась в целом большими темпами, чем в секторе С3. Рисунок 3 отражает стремление групп «пересечь барьер» в значении K_{pr} =1, но пока это удалось лишь группе HI. Известный фундаментальный фактор этого процесса – эффекты НТР, индуцируемые «экономикой знаний» (одним из сегментов сектора С3), но, в силу известной специфики С3, сильнее сказывающиеся на росте производительности труда в материальном производстве.

Общие выводы подтверждаются анализом временных рядов показателей производительности труда и их темпов в текущих и постоянных US$ (см. таблицу 7).

Таблица 7

Динамика производительности труда (ПРТ) по группам стран и секторам экономики по оценке в текущих и постоянных US$

	В текущих US$		*В постоянных US$ (2015)*				
					темп прироста среднегодовой, %		
	ПРТ 2021 тыс US$ на чел.	*Индекс за 1998-2021, %*	*ПРТ 2021 тыс US$ на чел.*	*Индекс за 1998-2021,%*	*1998-2005*	*2006-2015*	*2016-2021*
Мир							
Экономика	29,8	229	26,6	150	1,8	1,7	1,6
С3	37,7	181	34,0	116	0,8	0,4	0,9
М	21,6	270	19,1	181	2,3	2,8	2,3
Группа HI							
Экономика	101,6	192	89,5	131	1,8	0,7	0,8
С3	95,4	180	84,4	120	1,2	0,4	0,7
М	120,0	228	104,6	162	3,2	1,6	1,4
Группа UMI							
Экономика	22,6	548	20,0	292	3,9	5,5	3,9
С3	22,2	391	20,5	210	2,5	3,7	3,1
М	21,0	698	18,8	367	4,7	6,8	4,8
Группа LMI							
Экономика	7,0	357	6,5	205	2,9	3,6	2,3
С3	8,8	308	8,6	182	2,5	3,2	1,5
М	5,8	369	5,2	205	2,8	3,4	2,7
Группа LI							
Экономика	1,9	155	2,1	111	1,6	0,3	-0,9
С3	2,2	97	2,8	86	1,3	-1,0	-2,5
М	1,7	187	1,7	118	1,5	0,4	0,0

Источник: расчеты авторов на основе данных Всемирного Банка Databank «World Development Indicators»

Исследования пространственно-временных рядов ВБ в целом подтвердили закономерность экономической эволюции под влиянием распространения технологических достижений – сначала сближение производительности труда в материальной сфере с производительностью в сфере услуг (группа UMI), а затем и ее превышение (группа HI). В среднедоходных группах наблюдалась более высокая, чем в группе HI, динамика производительности труда как секторе услуг, так и в секторе материального производства (М) и внушительный разрыв по этому параметру с высокодоходной группой постепенно сокращался. Отметим ситуацию в группе стран с низким душевым доходом (LI), где в 2022 г. концентрировалось порядка 9% населения Мира и 7,7% численности занятых (рост населения и занятых в LI наиболее высокий в сравнении с другими группами). По производительности труда группа LI за рассмотренный период еще больше отстала от других групп. Небольшой темп прироста был связан, по оценке, с вялой динамикой в секторе М при снижении производительности в секторе С3.

Выводы о сближении производительности труда «среднедоходных» групп (UMI и LMI) с «высокодоходной» группой HI и увеличении отставания по этому показателю группы LI подтверждаются (см. таблицу 8) расчетом с применением оценок ВВП в «текущих» и «постоянных» международных долларах Int$ (т.е. по паритетному курсу – ППС валют).

Таблица 8

Изменение производительности труда в экономике групп стран и отдельных стран относительно среднемирового уровня при оценке ВВП по ППС

	В текущих Int$					*В постоянных Int$ (2017)*				
	1995	*2010*	*2020*	*2021*	*2022*	*1995*	*2010*	*2020*	*2021*	*2022*
Мир	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100
HI	310	281	255	256	254	317	292	253	257	255
UMI	53	76	88	89	90	53	73	89	89	90
LMI	42	46	48	48	49	38	44	48	48	49
LI	14	14	13	13	12	14	15	14	13	13
США	372	348	325	327	318	369	361	327	327	318
Германия	331	268	264	259	252	366	300	257	258	253
Китай	21	55	80	82	83	18	49	80	81	83
Россия	80	137	146	153	151	126	149	138	139	135
Индия	31	40	48	49	50	27	37	48	49	50

Источник: расчеты авторов на основе базы данных Всемирного Банка Databank «World Development Indicators»

Комментарий. Использование оценок ВВП по ППС позволяет составить более адекватное (чем оценки по обменному курсу) представление о мере участия групп стран в производстве мирового ВВП [14], и, соответственно, о производительности труда в группах. Однако применение паритетного курса, учитывая методологию составления паритетных значений, приемлемо только для ВВП и его компонентов по методу использования [15]. Они не подходят для пересчета отраслевых показателей развития стран. Для этого требуется оценка ППС для компонентов ВВП по производственному методу, что представляет непростую статистико-методологическую задачу. Подход к ее решению, описанный в работе [16], стал основой для соответствующего эксперимента в Евростате [17], но организация систематических статистических разработок такого рода пока не реализована.

ВЫВОДЫ

1. Исследование глобальной экономики в ее представлении по группам стран с различным уровнем среднедушевого дохода опиралось на тезисы концепции трехсекторной экономики (КТЭ) и следующие положения:

- ❑ процесс перехода к более высокой стадии развития с необходимостью должен сопровождаться повышением роли услуг в воспроизводственном процессе («терциализацией»);
- ❑ видимыми на статистическом уровне *признаками* этого процесса являются повышение доли услуг в производстве добавленной стоимости (ВВП) и численности занятых в секторе услуг в общей численности занятых;
- ❑ *факторами* процесса выступают повышение производительности труда и экономического благосостояния общества.

2. Анализ выделяемых Всемирным Банком (ВБ) по критерию душевого дохода 4-х групп стран и отдельных стран – представителей этих групп, проведенный на 26-летних временных рядах информационной базы ВБ, в целом подтвердил базовые положения концепции о наличии связи «факторов» с «признаками» терциализации, а также о наличии связи между двумя признаками.

3. Было выявлено существенное различие в скорости повышения роли услуг в экономике в рассматриваемых группах и странах в оценке по признакам и факторам. Относительно менее низкие темпы показывали высокодоходная и низкодоходная группы. Это привело к сокращению отрыва по соответствующим показателям среднедоходных групп от высокодоходной группы, но разрыв остается весьма внушительным. Усилился отрыв от других групп низкодоходной группы, где концентрируется 9% населения и 7,7% мировой численности занятых.

4. Анализ в целом по глобальной экономике выявил наличие лишь одного признака терциализации – устойчивое повышение доли занятых в секторе услуг. Второй необходимый признак – повышение доли услуг в мировом ВВП не был обнаружен, что фактически означало отсутствие на глобальном уровне опережающего роста спроса на услуги относительно спроса на товары.

Стабильность пропорции в глобальном спросе в течение столь длительного периода настораживает. Возможно, это является эффектом высокой компонентной неоднородности мировой системы, где подспудно идут структурные технологические сдвиги, но пока не настал момент, когда накопленные качественные изменения проявятся в статистически видимой и на глобальном уровне форме.

5. Приведенные в статье математические формулы (1) и (2) объясняют слабую связь (0,39) на глобальном уровне между признаками терциализации структурными факторами (формула 1) и особенностью связи между производительностью труда и интенсивностью перелива занятых из материального производства в сектор услуг (формула 2). Они представляются удобными для эмпирического анализа и построения сценариев с различными оценками скорости терциализации на уровне стран, групп и глобальной экономики.

6. Эмпирический анализ выявил, а точнее, подтвердил, закономерность в развитии соотношения между производительностью труда в секторе материального производства и секторе услуг. Эта закономерность – восходящий тренд, отражающий опережающую динамику роста производительности труда в материальном секторе относительно сектора услуг. Как показал анализ, все группы стран стремятся пересечь барьер «1» в этом соотношении, но пока это удалось лишь группе стран с высоким уровнем дохода.

7. Количественные результаты по анализу развития пропорций между сектором услуг и агрегатом «прочие сектора» (в статье он именуется «материальный сектор»), в т. ч. производительностей труда, проведены на основе оценок в «постоянных» и «текущих» долларах США. Для повышения точности расчетов, их «методологической чистоты» следовало бы применить оценки на основе паритета валют для производственной сферы (по аналогии с паритетом покупательной способности валют для компонентов ВВП по методу использования). Пока это направление только разрабатывается в статистической практике.

В заключение отметим, что дальнейшие исследования мы планируем проводить в направлении анализа эффектов, связанных с развитием отдельных сегментов многоотраслевой сферы услуг, включая сегмент «экономики знаний», с привлечением статистики таблиц «затраты-выпуск».

ПРИМЕЧАНИЯ:

[1] Объем ДС в сфере материального производства оценен ориентировочно по разнице между стоимостным объемом ВВП (без снятия чистых налогов на продукты) и ДС в секторе услуг.

[2] Расчеты проведены авторами на основе информации ВБ и Энциклопедии «Кругосвет». URL: https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators;

URL: https://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/ekonomika_i_pravo/SFERA_USLUG.html

[3] Производительность труда оценивалась как производство добавленной стоимости на одного занятого.

[4] Переход к заключительной формуле в правой части (2) осуществлен с использованием функционального представления: $PR_E = dZ_{CЗ} \cdot PR_{CЗ} + (1 - dZ_{CЗ}) \cdot PR_M$

БИБЛИОГРАФИЯ:

1. Савчишина К.Е. Развитие сферы услуг как фактор формирования экономической динамики/ Научные труды. ИНП РАН, 2024, №1. с.171-191@@ Savchishina K.E. Razvitie sfery` uslug kak faktor formirovaniya e`konomicheskoj dinamiki/ Nauchny`e trudy`. INP RAN, 2024, №1. s.171-191.
2. Балаева А., Предводителева М. Сфера услуг в мировой экономике: тенденции развития/ Мировая экономика и международные отношения, 2007, №3. с. 23-28. @@ Balaeva A., Predvoditeleva M. Sfera uslug v mirovoj e`konomike: tendencii razvitiya/ Mirovaya e`konomika i mezhdunarodny`e otnosheniya, 2007, №3. s. 23-28. https://doi.org/10.20542/0131-2227-2007-3-23-28
3. Демидова Л.С. Сфера услуг: изменение динамики производительности/ Мировая экономика и международные отношения, 2006, №12, с. 40-52. @@ Demidova L.S. Sfera uslug: izmenenie dinamiki proizvoditel`nosti/ Mirovaya e`konomika i mezhdunarodny`e otnosheniya, 2006, №12, s. 40-52. https://doi.org/10.20542/0131-2227-2006-12-40-52
4. Селиванова М. В. Развитие рынка услуг в Российской Федерации. Российский внешнеэкономический вестник, 2024, №1, с. 118–130. @@ Selivanova M. V. Razvitie ry`nka uslug v Rossijskoj Federacii. Rossijskij vneshnee`konomicheskij vestnik, 2024, №1, s. 118–130. https://doi.org/10.24412/2072-8042-2024-1-118-130
5. Стрижкова Л.А., Тишина Л.И., Селиванова М.В. Структурные сдвиги в экономике России и ее импортоемкости в 2014-2019 годах: анализ макроэкономической статистики/ Вопросы статистики, 2021, т.28 №5 с.5-27@@ Strizhkova L.A., Tishina L.I., Selivanova M.V. Strukturny`e sdvigi v e`konomike Rossii i ee importoemkosti v 2014-2019 godax: analiz makroe`konomicheskoj statistiki/ Voprosy` statistiki, 2021, t.28 №5 s.5-27.
6. Fisher A. The Clash of Progress and Security. – London : Macmillan, 1935. – 234 p.
7. Clark C. The Conditions of Economic Progress. – London : Macmillan, 1940. – 515 p.

8. Занадворов В.С., Занадворова А.В. Экономика города. — М.: Академкнига, 2003, 267 с. @@ Zanadvorov B.C., Zanadvorova A.V. E`konomika goroda. – M.: Akademkniga, 2003, 267 s.– ISBN 5-94628-099-6

9. Гугняк В.Я. Экономическая мысль Ж. Фурастье/ Вопросы экономики и права. 2016, № 6, с. 29-36.@@ Gugnyak V.Ya. E`konomicheskaya my`sl` Zh. Furast`e/ Voprosy` e`konomiki i prava. 2016, № 6, s. 29-36.

10. Fourastie J., Laleuf A. Revolution a l'Ouest. Paris, 1957. - 275 p.

11. Махлуп Ф. Производство и распространение знаний в США. – М.: Прогресс, 1966, 462 с.@@ Maxlup F. Proizvodstvo i rasprostranenie znanij v SShA. – M.: Progress, 1966, 462 s.

12. Drucker P. F. The age of discontinuity guidelines to our changing society/ Harper & Row. New York 1969. 402 p.

13. Кукушкин С.Н. Четырехсекторная модель экономики/ Вестник РЭУ им. Г.В. Плеханова. 2020, т.17. №1 (199) с.25-31@@ Kukushkin S.N. Chety`rexsektornaya model` e`konomiki/ Vestnik RE`U im. G.V. Plexanova. 2020, t.17. №1 (199) s.25-31.

14. Сергеев С.М. Методология и организация Программы международных сопоставлений ООН 2011 (глобальное сопоставление ВВП на основе паритетов покупательной способности валют) @@ Sergeev S.M. Metodologiya i organizaciya Programmy` mezhdunarodny`x sopostavlenij OON 2011 (global`noe sopostavlenie VVP na osnove paritetov pokupatel`noj sposobnosti valyut). URL: http://icp.cisstat.com/files/metology/cis/cis_icp_01.pdf

15. Косарев А.Е. Паритет покупательной способности валют – уникальный инструмент международных сопоставлений/ Вопросы статистики, 2014, №5 с.63-72.@@ Kosarev A.E. Paritet pokupatel`noj sposobnosti valyut – unikal`ny`j instrument mezhdunarodny`x sopostavlenij/ Voprosy` statistiki, 2014, №5 s.63-72.

16. Timmer M., Ypma G. van Ark B. PPPs for Industry Output: A New Dataset for International Comparisons. Groningen Growth and Development Centre, Research Memorandum GD-82. March 2007. URL: http://irs.ub.rug.nl/ppn/302975187

17. Konijn P. Purchasing Power Parities in Europe – reflections on uses, recent developments and the future of ICP, Workshop on Inter-Country and Intra-Country Comparisons of Prices and Standards of Living, September 2014, Arezzo, Italy. URL: http://icp.cisstat.com/files/public/CIS_ICP_102%20Paul%20Konijn%20ENG.pdf

Список статей, опубликованных в журнале «Российский внешнеэкономический вестник» в 2025 г.

Авторы и наименования статей в распределении по рубрикам журнала	*№*	*Стр.*
ОТ РЕДАКЦИИ		
Состав редакционной коллегии журнала Editorial Board	1 2 3 4 5 6 7 8 9	3-6 3-6 3-6 3-6 3-6 3-6 3-6 3-6 3-6
С ЮБИЛЕЕМ		
Заведующему кафедры «Гуманитарных и социальных наук» профессору Саркисяну Сурену Ашотовичу исполнилось 75 лет!	9	7-7
Судьба во благо российско-казахстанской международно-правовой науки	1	7-9
ВНЕШНЕТОРГОВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ		
А.А. Андреева Цифровые технологии в оптимизации внешнеторговых операций международных компаний потребительского сектора	3	95-102
Т.В. Анисимова, Е.А. Синельникова Экспорт и продвижение российского образовательного продукта на зарубежном рынке	4	33-42
И.З Аронов, А.М. Рыбакова, А.Н. Захарова Экспортно-импортная деятельность России через призму инфраструктуры качества	8	22-34
А.М. Голубчик, Е.В. Пак Альянс как перспективная форма органиции линейного судоходства в современной России	7	83-91
А.М. Голубчик, Е.В. Пак Особенности страхового обеспечения логистики внешней торговли России	4	43-52

Авторы и наименования статей в распределении по рубрикам журнала	*№*	*Стр.*
Д.С. Гордеев, Т.А. Баквенье Прогнозирование загруженности пунктов пропуска через границу Российской Федерации	1	82-91
Е.В. Дагилис Новые экспортные технологии реализации российского энергетического угля через биржевые и внебиржевые торги	4	61-67
Д.И. Кондратов Нефтяная промышленность Индии: эволюция и российские перспективы	4	7-32
М. А. Кузнецов Систематизация активизирующих условий внедрения инноваций во внешнюю торговлю России	2	107-125
А.Д. Левашенко, И.С. Ермохин, Д.А. Голованова Поиск баланса регулирования развития ВАТС в России	9	69-84
Е.В. Одинцова Новые барьеры в международной логистике	7	92-103
О.Л. Орлова Стратегическое партнерство России и Венгрии в условиях изменения энергетического ландшафта Европы	4	53-60
П.Н. Павлов Оценка внешнеторговой компоненты темпов роста российской экономики в 2025 году и на период до 2028 года	9	60-68
А.В. Панов Развитие электронного оформления перевозок из России в Китай	6	63-76
А.Н. Спартак, Ю.Б. Кравченко, Е.М. Шелгинских Перспективы развития бартерной торговли между Россией и Пакистаном	8	7-21
И.Ю. Ткаченко, А.В. Попук Институциональное сотрудничество России и Турции как фактор расширения торгово-экономической кооперации стран	3	103-115
Е.А. Федулова Расширение технологического сотрудничества России с БРИКС	6	77-105
А.С. Фиранчук Российский импорт фармацевтических товаров в период санкций	9	42-59
А.В. Хаиров Торговый потенциал России и Марокко: подход гравитационной модели	8	35-43
Р.Ю. Чжао Перспективы экспорта несырьевых товаров из России в Китай	2	126-134

Авторы и наименования статей в распределении по рубрикам журнала	№	Стр.
ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКИЕ СВЯЗИ РОССИИ		
А.И. Алексеева, Н.И. Иванова Африканский вектор развития внешнеэкономических связей России	1	118-130
Е.Л. Андреева, А.В. Ратнер Методический подход к оценке региональной ВЭД в условиях современных глобальных вызовов	2	7-24
Е.Л. Андреева, А.В. Ратнер, Е. А. Карагулян Косвенные показатели оценки внешнеэкономической деятельности региона	3	66--81
А.В. Галеев, Е.А. Галеева Импортозамещение в автомобильной промышленности: исторический обзор	1	92-109
Н.И. Иванова, В.В. Тимашова Основы технологического суверенитета в контексте внешнеэкономических связей стран	2	25-43
О.Л. Орлова Перспективы российско-венгерского сотрудничества на рынке нефти	1	110-117
Ф.В. Трегубенко Реализация стратегических целей России и сотрудничество с БРИКС в сфере обеспечения экономики минерально-сырьевыми ресурсами	3	82-94
МЕЖДУНАРОДНАЯ ТОРГОВЛЯ		
И.З. Аронов, А.М. Рыбакова, А.Н. Захарова Соглашения о взаимном признании результатов оценки соответствия: современная практика	5	7-18
А.А. Бабошкина Развитие разработок цифровой валюты в Китае и влияние этого на международную торговлю	7	57-66
К.М. Багдасарян Эволюция международной торговой системы	7	67-82
Я.И. Бизюк Цифровые национальные валюты как инструмент международных расчетов и способ нивелирования санкционных ограничений	5	33-43
И.А. Ганюшкина, А.А. Юрченко Нефтяной экспорт Бразилии: специфика и перспективы	5	44-64
Э.Э. Гусейнов, Т.М. Исаченко Защита интеллектуальной собственности в фармацевтической отрасли ЕС и глобальный доступ к лекарствам	9	25-41

Авторы и наименования статей в распределении по рубрикам журнала	*№*	*Стр.*
Т.М. Исаченко, И.А. Медведкова Подходы к определению «чувствительных» товаров и ведение переговоров о свободной торговле	6	47-62
И.Ю. Кархова Применение цифровых технологий в логистике	7	45-56
Л.В. Кривокоченко Актуальные аспекты развития современного мебельного рынка	5	65-75
С.В. Ноздрев Глобальные цепочки создания стоимости в Азии на новом этапе международной конкуренции	2	44-60
В.В. Панин, Т.В. Космачева Диверсификация экспортной специализации добывающих стран как направление к достижению устойчивого развития	5	76-88
А.Н. Плотников, А.Н. Климентьев Внешняя торговля Австрии: состояние и перспективы	8	96-111
Н.С. Пыжиков, К.С. Кузьмичев, В.Н. Живалов Торгово-экономическое сотрудничество Евразийского экономического союза с потенциальными странами-партнерами по Большому Евразийскому партнерству	7	28-44
Ю.А. Савинов, Г.А. Орлова, А.В. Скурова, Е.В. Тарановская Цифровые технологии в международном бизнесе	5	19-32
В.Ю. Саламатов, Е.А. Метелева, А.В. Проскурин Интеграция северного морского пути с международными транспортными коридорами	7	7-27
В.Ю. Саламатов, А.В. Тангаева, А.А. Жаркова Расширение БРИКС 2024: финансовый суверенитет в продвижении торговой интеграции	6	7-23
А.С. Смбатян, Е.С. Лунина Проект международного договора о загрязнении пластиком и последствия для многосторонней торговли	6	24-46
И.И. Фазрахманов, Р.Н. Акчурина Перспективы российского экспорта в страны Африки	5	89-93
В.В. Французов Развитие инвестиционного сотрудничества Венесуэлы с зарубежными странами в новых геополитических условиях	9	8-24

Авторы и наименования статей в распределении по рубрикам журнала	*№*	*Стр.*
МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА		
Е.И. Андреева, В.Г. Лысенчук Гармонизированная система описания и кодирования товаров как международный инструмент по сокращениюпластикового загрязнения	6	106-116
О.Н. Афанасьева, К.А. Огонлух Индексные фонды и этапы их развития в России	6	117-123
А.А. Бабошкина Возможности валютного сотрудничества в рамках БРИКС	4	93-103
А.А. Бабошкина Новая криптовалюта в США и реакция Европейского союза	2	69-76
А.А. Бабошкина Использование цифровых денежных средств в Африке	8	62-70
В.А. Баринова, М.В. Горонович, А.М. Жемкова, А.С. Каукин, Е.М. Миллер Отраслевые приоритеты развития: международный опыт и возможности для России	5	110-126
А.В. Божечкова, С.И. Колесник, П.В. Трунин Глобальные экономические дисбалансы в современном мире	3	23-42
Т.А. Бреус, Е.С. Сулима Актуальные тенденции и перспективы развития объединения БРИКС+	7	125-134
В.А. Еремкин, К.А. Тузов Детерминанты притока иностранных инвестиций и институциональные ограничения инвестиционной политики России	9	85-107
Н.С. Зиядуллаев, Н.К. Аимбетов, Д.В. Тростянский (Узбекистан) Либерализация во внешнеэкономической деятельности Нового Узбекистана и Центральной Азии	3	7-22
Н.К. Зокирова, Н.Т. Талипова (Узбекистан) Факторы и механизмы устойчивого роста экономики	2	94-106
Г.М. Костюнина Перспективы развития водородной энергетики во Вьетнаме	5	94-109
К.А. Кугучин ТНК на мировом рынке аграрных биотехнологий	1	49-65

Авторы и наименования статей в распределении по рубрикам журнала	*№*	*Стр.*
Г.В. Кузнецова Новые тенденции в формировании глобальных стоимостных цепочек	7	104-118
А.А. Мальцев Возможные контуры будущего глобальных цепочек создания стоимости	1	10-25
А.Г. Минаев Основные результаты цифровой трансформации в странах ЕАЭС	8	71-84
М.А. Миткина Меры ЕАЭС для бизнеса по реализации ESG-повестки	8	85-95
Д.А. Моисейчев Стратегические фонды развития в современной глобальной экономике	1	66-81
В.Ю. Мягков «Гренландский вектор» геоэкономической стратегии США	2	61-68
С.А. Осокина, В.Л. Абрамова, Д.А. Лютова Анализ тональности новостей о международной торговле в условиях санкций: подходы NLP	2	77-93
Е.С. Ратушняк, В.В. Шаповалов Концепция экосистемы в экономике и управлении: систематический обзор	3	49-65
Н.Ю. Родыгина, А.В. Синилова Современные тенденции развития креативной экономики в Африке	3	43-48
Н.М. Светлов Шоки на рынках сельхозпродукции: последствия для внешней торговли	8	44-61
А.В. Синилова Развитие креативной экономики: опыт США	4	104-112
А.В. Синилова Современные тенденции развития креативной экономики в странах Азии	7	119-124
Л.А. Стрижкова, М.В. Селиванова Сфера услуг и экономическое развитие	9	108-127
Г. К. Султанова (Узбекистан) Возможности диверсификации товарной структуры и географии экспорта Узбекистана	4	68-92
А.А. Ткаченко Знаковые изменения на международных рынках капитала	1	26-48

Авторы и наименования статей в распределении по рубрикам журнала	*№*	*Стр.*
МИРОВЫЕ ТОВАРНЫЕ РЫНКИ		
Г.Ф. Эндрю Развитие мирового рынка медицинского оборудования в начале 2020-х годов	3	116-130
ЭКСПОРТНАЯ БАЗА РОССИИ		
Т.А. Куприянова Экспортный потенциал Красноярского края в рамках международного сотрудничества	5	127-134
М.И. Ливенец Разработка механизма повышения диверсификационной активности экспортной деятельности сырьевых регионов	8	122-132
С.Н. Наумов, С.В. Власов, М.А. Екатериновская Экспортный потенциал России: оценка и направления развития	8	112-121
ТРИБУНА МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ		
Махамат Салех Юссуф Абдулай (Республика Чад) Влияние цифровизации на экономику Республики Чад	4	126-132
С.О. Танганов Возможности использования инфраструктурных проектов России за рубежом для развития двусторонней торговли на примере США	6	124-130
Ян Тянь (Китай) Проблемы и перспективы китайско-российского сотрудничества в сфере СПГ в Арктике	4	113-125
ИНФОРМАЦИЯ		
Список статей, опубликованных в журнале «Российский внешнеэкономический вестник» в 2025 г.	9	128-134